ISSN 0321-3056
DOI 10.23683/0321-3056

ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Северо-Кавказский регион

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2018 1

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

В.И. Колесников (главный редактор),
В.Е. Закруткин, В.С. Золотарёв, А.В. Павленко (заместители главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (отв. секретарь)

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимурадов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магометов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
В.В. Черноус – кандидат политических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации, Дагестанский государственный технический университет, Дагестанский государственный университет, Донской государственный технический университет, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет, Пятигорский государственный университет, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Северо-Кавказский федеральный университет, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, Южно-Российский институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 23.03.18. Выход в свет 28.03.18.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,60. Уч.-изд. л. 21,73.
Тираж 250 экз. Заказ № 6316

Адрес редакции и издателя (для переписки):
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии серии «Общественные науки»:
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

© Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион, 2018

Journal was founded in 1972 by Y.A. Zhdanov

Central Edition:

V.I. Kolesnikov (Chief Editor),
V.E. Zakrutkin, V.S. Zolotarev, A.V. Pavlenko (Deputy Chief Editor),
E.A. Shinkarenko (Executive Secretary)

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
V.V. Chernous - Doctor of Political Sciences, Professor, Southern Federal University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders

Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Dagestan State Technical University, Dagestan State University, Don State Technical University, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Kuban State University, Kuban State Technological University, Pyatigorsk State University, Rostov State Transport University, Rostov State University of Economics, Khetagurov North Ossetian State University, North Caucasus Federal University, Platov South Russian State Technical University, South Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration of the President of the Russian Federation, Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print 23.03.18. The publication 28.03.18.
Format 60×84 1/8. Offset paper.
Conv. print. sheets 18.60. Publ. sign. 21.73.
Edition 250 copies. Order number 6316

Address editorial board and the publisher (for correspondence):
344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address editorial board of the series “Social Sciences”:
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00 ext. 11-093; (863) 218-40-00 ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

© Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region, 2018

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

IZVESTIYA VYSSHIKH UCHEBNYKH ZAVEDENII. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

DOI 10.23683/0321-3056-2018-1

Регистрационный номер 011018 Комитета Российской Федерации по печати
Научно-образовательный и прикладной журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 1 (197) 2018 г.

Reg. No. 011018 Of the Russian Federation Committee for the Press
Educational-research journal of applied sciences
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 1 (197) 2018

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Акимов Р.А., Бабаева Д.П. Познание сущности времени и смысл человеческого бытия…… 4
Бережная Н.В., Веремчук А.С., Сорокин Г.В. Утопия, мировоззрение, прогресс…….. 10
Гришанова Е.В. Комическое как проявление адаптивного потенциала личности…….. 15
Клинцова М.Н. Современная российская семья: основные тренды …… 20
Печкуров И.В. Онтология проявления демонстративного потребления в современном российском обществе……. 25
Сорокин Г.В., Веремчук А.С. Октябрь 1917 – случайность, закономерность, замысел? …… 30
Хоконов М.А., Гукепшоков М.Х., Дымов Э.М. Феномен культурной трансценденции в мифоэпической традиции адыгов……... 36
Цифанова И.В. Идентичность в системе индивидуального и коллективного целеполагания…. 45

Akimov R.A., Babaeva J.P. Consciousness of the Essence of Time and Meaning of Human Being …… 4
Berezhnaya N.V., Veremchuk A.S., Sorokin G.V. Utopia, World View, Progress…... 10
Grishanova E.V. Comic as the Manifestation of the Person's Adaptive Potential……..….. 15
Klintsova M.N. Modern Russian Family: Main Trends……. 20
Pechkurov I.V. The Ontology of Demonstrative Consumption in Modern Russian Society…… 25
Sorokin G.V., Veremchuk A.S. October 1917 - Randomness, Pattern, Conspiracy? … 30
Khokonov M.A., Gukepshokov M.Kh., Dymov E.M. The Phenomenon of Cultural Transcendence in Mythoepic Tradition of Circassians 36
Tsifanova I.V. Identity in Individual and Collective Goal-setting…….. 45

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

Агафонов А.И. Донское казачество в современной научной литературе: проблемы, поиски, решения…… 52
Амплеев Р.А. Законодательное и инструктивное оформление кампании по изъятию церковных ценностей на юге России в 1922 году …… 71

Agafonov A.I. Don Cossacks in the Modern Scientific Literature: Problems, Searches, Solutions …….. 52
Ampleev R.A. Legislative and Instructive Formation of the Campaign for the Delivery of the Church Values in the South of Russia 1922 71

Венков А.В. Антисоветские органы разведки и контрразведки на Дону в 1918–1919 годы….. 75
Гаража Н.А., Ирицян Г.Э. Система побудительных мотивов и стратегий выживания «восточных рабочих» в Третьем рейхе (в свете теории Э. Фромма)…….. 86
Джамоли С.К. Особенности исламизации караханидов (IX – XI века)……..... 94
Казанцев А.С. Сравнительный анализ процессов адаптации научно-технических иммигрантов А.А. Штернфельда и Р.Л. Бартини в период их деятельности в Советском Союзе..…… 99
Попов М.Е. Опыт применения светских методов культурного преобразования Российского государства: на примере «реформы веселья» Петра I……... 107
Смыков Е.В. После поражения: Марк Антоний, Армения и Мидия Атропатена в 35–33 гг. до н.э. …… 112
Черкасов А.В. О первобытной археологии Крыма в творческом наследии Е.А. Векиловой 117

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Брызгалова И.Г. Опыт реализации программы «Обучение сельских учителей финансовой грамотности и методике проведения просветительской работы с сельским населением» (на материалах Краснодарского и Ставропольского краев)…..... 124
Донченко Е.Г. Инструменты корпоративной системы социально-инвестиционного перераспределения (на примере ОАО «РЖД»)….. 132
Королев В.К., Евграфова О.В. Экономическая культура предпринимателя в России: проблемы «форматизации»…… 141

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Денисов В.В. – *Осипов Ю. М.* Я – революциЯ! 1917–2017: сто лет Российской революции – столетие российских революций. М.: ТЕИС, 2017. 81 с. …… 148
Исмаилов Н.И. – М.Р. Гасанов – историк и личность. Махачкала: Издательский дом, 2017. 391 с. ……. 151
Кузьминов П.А., Черноус В.В. – *Журтова А.А., Максимчик А.Н.* Историография российско-кавказских отношений в XVI–XIX вв.: два подхода к осмыслению проблемы. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. 440 с. 154
Мининков Н.А., Трапш Н.А. – Очерки истории Северного Кавказа. XX век / Т.А. Невская и др.; науч. ред. Т.А. Булыгина. Пятигорск; Ставрополь : ПГЛУ, 2014. 354 с. ……..... 156

Venkov A.V. Anti-soviet Intelligence and Counterintelligence Agencies on the Don in 1918-1919 75
Garazha N.A., Iritsyan G.E. The System of Incentives and Strategies for the Survival of the "Eastern Workers" in the Third Reich (in the Light of E. Fromm's Theory)……. 86
Jamoli S.K. Features of Islamization of Kara-Khanid (IX - XI Century)…… 94
Kazantsev A.S. Comparative Analysis of the Processes of Adaptation to Scientific and Technical Immigrants A. A. Shternfeld and R. L. Bartini in the Period of Their Activities in the Soviet Union 99
Popov M.E. Experience in Applying Secular Methods of Cultural Transformation of the Russian State: The Example of the Reform of Peter I in the Field of Entertainment Culture in the Early XVIII Century 107
Smykov E.V. After the Defeat: Mark Antony, Armenia and Media Atropatene in 35-33 BC……... 112
Cherkasov A.V. On the Primitive Archeology of Crimea in the Creative Heritage of E.A. Vekilova 117

ECONOMIC SCIENCE

Bryzgalova I.G. The Experience of Realization of the Program “Training Rural Teachers Financial Literacy and How to Educate the Rural People” (on Materials of the Krasnodar and Stavropol Regions)……..... 124
Donchenko E.G. Instruments of Corporate Social and Investment Redistribution System (by the Example of the JSC “RZD”)…….. 132
Korolev V.K., Evgraphova O.V. Economic Culture of an Entrepreneur in Russia: The Problem of «Formatting»……... 141

BOOKS REVIEW

Denisov V.V. – *Osipov Yu.M.* I am a Revolution! 1917-2017: One Hundred Years of the Russian Revolution - the Century of Russian Revolutions. Moscow: TEIS, 2017, 81 p. …… 148
Ismailov N.I. – M.R. Gasanov - Historian and Person. Makhachkala: Izdatel'skii dom, 2017, 391 p. …… 151
Kuzminov P.A., Chernous V.V. – *Zhurtova A.A., Maksimchik A.N.* Historiography of Russian-Caucasian Relations in the 16th-19th Centuries: Two Approaches to Understanding the Problem. Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2017, 440 p. …….. 154
Mininkov N.A., Trapsh N.A. – Essays on the History of the North Caucasus. XX century / T.A. Nevskaya and others; sci. ed. T.A. Bulygina. Pyatigorsk; Stavropol: PGLU, 2014, 354 p. …..... 156

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCE

УДК 101.1 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-4-9

ПОЗНАНИЕ СУЩНОСТИ ВРЕМЕНИ И СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

© 2018 г. Р.А. Акимов [a], Д.П. Бабаева [b]
[a] Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия,
[b] Дагестанский государственный медицинский университет, Махачкала, Россия

CONSCIOUSNESS OF THE ESSENCE OF TIME AND MEANING OF HUMAN BEING

R.A. Akimov [a], J.P. Babaeva [b]
[a] Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia,
[b] Dagestan State Medical University, Makhachkala, Russia

Акимов Рустам Акимович –
доктор философских наук, профессор,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
ул. Ярагского, 57, г. Махачкала, Дагестан,
367003, Россия.
E-mail: rustamakimov@mail.ru

Rustam A. Akimov -
Doctor of Philosophy, Professor,
Dagestan State
Pedagogical University,
Yaragskogo St., 57, Makhachkala, Dagestan,
367003, Russia.
E-mail: rustamakimov@mail.ru

Бабаева Джамиля Платоновна –
кандидат химических наук, доцент,
Дагестанский государственный
медицинский университет,
пл. Ленина, 1, г. Махачкала, Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: dgma@list.ru

Jamilya P. Babaeva -
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor,
Dagestan State
Medical University,
Lenina Sq., 1, Makhachkala, Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: dgma@list.ru

Анализируются философские представления о сущности времени и смысле жизни человека мыслителей прошлого (древнеиндийских, древнекитайских, древнегреческих). Показаны цивилизационные различия духовных культур, философских школ, традиций. Авторы предполагают, что формирование метатеоретических концепций устройства мира и его сущностной основы связано со стремлением обрести гармонию и стабильный порядок в жизни человека. Осмысление мира и фундаментальной ценности бытия человека – времени приводит к выводу, что ценности человека, как и все существующее, хрупки, непостоянны, подвержены гибели, замене новыми ценностями. Осознание тленности, конечности самого человека ставит проблему поиска смысла человеческой жизни. Каждый решает ее по-своему, для одних – это выявление «истинных ценностей человеческого бытия», для других – тупик, пессимизм. Мыслители, ученые, философы смысл жизни видят в познании сущности самого времени.

Ключевые слова: *время, смыл жизни, сущность, парадигма, картина мира, теория, человек, ценность.*

Philosophical concepts of the essence of time and the meaning of human life of thinkers of the past (ancient Indian, ancient Chinese, ancient Greek) are analyzed. The civilizational differences of spiritual cultures, philosophical schools, traditions are shown. The authors suggest that the formation of metatheoretical concepts of the organization of the world and its essential basis is associated with the desire to find harmony and a stable order in human life. Comprehension of the world and the fundamental value of human being-time leads to the conclusion that human values, like everything existing, are fragile, impermanent, subject to death, replacement by new values. The realization of the decay, the finiteness of man himself poses the problem of finding the meaning of human life. Every person solves it in his own way, for

some people it is the revealing of the "true values of human existence", for others - a dead end, pessimism. Thinkers, scientists, philosophers see the meaning of life in the knowledge of the essence of time itself.

Keywords: *time, meaning of life, essence, paradigm, world picture, theory, person, value.*

Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена стремительным развитием современного общества, информационных технологий, меняющимся мировоззрением людей и ценностными регуляторами их жизни. Ощущение скоротечности жизни человека обусловлено увеличивающимся удельным весом и объемом информационного потока. Философские вопросы, поднимавшиеся в рассуждениях мыслящей части человечества прошлого, вытесняются сегодня вопросами прагматической направленности, отступают на задний план вопросы смысла и цели жизни человека. Смысл жизни неизбежно сопряжен с временностью человеческого существования, а следовательно, с осмыслением фундаментального понятия бытия – времени. Рассуждения мыслителей прошлого о времени имеют глубокие смыслы, формирование которых требует сосредоточенности ума и спокойствия жизненного уклада. Открытие этих смыслов времени для современного технологизированного человека и есть задача статьи. В прагматическом аспекте открытие сущностного знания о времени будет способствовать раскрытию смысла существования личности, формированию его ценностно-ментальных жизненных императивов.

Подобно тому, как в Древней Индии становление философской мысли было связано с разъяснением смысла Вед, философия Древнего Китая берет свои истоки в комментариях «Книги перемен» (И Цзин). Форма преподнесения читателю тех или иных воззрений говорит о приверженности древних китайцев к четкости и порядку. Как правило, в содержание названий разделов книг входит указание количества свойств, которыми обладает обсуждаемый предмет: «О пяти способностях человека», «О трех моральных качествах», «О пяти основаниях времени» и т.д. Приведем пять оснований времени, которые изложены в «Книге истории» (Шу Цзин):

«Первая (основа) – год, вторая – месяц, третья – день, четвертая – (двадцать восемь созвездий) и (двенадцать) знаков Зодиака, пятая – вычисление для устройства календаря» [1, с. 106].

В Ригведе и в Упанишадах время раскрывается через «день», «год», «месяц» и т.д. Однако в китайском варианте указанные представления о времени приобретают статус «оснований» времени. У древних индийцев же время осмысливается как самодостаточная сущность мира, а «день», «год», «месяц» символизируют лишь его образы в феноменальном мире. Как видно, индийская философия создает более глубокую теорию времени. Можно задаться вопросом: до того как возникло солнце, в космосе существовало время или нет? По-видимому, у китайцев мы бы получили ответ – нет, времени не было, ибо только «круговорот» солнца обусловливает существование года, месяца, дня, а последние представляют основу времени. Индийская теория времени дала бы ответ – да, время существовало, ибо «круговорот» солнца обусловливает существование года, месяца и т.д., которые являются образами времени в сознании человека. Но отсутствие образов времени не есть основание для утверждения об отсутствии самого времени. Это говорит о том, что учение о времени у китайцев сложилось на чувственно-эмпирическом уровне, оно не поднимается до уровня абстрактных, метафизических представлений, что обусловлено спецификой познавательных парадигм в Древнем Китае.

Китай представлял собой цивилизацию с иным, чем в Индии, типом социальной и духовной организации. Древнеиндийская духовная культура в большей степени наполнена абстракциями, метафизическими размышлениями о бытии и человеке. Вектор познания здесь направлен на проблемы метафизического бытия, а способ, которым осуществляется познание, скрыт в самопознании, медитации. Стиль мышления китайцев, как правило, регулировался практикой социальной жизни и нравственных отношений. В этой связи, оценивая древнекитайскую культуру в сравнении с древнеиндийской, можно сказать, что менталитет древних китайцев отличался высокой степенью рациональности и прагматичности.

Значительное влияние на умы китайцев оказывали идеи, формировавшиеся в конфуцианской и даосской школах.

Картина мира у даосов проникнута идеей бесконечного естественного движения и изменения вещей в природе. «Превращения бестелесного, невидимого дао бесконечны и вечны. Оно и мельчайшее, и бесконечное, а его действие неис-

черпаемо, и оно в бесконечном движении. Находящееся в бесконечном движении не достигает предела» [2, с. 183].

Если сопоставить философские учения о дхарме и дао, то можно выявить следующие общие черты. Для философских школ, признающих авторитет Вед, дхарма осмысливается как всеобщий порядок, закон в природе и социальной жизни. Дао в китайской философии, так же как и дхарма, символизирует номологический порядок. У конфуцианцев – это императивы нравственности, социального долга. Для даосов – это естественный закон всего сущего. Для дхармы и дао свойственна абсолютность существования, невоспринимаемость на чувственном уровне, отрицание возможности определения их в качестве субстанции, а также вневременной статус.

Традиции даосской философии развиты в учении Ле-цзы и дошли до нас через книгу «Ле-цзы», составленной Чжан Чжанем. Вопросы, которые попадают в поле обсуждения Ле-цзы, связаны с проблемой начала времени, его конечности и бесконечности, соотношения времени и материальных вещей. Представления о времени в «Ле-цзы» раскрываются в диалоге правителя Инь-Тан и его слуги Ся Гэ. Инь-Тан спрашивает: «Существовали ли вещи в самой глубокой древности?». На что следует ответ Ся Гэ, что «если бы не было вещей в самой глубокой древности, то как могли появиться те вещи, которые ныне существуют? Разве можно, чтобы последующие поколения отрицали наличие вещей, которые существовали при предыдущих поколениях?». Продолжая беседу, Инь-Тан спрашивает: «Имеется ли разница между вещами предыдущими и последующими?», то есть происходит ли развитие во времени. Ответ Ся Гэ таков: «Процесс возникновения и исчезновения вещей бесконечен и относителен, так как они (постоянно) переходят друг в друга, их границу установить трудно» [3, с. 92–93]. В утверждении, что границу вещей установить трудно, неявно затрагивается вопрос об определении момента настоящего времени и о его выделении в цепи прошлых и будущих событий.

Рассуждения Ле-цзы о времени получают выход в жизненную практику человека в форме сентенций, наставлений. Одно из них гласит: «Процветают только те, которые действуют в соответствии с временем, а терпят неудачу те, которые действуют против течения времени… То, что было полезно в прошлом, может оказаться бесполезным сегодня; то, что бесполезно сегодня, может оказаться полезным в будущем» [3, с. 95].

От учения сообщества философов даосизм возводится до уровня официального мировоззрения царства Ци. Своеобразной Академией наук являлся «Дворец науки» в столице царства Ци, где разрабатывали свои учения представители даосизма и конфуцианства. Наиболее видными представителями даосизма во «Дворце науки» были Сун Цзянь и Инь Вэнь.

Раскрывая соотношение дао и времени, Сун Цзянь и Инь Вэнь отмечают, что дао «как бы существует и (в то же время) как бы не существует. Оно неисчерпаемо в веках. Изменяясь вместе со временем, дао сохраняет (в то же время) свое постоянство. Следуя за постоянно изменяющимися вещами, оно само не изменяется» [3, с. 103–104]. Китайские мыслители в своих высказываниях скорее ставят проблему, чем дают объяснение поднимаемым вопросам. Возможно, что подобный стиль изложения – печать тех времен, когда философия носила эзотерический характер и формулы сентенций и утверждений расшифровывались только «посвященными». Нам же остается строить версии возможных интерпретаций утверждений древних. В нашем понимании приведенное выше высказывание даосских философов можно интерпретировать следующим образом. Видимо, даосские мыслители, определяя дао как универсальный закон мира, пытались найти первосущность природного и социального бытия, регулирующую порядок становления событий. Однако «порядок» может оставаться неизменным только в случае неподверженности дао в процессе течения времени, так как изменение дао повлечет за собой изменение «порядка» в мире, а возможно, воплощения хаоса. Опасение жить в эпоху перемен и хаоса породило китайское проклятие: лучше быть собакой в спокойное время, чем человеком в эпоху перемен. Таким образом, можно предположить, что формирование метатеоретических концепций устройства мира и его сущностной основы связано со стремлением обрести гармонию и стабильный порядок в жизни человека.

Но если дао не подвластно времени, то оно теряет характер естественности своей сущности, на которой так настаивали даосы. Поэтому мыслители и утверждают, что дао и существует, и не существует в одно и то же время. Ведь существование предполагает обязательное изменение во времени, что не должно быть с дао. Если же предположить, что время – это то же дао, вернее способ его проявления, то в этом

случае рассуждения китайских мыслителей основательны. Действительно, время и существует, и не существует, так как, во-первых, его невозможно увидеть, непосредственно почувствовать, ощутить, во-вторых, оно как номологическая сущность определяет порядок становления вещей в мире, сохраняя неизменной свою сущность [4, с. 51–58].

Интересны высказывания о времени еще одного последователя даосизма Чжуан-цзы. Он четко определяет такие фундаментальные свойства времени, как необратимость и невозможность остановить его: «Пройденные годы нельзя вернуть, (бегущее) время нельзя остановить. (Все вещи постоянно находятся в процессе) увядания и роста, наполнения и опустошения, завершив (один путь), начинают (другой). Жизнь вещей подобна стремительному бегу, она изменяется с каждым движением, перемещается с каждым мигом» [3, с. 122].

Чжуан-цзы отмечает в числе свойств времени – непрерывность течения. Он говорит, что «каждая вещь (в одно и то же время) существует как “другое” и как “это”. Как “другое” она не видна, а как “это” познается (легко). Поэтому и говорят: “другое” происходит от “этого”, а “это” является следствием “другого”». И еще: «… (шествие времени непрерывно, участь (вещи) не постоянна, начало и конец меняются местами» [3, с. 122–123]. Логическими синонимами «другого» и «этого», видимо, являются понятия – «будущее» и «настоящее». Тогда сказанное Чжуан-цзы можно выразить так: будущее воплощено в настоящем, но мы не можем «видеть» его, и, поэтому считаем, что настоящее есть причина будущего. Если продолжить рассуждение об отношении между будущим и настоящим, то можно заключить, что понятия – «прошлое», «настоящее» и «будущее» – это лишь субъективные формы познавательных способностей человека неспособного «увидеть» будущее. Выведя за скобки субъективные представления о времени, время можно представить в виде бесконечного развернутого ряда событий, неразличимого в категориях прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, утверждение о непрерывности времени ведет к представлению о времени как некоего развернутого, упорядоченного ряда событий, что получило название статической концепции времени. Чжуан-цзы проецирует данные воззрения в область социальной жизни: социального поведения, жизненных и этических императивов. Идея бесконечного, непрерывного времени обусловливает формирование мировоззренческих установок человека, воспитывая в нем соответствующее отношение к жизни. Он пишет, что «размеры вещей безграничны; время не останавливается; судьба непостоянна; конец и начало непрочны. Поэтому человек, обладающий великими знаниями, (одинаково) смотрит на далекое и близкое; малое не считает ничтожным, а большое – огромным, так как знает, что размеры (вещей) безграничны; … настоящее и прошлое – (это одно и то же), и поэтому не тоскует по далекому (прошлому) и не пытается схватить близкое (настоящее), так как знает, что время никогда не останавливается» [1, с. 269].

Мысль о том, что настоящее и прошлое неразличимы развивали представители древнегреческой элейской школы. Так, согласно Парменидy, разум выводит нас на идею вечного мира, в котором не существует прошлого и будущего, а существует «вечное настоящее»: круговорот событий мира, обозначаемый знаками – прошлое, настоящее, будущее, – и генерирующей идею времени в форме упорядоченного становления – всего лишь иллюзия чувств. Поэтому (пустым) именем будет все, утверждает Парменид, что смертные установили (в языке), убежденные в истинности этого: «Рождаться и гибнуть», «Быть и не быть», «Менять место» и «Изменять яркий цвет» [5, с. 290].

Платон и Аристотель дали глубокий, фундаментальный анализ идеи времени, сконструировав новые парадигмы его, которые обрели доминирующее значение в познании времени мыслителей последующих поколений, вплоть до наших дней.

Определяя иерархию идей и соответственно иерархию их копий в мирах «истинном» и «неистинном», Платон выделяет различные уровни представления времени в человеческом познании. Картина бытия, по Платону, представима в трех состояниях: первое – мир божественный, не поддающийся осмыслению через категорию времени, так как идея времени еще не была рождена в Божественном уме. В «Тимее» Платон пишет о том, что творится Богом вместе с космосом, а следовательно, сам Бог имеет вневременную сущность. Однако говоря о времени, Платон утверждает, что оно вечно. Получив начало своего существования в мире от Бога, время обретает атрибут вечности. Кроме того, он вводит понятие о времени как длительности движения

небесных тел, определяемую по законам числовых отношений. Так, рассуждая о понятиях «было» и «будет», Платон пишет: «Нет, – все это – виды времени, подражающего вечности и бегущего по кругу согласно законам числа» [6, с. 447].

Развитие парадигмы времени как порядка числовых отношений проводит Аристотель. «Когда же есть предыдущее и последующее, – пишет он, – тогда мы говорим о времени, ибо время не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему» [7, с. 149].

Формирование представлений о пространстве и времени сопрягается с ассоциативным выбором в реальном мире явлений, которые могут служить основой формируемых парадигм. Для пространства ассоциативным аналогом в реальном мире служат тела, обладающие выраженными формами, упорядоченные в определенные конфигурации. Для формирования представлений о времени нет в природе фиксируемого референта. Наиболее близким для времени образом, формирующим явлением в мире выступает движение. В наглядности оно представляется как перемещение в пространстве. Итак, наглядно-образное представление времени связано с упорядоченным, последовательным перемещением в пространстве природных объектов. Так возникла парадигма геометризированного времени, в которой время представляется как последовательное становление событий мира, упорядоченно укладывающихся на воображаемой линии, а точки этой линии ассоциируются с моментами времени.

Противоречия, которые возникают в апориях Зенона, есть следствие того, что логические выводы он строил, используя парадигму геометризованного времени. Так, в апории «Дихотомия» Зенон следующим образом доказывает нереальность движения. Он утверждает, что какой-либо конечный интервал пространства в движении невозможно преодолеть в конечное время, так как сначала необходимо пройти половину данного интервала, а перед этим – половину данной половины, и так до бесконечности. При этом представлялось, что точка пространственного континуума делима до бесконечности. Из «Дихотомии» следует, что данный интервал невозможно преодолеть в движении в конечное время. Таким образом, движение – это иллюзия познающего разума. Иллюзорность движения ведет к заключению об иллюзорности, нереальности времени. Кроме того, логика Зенона о необходимости сначала пройти половину требуемого пути легитимна в применении к пространственному континууму, так как пространство обладает свойством изотропности, симметричности. Но время анизотропно. Качественные характеристики времени – необратимость, упорядоченность становления событий только в одном порядке, необратимость – запрещают применять такую же логику, какая применялась Зеноном в отношении пространства [8].

Популярным в XIX в. стало доказательство Мак-Таггартом нереальности времени. Он не считает свой вывод о нереальности времени, получивший название «парадокса Мак-Таггарта», открытием в философии, напоминая, что до него к такому же выводу приходили Спиноза, Кант, Гегель. Однако Мак-Таггарт считает, что размышления, на основании которых он приходит к утверждению о нереальности времени, до него не приводилось ни одним из перечисленных философов [9, с. 9]. Хотя Мак-Таггарт и претендует на уникальность своего способа доказательства нереальности времени, однако схожие элементы доказательства нереальности времени можно обнаружить в дискуссии о времени между вайбхашиками и саутрантиками в древней Индии, а также у элейцев и скептиков [10, с. 173–180].

Задумываясь о временности своего существования, мыслящий человек доходит до понимания того, что время – это тот «символ», который несет в себе противоречивость созидания и разрушения, приход в жизнь и уход из нее, рождение и смерть.

Человек градирует многообразные события своей жизни и свое отношение к миру вещей, взглядов, идей по шкале выработанных человечеством ценностей – радости и печали, восхищения и разочарования, дружбы и вражды, веры и неверия и т.п. Но глубокое осмысление мира ценностей так или иначе пробивает путь, открывающий человеку главную фундаментальную ценность его бытия – время. Время «говорит», что ценности человека хрупки, непостоянны, как и все существующее, они подвержены трагической гибели, замене новыми ценностями. Осознание конечности, тленности самого человека и мира его ценностей для одних ведет к выявлению «истинных ценностей человеческого бытия»; для других – к тупику, пессимизму в поиске смысла человеческой жизни: коль все находится под властью неизбежного разрушения, то можно ли найти смысл прихода человека в этот мир. Третьи занимаются поиском ценностей, имеющих

«неземной» статус, неподвластных времени – религиозно-мистических ценностей, требующих принятия соответствующего жизненного кредо. Для четвертых временность человеческого существования наводит на мысль о необходимости психологической подготовки человека к уходу в небытие; родившись, человек уже должен готовиться к смерти; подготовка к смерти – и есть смысл жизни.

Оптимисты призывают решить проблему смысла человеческой жизни служением идее достижения всеобщего блага для будущих поколений людей. Таким образом, человек, уходя из жизни, оказавшись в прошлом, будет присутствовать в будущем своими созидательными делами.

Поиск смысла жизни порой выражается в самопознании. Изречение «Познай самого себя» было начертано на храме Аполлона в Дельфах, автором его по традиции считается один из семи мудрецов древности спартанец Хилон [8, с. 75–77]. В этом отношении примечательна мысль Низами Гянджеви, изложенная в стихотворной форме: «Все унесет, все сгубит время, прахом истребя. Вечно будет жить познавший самого себя».

И наконец, для ряда мыслителей, философов, ученых смысл жизни заключается в познании самого времени. Познав сущность времени, человек получит ответы на многие вопросы бытия, мира, своего места в этом мире, перспектив, целей и смысла своего существования.

Литература

1. Древнекитайская философия : в 2 т. М. : Мысль, 1972. Т. 1. 363 с.

2. Антология мировой философии : в 4 т. М .: Мысль, 1969. Т. 1 : Философия древности и средневековья. Кн. 1. 587 с.

3. *Ян Хин-шун*. Материалистическая мысль в древнем Китае. М. : Наука, 1984. 184 с.

4. *Акимов Р.А.* Номологическая концепция времени // Вестн. Московского ун-та. Сер. 7 : Философия. 1999. № 3.

5. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М. : Наука, 1989. 576 с.

6. *Платон*. Сочинения. Т. 3, ч. 1. М. : Мысль, 1971. 678 с.

7. *Аристотель*. Сочинения. Т. 3. М. : Мысль, 1981. 610 с.

8. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е изд. М. : Мысль, 1986. 571 с.

9. *McTaggart J.E.* The nature of existence. Vol. II / ed. by C.D. Broad. Cambridge, 1927. Republished Michigan, 1968.

10. *Щербатский Ф.И*. Избранные труды по буддизму. М. : Наука, 1988. 426 с.

References

1. *Drevnekitaiskaya filosofiya* [Ancient Chinese Philosophy]: in 2 vol. Moscow: Mysl’, 1972, vol. 1, 363 p.

2. *Antologiya mirovoi filosofii* [Anthology of World Philosophy]: in 4 vol. Moscow: Mysl’, 1969. Vol. 1. Philosophy of Antiquity and the Middle Ages. Book 1, 587 p.

3. Yan Khin-shun. *Materialisticheskaya mysl' v drevnem Kitae* [Materialistic Thought in Ancient China]. Moscow: Nauka, 1984, 184 p.

4. Akimov R.A. Nomologicheskaya kontseptsiya vremeni [Nomological concept of time]. *Vestn. Moskovskogo un-ta*. Ser. 7 : Filosofiya. 1999, No. 3.

5. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of the early Greek philosophers]. Ch. 1. Moscow: Nauka, 1989, 576 p.

6. Platon. *Sochineniya* [Compositions]. Vol. 3, ch. 1. Moscow: Mysl', 1971, 678 p.

7. Aristotel'. *Sochineniya* [Compositions]. Vol. 3. Moscow: Mysl', 1981, 610 p.

8. Diogen Laertskii. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [About life, teachings and from the revelations of famous philosophers]. 2th ed. Moscow: Mysl', 1986, 571 p.

9. McTaggart J.E. *The nature of existence*. Vol. II. Ed. by C.D. Broad. Cambridge, 1927. Republished Michigan, 1968.

10. Shcherbatskii F.I. *Izbrannye trudy po buddizmu* [Selected works on Buddhism]. Moscow: Nauka, 1988, 426 p.

Поступила в редакцию / Received ***30 января 2018 г. / January 30, 2018***

УДК 130.1 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-10-14

УТОПИЯ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ПРОГРЕСС

© 2018 г. Н.В. Бережная[a], А.С. Веремчук[a], Г.В. Сорокин[a]
[a] Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

UTOPIA, WORLD VIEW, PROGRESS

N.V. Berezhnaya[a], A.S. Veremchuk[a], G.V. Sorokin[a]
[a] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Бережная Наталья Викторовна –
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философии
и социально-гуманитарных дисциплин,
Донской государственный технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.
E-mail: rassgd@yandex.ru

Natalya V. Berezhnaya -
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Philosophy
and Social and Humanitarian Disciplines,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.
E-mail: rassgd@yandex.ru

Веремчук Алла Сергеевна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии
и социально-гуманитарных дисциплин,
Донской государственный технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.
E-mail: emealla@yandex.ru

Alla S. Veremchuk -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy
and Social and Humanitarian Disciplines,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.
E-mail: emealla@yandex.ru

Сорокин Геннадий Вениаминович –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии
и социально-гуманитарных дисциплин,
Донской государственный технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.
E-mail: gennadi-sorokin@yandex.ru

Gennady V. Sorokin -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy
and Social and Humanitarian Disciplines,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.
E-mail: gennadi-sorokin@yandex.ru

Исследуется феномен утопии в философском контексте, определяется диалектическая взаимосвязь всеобщего, особенного и единичного, выделяются критерии утопии, показаны формы утопии в цивилизационном пространстве.

Анализируется эволюционное и революционное развитие общественной идеологии, мифологии, утопии и научных представлений об обществе. В общественном сознании утопия занимает важное место, отношение к ней полярно – от полного неприятия до признания в качестве фундаментального социального института. Констатируется, что при определении понятия «утопия» важно учитывать контекст и идеологическую составляющую бытия духовной культуры в конкретном случае.

Делается вывод об отсутствии чётких границ в процессе эволюции духовной культуры между «научными» и «ненаучными» её элементами. Подчеркивается, что термин «утопия» очень противоречив и неоднозначен, имеет ограниченно научный смысл, поэтому может использоваться с двойной смысловой нагрузкой.

Ключевые слова: *утопия, мировоззрение, социальный прогресс, общественное сознание, наука, религия, трансгуманизм, потенция, интеллигенция.*

The phenomenon of utopia is studied in the philosophical context, the dialectical interrelation between the universal, the particular and the individual is identified, the Utopia criteria are singled out, the forms of utopia in the civilizational space are shown.

The evolutionary and revolutionary development of public ideology, mythology, utopia and scientific ideas about society is analyzed. In public consciousness, utopia occupies an important place, the attitude towards it is polar - from total rejection to recognition as a fundamental social institution. It is stated that when defining the concept of "utopia" it is important to take into account the context and the ideological component of the existence of spiritual culture in a particular case.

It is concluded that there are no clear boundaries in the evolution of spiritual culture between "scientific" and "unscientific" elements of it. It is emphasized that the term "utopia" is very contradictory and ambiguous, has limited scientific meaning, therefore it can be used with double semantic load.

Keywords: *utopia, world outlook, social progress, social consciousness, science, religion, transhumanism, potency, intelligentsia.*

Источником мировоззренческих идей (и определённых утопических элементов) могут быть: общественное (народное) сознание, государство, интеллектуалы и наука. Проявления утопического мышления можно отметить в сознании мифологическом, религиозном, общественном, также элитарном мировоззрении интеллигенции, в литературе и т.д. Хотя исследование утопии происходит в философии, искусстве, культурологии, социологии, социальной психологии, остаются спорными определения этого феномена.

Задачи статьи можно обозначить как анализ эволюционного и революционного развития общественной идеологии, мифологии и научных представлений об обществе. Научное мировоззрение часто противопоставляют другим видам мировоззрения, однако скорее можно говорить о значительном несоответствии, практическом нетождестве и т.п. Элементы не строго научные содержатся в любой научной картине мира, а альтернативные представления могут включать как научные элементы, так и некие прозрения, могущие стать научными.

Цель статьи – исследовать феномен утопии в философском контексте, определить диалектическую взаимосвязь всеобщего, особенного и единичного, выделить критерии утопии и показать формы утопий в цивилизационном пространстве.

В качестве тезисов выносятся следующие положения:

1. Понятие «утопия» имеет широкий и неопределённый спектр значений, ее границы простираются от образа утопии как стремление к идеальному, совершенному миру до образа утопии как «реализованного кошмара». Утопия – это феномен, объединяющий разнородные и оппозиционные суждения: действительность и вымысел, возможное и запредельное, рациональность и безумие, реальное и фантастическое, историческое и мифологическое, сознательное и бессознательное. Сам термин очень противоречив и неоднозначен, имеет ограниченно научный смысл, поэтому может использоваться с двойной смысловой нагрузкой – например, как идеологическая оценка с приданием ей некого научного авторитета.

2. При определении значения понятия «утопия» особенно важным предстают контекст и идеологическая ситуация бытия духовной культуры в конкретном случае. Например, проект любых положительных общественных преобразований может рассматриваться как утопический с точки зрения идеалистически-религиозного мировоззрения, а надежда на рай после смерти – как утопия со стороны материалистического и светского мировоззрения.

3. Необходимо переоценить и уточнить терминологический аппарат, касающийся мировоззренческо-духовной сферы коллективного идеального. В свете реальных и зачастую фундаментальных качественных изменений представляется невозможным предубеждённый и метафизический взгляд на возможности социального прогресса. Отмечаем, что до сих пор нет действенного механизма взаимодействия общественного сознания, государственной идеологии, науки и социального прогресса.

4. Идеальное бытие утопии предполагает её появление (обычно индивидуальное творчество) и существование, последнее может предполагать разные сценарии. Уже само появление мысли об альтернативной реальности означает латентную критику существующей идеологии, следовательно, может предполагать циркулирование в определённых кругах и конкуренцию с официальной идеологией.

5. В массовом сознании революция может отождествляться с моментом перехода, скачка от обычного общества к идеальному, отождествления реальных событий с процессом мышления утопического.

Рассматривая феномен «утопия», можно выделить ряд типологических признаков:

– критику и обличение существующего строя;

– создание универсальной схемы, эталона, образца желаемого совершенного справедливого общественного устройства;

– историзм, утопии носят на себе отпечаток той эпохи, в которой они возникают;

– утопия дает целостный образ будущего, желаемого мира произвольно вне научных закономерностей;

– утопия есть «социальное мировоззрение», является выражением интересов определенных классов и социальных слоев;

– содержит возможные стратегии и способы гармонизации мира, так как является связующим звеном между реальным миром и идеальным. Например, марксизм был своеобразным мостом между «утопией как образом идеального общества и политикой как искусством управлять силами, действующими в существующем обществе» [1];

– открытость, способ мышления, заранее допускающий любую возможность изменения социальной действительности (вплоть до признания насилия как главного средства достижения поставленной цели);

– формирование основных принципов нравственности, морали, образования, законодательных норм и т.д.

Взаимодействие реального бытия и коллективного идеального является основой для многочисленных исследований. К. Маркс и его «Немецкая идеология» стоит у истоков понимания истории как обусловленной материальным производством процесса. Он противопоставляет область идеального как вторичного области первичного – настоящего бытия людей. Но Маркс говорит о диалектике как взаимосвязи этих процессов с преобладанием одного. Если не диалектическое видение – сами произведения марксизма можно было бы считать несущественными по отношению к прогрессу. У Лосева в «Диалектике мифа» *субъективная реальность* мифологического сознания предстаёт как равноправная объективной реальности. «Реальная наука… *решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, почерпывая из нее свои исходные интуиции*» [2, с. 43].

В 1975 г. основано Международное общество исследований утопии (Society for Utopian Studies (SUS)). «Целью общества признаны междисциплинарные исследования и анализ, а не воплощение утопий» [3]. Необходимо отметить появление такой современной дисциплины, как «футурология», которую в одном из контекстов можно интерпретировать как научную теорию утопии. В настоящее время чрезвычайно большое распространение получило научное прогнозирование, касающееся практически всех отраслей культуры, в то же время эту форму обычно отличают от утопического строительства. Вообще современный тип цивилизации характеризуется ориентацией на прогресс, эволюционное и революционное обновление всех сфер социума. Понятно, что в отличие от традиционного общества новое предстает для современности одной из центральных ценностей. Современное общество поэтому ориентировано в будущее, постоянно «прорастая» в него в любых возможностях. В коллективном идеальном это чрезвычайно разноплановые феномены – фантастика, мода, престижные гаджеты и пр.

В современном мире утопию можно представить как один из центральных феноменов культуры. Ясно видна амбивалентность утопии. Отметим вред попыток вообще обойтись без поиска идеала и мечтаний в современном противоречивом, но всё-таки меняющемся к лучшему мире. Не менее опасна переоценка способностей, представление отдалённой возможной перспективы как вполне актуальной. Недопустима, на наш взгляд, жёсткая «привязка» понятия утопизма к определённым идеологиям, ведь, как когда-то отмечал Дэн Сяопин, история ещё не окончилась, и оценить её итоги однозначно невозможно. Религиозный ренессанс в России последнего времени говорит также о том, что в общественном сознании утопия занимает важное место, претерпевая только внешние по сути изменения. Отношение к утопии весьма полярно, от неприятия и полного игнорирования до признания в качестве важнейшего социального механизма, наиболее фундаментального социального института.

«Человек живет в раздробленном мире и мечтает о мире целостном. Целостность есть главный признак утопии. Утопия должна преодолеть раздробленность, осуществить целостность. Утопия всегда тоталитарна, и тоталитаризм всегда утопичен в условиях нашего мира. С этим связан вопрос свободы. В сущности утопия всегда враждебна свободе» [4, с. 667].

«В человеке живет страстная мечта о рае, т. е. о радости, о свободе, о красоте, о творческом полете, о любви. Она принимает то форму воспоминания о золотом веке в прошлом, то форму мессианского ожидания, обращенного к будущему. Но это одна и та же мечта, мечта существа, раненного временем, жаждущего выйти из времени» [5, с. 554].

С появлением современного инновационного общества особый интерес должна представлять технология планирования будущего**.** Формирование информационной сети Интернет породило такую интересную форму утопии, как компьютерная утопия. Данная форма – есть бегство от

общества, протест против существующей реальности – дает возможность личности полностью погрузиться, войти в информационную среду. Это выражается в распространении ролевых компьютерных игр, в виртуальных мирах и т.д. Японский социолог И. Масуда представлял информационное общество XXI в. как «общество мирового благоденствия», в котором лежат «свобода принятия решения и равенство благоприятных возможностей для всех», «наличие процветающих добровольных сообществ», «взаимозависимость и интеграция однородно функционирующих сообществ», «функциональная социальная свобода господствующих сил, сил власти» и т.д. [6, с. 133].

Президент Американской социологической ассоциации (American Sociological Association) Эрик Олин Райт (Erik Olin Wright) в одной из статей серии «Реальные утопии» пишет: «Может быть, что утопические видения – упрощенные эскизы, но эти идеалы могут быть воплощены в конструкцию реальных институтов и социальных преобразований. Задача реальных утопий заключается в разработке трезвых, строгих и эффективных альтернатив существующим социальным институтам, которые и воплощают наши глубочайшие стремления к расцвету человека» [7]. На Западе недавно появилось социально-философское течение *трансгуманизм*, нацеленное на практическое достижение людьми бессмертия и строительство земного рая. В последние два года появились политики, позиционирующие себя как трансгуманисты, т.е. предлагающие добавить мифологию современной науки и утопию в прогрессивную социальную практику.

Не только при «тоталитаризме», но и в средние века, практически в любом государстве, религиозной практике запрещалось свободное слово, делались попытки контролировать мысль любого человека. Однако воображение, мечта – то, что свойственно только человеку, бежит всегда впереди того, что человек может сделать сиюминутно. Античеловечно отнимать веру в лучшее у людей, топить его в рутине, мещанстве, цинизме и нигилизме. Собственно по большому счёту труд – есть деятельность, опосредованная идеальной целью, строительство сначала идеального объекта. Таким образом, труд предполагает полет мысли, проникновение в потенции. Маркс же писал, что возможно всё, что человек может помыслить, ибо наша мысль принадлежит к этому миру. Даже любое эмпирическое научное исследование нагружено теорией.

Утопия просто отличается, с одной стороны, масштабностью, попыткой решить одним махом все проблемы, а с другой – неясностью, расплывчивостью. Некоторые строители реального общества называли утопией то, что является мировоззрением консервативных классов [8].

«Вера в существование того идеального мира … так сильна, способна захватывать стольких людей и направлять их политическую деятельность, что утопии получают, благодаря этому, реальное значение … придают особый оттенок целой эпохе» [9]. Человек не может творить мир из ничего, но он может проникать в потенции этого мира и своим трудом превращать их в реальность. Можно говорить о диалектической взаимосвязи социального прогресса и утопического строительства [10]. Для этого из чего-то смутного, рождающегося в сознании некоторых *гениальных* маргиналов, нечто должно проникнуть в мировоззрение, коллективное идеальное, для общественного принятия и обсуждения и *свершиться*.

Литература

1. *Шестакова И.С.* Утопия и социальный идеал. Бийск : Изд-во Алтайского гос. техн. ун-та, 2007. 89 с. URL: http://do.gendocs.ru/docs/index-269279.html (дата обращения: 25.11.2017).

2. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М. : Мысль, 2001. 558 с.

3. About, The Society for Utopian Studies (SUS). URL: http://utopian-studies.org/ (дата обращения: 13.11.2016).

4. *Бердяев Н.А*. Царство Духа и царство Кесаря // Дух и реальность. М. : АСТ; Харьков : Фолио, 2006. 679 с.

5. *Бердяев Н.А.* Опыт эсхатологической метафизики: творчество и объективация // Дух и реальность. М. : АСТ; Харьков : Фолио, 2006. 679 с.

6. *Шишкин Д.П.* Многообразие форм утопии в современной культуре : дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2009. 178 с.

7. *Wright E.O*. Real Utopias // Contexts. 2011. Vol. 10, No. 2. P. 36–42. DOI 10.1177/ 1536504211408884.

8. *Ленин В.И.* Две утопии // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 117–121.

9. *Фогт А.* Социальные утопии. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1906. 108 с.

10. *Веремчук А.С., Сорокин Г.В*. Утопизм в сознании русской интеллигенции XIX – начала XX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2017. № 2. С. 5.

References

1. Shestakova I. S. *Utopiya i sotsial'nyi ideal* [Utopia and Social Ideal]. Biisk: Izd-vo Altaiskogo gos. tekhn. un-ta, 2007, 89 p. Available at: http://do.gendocs.ru/docs/index-269279.html (accessed 25.11.2017).

2. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow: Mysl', 2001, 558 p.

3. About, The Society for Utopian Studies (SUS). Available at: http://utopian-studies.org/ (accessed 13.11.2016).

4. Berdyaev N.A. [The Kingdom of Spirit and the Kingdom of Caesar]. *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality]. Moscow: AST; Kharkiv: Folio, 2006, 679 p.

5. Berdyaev N.A. [The Experience of Eschatological Metaphysics: Creativity and Deactivation]. *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality]. Moscow: AST; Kharkiv: Folio, 2006, 679 p.

6. Shishkin D.P. *Mnogoobrazie form utopii v sovremennoi kul'ture* : dis. ... kand. filos. nauk [The Variety of Utopia Forms in Modern Culture]. Stavropol, 2009, 178 p.

7. Wright E.O. Real Utopias. *Contexts*. 2011, vol. 10, No. 2, pp. 36-42. DOI 10.1177/1536504211408884.

8. Lenin V.I. [Two Utopias]. *Poln. sobr. soch*. [Compl. Col. of Works]. Vol. 22, pp. 117-121.

9. Fogt A. *Sotsial'nye utopii* [Social Utopias]. Saint Petersburg: Tip. Akts. Obshch. Brokgauz-Efron, 1906, 108 p.

10. Veremchuk A.S., Sorokin G.V. Utopizm v soznanii russkoi intelligentsii XIX – nachala XX veka [Utopianism in the Minds of Russian Intelligentsia of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2017, No. 2, p. 5.

Поступила в редакцию / Received ***7 декабря 2017 г. / December 7, 2017***

УДК 111.45.3:11.025.1 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-15-19

КОМИЧЕСКОЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АДАПТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

© 2018 г. Е.В. Гришанова [а]
[а] Донецкий национальный университет, Донецк

COMIC AS THE MANIFESTATION OF THE PERSON'S ADAPTIVE POTENTIAL

E.V. Grishanova [а]
[а] Donetsk National University, Donetsk

Гришанова Екатерина Валерьевна –
аспирант,
Донецкий национальный университет,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, Украина.
E-mail: katyushka.0312@mail.ru

Ekaterina V. Grishanova -
Postgraduate,
Donetsk National University,
Universitetskaya St., 24, Donetsk, 83001, Ukraine.
E-mail: katyushka.0312@mail.ru

Выделены подходы различных мыслителей к проблеме комического. Проанализированы особенности интерпретации понятия комического в социокультурном измерении различных эпох, понятие комического как основной критерий адаптации на уровне социокультурного фактора, историко-философские варианты интерпретации смеха, а также показана сущность комического в повседневной жизни. Сделан вывод, что явление комического входит в предметное поле многих наук и объединяет различные уровни смешного – от языковой игры до глобальных философских построений, а также является основной способностью адаптации личности в жизненных условиях.

Ключевые слова: *комическое, смех, юмор, комический анализ, комические элементы, адаптация, адаптационный потенциал личности, социокультурный фактор.*

The approaches of various thinkers to the comic problem are singled out. The features of the interpretation of the concept of comic in the socio-cultural dimension of different epochs, the concept of the comic as the main criterion of adaptation at the level of the socio-cultural factor, historical and philosophical variants of the interpretation of laughter, as well as the essence of the comic in everyday life are analyzed. The conclusion is given that the comic phenomenon is included in the subject field of many sciences and unites the various levels of the ridiculous - from the language game to the global philosophical constructions, and also is the main ability of the personality adaptation in living conditions.

Keywords: *comic, laughter, humor, comic analysis, comic elements, adaptation, adaptive potential of the individual, sociocultural factor.*

Человек от природы наделен удивительной способностью адаптироваться и принимать новые жизненные условия. Сегодня невозможно найти этнические общности, которые не испытали бы на себе воздействие как со стороны культур других народов, так и более широкой общественной среды, существующей в отдельных регионах и в мире. Это выразилось в бурном росте культурных обменов и прямых контактов между государственными институтами, социальными группами, общественными движениями и отдельными индивидами разных стран и культур. В жизни не существует комического вне собственно человеческого. Смешное не может оценить тот, кто чувствует себя одиноким. Человеческий смех всегда помогает адаптироваться личности к той или иной группе. Актуальность понятия о комическом давно является предметом научного интереса различных ученых – А. Бергсона, А. Шопенгауэра, З. Фрейда, а также М. Бахтина, В. Белинского, В. Проппа, А. Сычева, но на данный момент остается малоизученным.

Цель нашей работы – философский анализ понятия комического как проявление адаптивного потенциала личности.

Адаптация – это изменчивость поведения при воздействии меняющихся внешних факторов и формирование функциональных призна-

ков, соответствующих среде обитания. Социальная и культурная адаптация понимается как приспособление личности к конкретным условиям, врастания в окружающую среду. Эффект врастания обеспечивается активностью и собственными ресурсами личности. Трактовка адаптации как достижения устойчивости связана с идеями гомеостаза, экологического уравновешивания. Она снижает цену, которую «платит» организм, вступая в новые отношения со средой. Устойчивость как адаптивный признак предполагает сохранение организма в целом, отдельных его систем, а также заданных параметров деятельности. Высокая устойчивость к воздействию средовых факторов отождествляется с полной адаптацией. Субъектный подход допускает рассмотрение адаптации с позиций активности личности в поисках необходимых ей способов самораскрытия.

У каждого человека существует духовная потребность в общении, отношениях с другими людьми. Благодаря этим желаниям человеческие индивидуальности объединяются в группы. Общество является специфическим феноменом, поскольку оно обладает теми качествами и характеристиками, которые не наблюдаются у отдельно взятого человека.

Человека с обществом связывает разветвленная система отношений. Основные их элементы – субъекты связи, предмет связи – то, по поводу чего осуществляется связь, и механизм сознательного регулирования взаимоотношений между субъектами. Конкретная связь происходит в форме контакта и собственно взаимодействия, но контакт – это первая ступень реального взаимодействия. Он может быть и самостоятельным явлением, которое во взаимодействие не перерастает. Такой контакт – поверхностный, лишенный системы родственных действий субъектов друг с другом. Собственно взаимодействия являются систематическими, регулярными действиями субъектов, направленными друг на друга, имеющие целью вызвать соответствующую реакцию, которая будет предопределять новую реакцию того, кто осуществляет воздействие. Во время взаимодействия происходит обмен действиями, зарождаются родство, координация действий обоих субъектов, а также устойчивость их интересов, планирование совместной деятельности, распределение функций и тому подобное. С помощью действий происходят взаимное регулирование, взаимный контроль, взаимовлияние, взаимопомощь. Это означает участие каждого в решении общей задачи с корректировкой своих действий, учетом предыдущего опыта, активизацией собственных способностей и возможностей партнера.

Эволюция адаптации может рассматривается как одна из базовых характеристик эволюции форм жизни на Земле. Если на первобытном и архаичном этапах исторического развития сообществ основным адаптируемым фактором являлся прежде всего комплекс природных условий существования, когда в процессе разработки технологий устойчивого самообеспечения продуктами питания формировались этнографические культурно-хозяйственные черты социальной практики сельского населения, то на этапе раннеклассовых доиндустриальных цивилизаций (рабовладение, феодализм) возрастает значение культурной адаптации сообществ к историческим условиям их бытия в формах обмена продуктами, ресурсами, идеями и борьбы за территории, ресурсы, политическое и религиозное доминирование, а порой за выживание и возможность социального и культурного воспроизводства. На этом этапе формируются главным образом черты социально стратифицированной политико-конфессиональной городской культуры сословного типа.

На индустриальной и постиндустриальной стадиях социокультурной эволюции приоритетной постепенно становится культурная адаптация к потребностям устойчивого воспроизводства экономики сообществ и ее постоянного ресурсного обеспечения, к особенностям все более технически насыщаемой искусственной среды обитания людей. И.Н. Носырев считает, что «процесс непрерывного потребления продукции, производимой экономикой, ускорения циклов использования вещей ради скорейшего приобретения новых, интенсификации технологий социализации личности и ее вовлечения в социальную практику, стандартизации содержания массового сознания, потребительского спроса, форм социальной престижности и т.п. порождают новый тип культуры – национальный с его специфическими методами культурной адаптации» [1, с. 212]. На индивидуальном уровне (помимо участия индивида в коллективной адаптации социальной группы) культурная адаптация связана прежде всего с попаданием индивида в новую для него социальную или национальную среду (миграция, смена профессии или социального статуса, служба в армии, тюремное заключение, утрата или обретение материальных средств существования и т.п.) или радикальной сменой социально-политических условий

его жизни (революция, война, оккупация, радикальные реформы в стране и пр.). При этом адаптация индивида, как правило, начинается с этапа аккультурации, т.е. совмещения прежних стереотипов сознания и поведения с процессом освоения новых, а затем может привести и к ассимиляции, т.е. утрате прежних культурных паттернов (ценностей, образцов, норм) и полному переходу на новые.

Каждому обществу важно жить в реальном, а не вымышленном мире, иначе поневоле станешь комическим героем, подчас и не осознавая своего комизма. Перманентное или подспудное соотнесение пропорций реалий в границах вымысла как пародии на действительность и саму действительность повышает нашу жизнеспособность и жизнестойкость, степень самокритичности, во многом позволяя сохранить здравый смысл и трезвый взгляд на жизнь и самих себя. Т. Гоббс, Д. Локк, П. Гассенди, Б. Спиноза, Ж.-Ж. Руссо, А. Радищев, Т. Джефферсон пытались выявить закономерности, движущие силы общественных изменений в самых различных факторах: корыстных интересах и ненасытных желаниях человеческой природы; воздействии географической среды; совершенствовании знаний.

Т. Гоббс первым представил полную и наиболее цельную субъективистскую концепцию комического, которая имеет множество последователей и до сих пор представляет одну из магистральных линий в исследовании смеха. «Страсть смеха есть не что иное, как внезапное чувство тщеславия, возникающее в нас под влиянием неожиданного представления о каких-нибудь наших личных преимуществах и сравнения последних со слабостями, которые мы замечаем в данный момент в других людях или которые нам самим были свойственны в прежнее время», – говорил ученый [2, с. 547]. При этом он принципиально не разделяет радостный смех и насмешку и считает, что всякая радость, проявляющаяся в смехе, отражает чувство собственного превосходства. Именно с этой позиции рассматривается роль смеха в общественных отношениях.

А. Абасов считает, что «комическое возникает, по-видимому, тогда, когда соединенные в группу люди направляют все свое внимание на одного, из своей среды, заглушая в себе чувствительность и давая волю одному только разуму» [3, с. 93]. Человек, бегущий по улице, спотыкается и падает; прохожие смеются. Над ним, думается, не смеялись бы, если бы можно было предположить, что ему вдруг пришло в голову сесть на землю. Смеются над тем, что он сел нечаянно. Следовательно, не внезапная перемена его положения вызывает смех, а то, что есть в этой перемене непроизвольного, т. е. неловкость. Может быть, на дороге лежал камень. Надо было бы изменить путь и обойти препятствие. Но из-за недостатка гибкости, по рассеянности или неповоротливости, благодаря инерции или приобретенной скорости мышцы продолжали совершать то же движение, когда обстоятельства требовали чего-то другого. Вот почему человек упал, и именно над этим смеются прохожие.

А.Р. Рэдклифф-Браун занимается изучением социальных отношений много лет. Во введении к сборнику статей «Структура и функция в примитивном обществе» [4], опубликованному в 1952 г., он ведет речь о социальном процессе или социальной реальности как объекте социальной антропологии. В работе отмечается, что реальность, с которой имеет дело социальный антрополог при наблюдении, описании, сравнении и классификации, – это процесс общественной жизни. Свойства и качества любой системы определяются составляющими ее элементами и отношениями между ними. В качестве элементов социальной системы он рассматривает человеческие существа и отношения между ними (социальные отношения). «Если мы примем структуралистскую точку зрения, то увидим, что изучаем все эти вещи не абстрактно и не изолированно, но в прямом и косвенном взаимодействии с социальной структурой, т.е. мы постоянно учитываем, как они зависят от социальных отношений между лицами и группами, а также как они на эти отношения влияют», – подчеркивает А.Р. Рэдклифф-Браун [4, с. 227]. Ученый считал одной из сторон юмора – подшучивание. Он охарактеризовал это как отношение, «в котором одному по обычаю разрешается, а в некоторых случаях и требуется, дразнить или высмеивать другого, который, в свою очередь, не может обижаться». Он обнаружил, что эти отношения довольно распространены в дописьменных культурах Африки и Азии. Насмешки обычно встречаются в отношениях родственников, например, между родней со стороны жены и со стороны мужа, двоюродными братьями и сестрами, дедушками и бабушками, потенциальными супругами. Издевки бывают достаточно суровыми: обычно это оскорбления, издевательства, подтрунивание, грубые шутки, непристойности. А.Р. Рэдклифф-Браун и его последователи утверждают, что их можно объяснить возможностью

безвредного проявления агрессии и поддержанием солидарности там, где присутствуют и сплачивающие пару связи, и конфликт интересов.

Такие отношения – часть социальной структуры архаических обществ, которой все должны подчиняться. Существует и другой тип высмеивания, который схож с описанным. В качестве примеров таких отношений приводят распространенные формы юмора, наблюдаемые в индустриальном обществе, в некоторых этнических субкультурах и на предприятиях; правда, это отношения индивидуального, добровольного характера. Например, критикуя подчиненного, чтобы его дисциплинировать, руководитель нередко прибегает к помощи юмора. В целом в отношениях с подшучиванием автором практикуются «привилегия» неуважительного отношения к партнеру, вольное обращение с ним или даже вопиющая фамильярность. Единственное же требование – принимать оскорбительное неуважение как должное (коль скоро оно остается в рамках, установленных традицией) и самому не выходить за эти рамки. Любой эксцесс в таких отношениях подобен несоблюдению правил этикета: нарушитель просто рассматривается как человек, который не знает, как себя вести. В социальных отношениях автор придерживается все-таки исключительного уважения, где подобные конфликты предотвращаются и тем самым обеспечивается единение сторон.

Социально-функциональные и культурные подходы теоретика социальной антропологии Э.Р. Лича позволяют анализировать процессы внутри сообществ. «Мы, функционалисты, не являемся на самом деле принципиально “антиисторичными”, просто мы не знаем, как вместить исторический материал в наши концепции», – отмечал ученый [5, с. 10]. При этом очевидно, что представители функционалистского и структурно-семантического направлений, соглашаясь в том, что культура и структура человеческих сообществ представляют собой адаптацию, по сути дела подразумевали под одним и тем же термином два совершенно разных процесса. Первые считали, что приспосабливаются к условиям сами социальные институты: общество отбирает варианты, наилучшим образом соответствующие условиям, в которых оно существует. Напротив, вторые не рассматривали адаптацию как актуальный движущий фактор – структура культуры представляет собой результат процессов естественного отбора, приведших к появлению человека разумного, но в настоящий момент эти процессы либо остановились, либо так медленны, что не могут обусловливать никаких изменений культуры: врожденный «логический рисунок» мозга лишь задает общие для всех сообществ черты культуры. Итак, функционалисты делали акцент на культурной адаптации человека, а структуралисты – на генетической.

Все сферы человеческой жизни Э.Б. Тайлор называет духовностью в своей книге «Первобытная культура» [6]. Автор выделяет два метода изучения культурных явлений: сравнительно-исторический, который основан на идее о том, что явления культуры повторяются во времени и пространстве, и метод пережитков, когда одни страны по развитию отстают от других. Он считает, что адаптационные изменения социальной системы осуществляются на уровне ее культурного ядра, т. е. институтов, технологий, социокультурных процессов, прямо связанных с жизнеобеспечением. Понятие комическое автор вкладывает в загадки «вопрос-ответ». Первоначальные загадки, которые можно назвать осмысленными, возникли у высших дикарей, и пора их расцвета приходится на низшую и среднюю стадии цивилизации. Хотя развитие таких загадок останавливается на этом уровне, но многие древние образчики их еще удерживаются в детских сказках и в сельском быту. «Отгадай, кто тот человек, которого люди не любят за его смех, потому что знают, что его смех большое зло и что после него всегда бывают слезы и кончаются радости. Про кого говорят, что смеялся человек, который обыкновенно не смеется? Люди называют много вещей, наперебой отыскивая значение и забывая примету», – говорит ученый [6, с. 25]. Э.Б. Тайлор считал, что загадки относятся только к высшим ступеням примитивной культуры. Они появляются в истории цивилизации вместе с пословицами и долго идут рядом с ними, но затем расходятся по различным дорогам. Понятие комического является одной из антропологических констант существования человека; оно заставляет приспосабливаться человека к определенным условиям жизни, сопровождает его на протяжении всей истории его существования.

Таким образом, можно вполне обоснованно утверждать, что смех является специфическим выражением понимания, которое в свою очередь обусловлено набором общественно значимых элементов культуры, включающих

нормы, традиции, ценностные ориентации, убеждения. Действительно, люди смеются и шутят намного чаще, когда находятся с другими людьми, чем, когда они одни. За последнее десятилетие смех стал темой многих исследований в самых разных областях науки: в культурологии, литературоведении, антропологии и др. Понятие комического является основным критерием адаптации на самом высшем уровне обобщения – на уровне социокультурного фактора. Хотя смех и является универсальным феноменом, существующим в любом обществе и на любом уровне его структуры, частные формы смеховой стихии, например, этнические, профессиональные или поселенческие, невозможно понять без «предпонимания» социокультурных подтекстов, на которых он основан. В центре внимания многих исследователей оказались не только жизненные трудности, стрессы, кризисы и конфликты, но также и резервы и ресурсы личности, которые помогают человеку успешно адаптироваться в обществе и преодолевать проблемы различного характера.

Литература

1. *Носырев И.Н.* Мастера иллюзий. Как идеи превращают нас в рабов. М.: Форум; Неолит, 2013. 544 с.

2. *Гоббс Т.* Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 577 с.

3. *Абасов А.* Диалог цивилизаций – диалог культур – диалог религий // Глобальное управление на поворотном этапе: инновационные подходы к установлению мира в изменяющемся обществе. Баку: Дом сказки, 2003. 174 с.

4. *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции : пер. с англ. М.: Вост. литература РАН, 2001. 304 с.

5. *Лич Э.Р.* Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов // К использованию структурного анализа в социальной антропологии : пер. с англ. М.: Вост. литература РАН, 2001. 142 с.

6. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1989. 576 с.

References

1. Nosyrev I.N. *Mastera illyuzii. Kak idei prevrashchayut nas v rabov* [Masters of Illusions. How Ideas Turn us into Slaves]. Moscow: Forum; Neolit, 2013, 544 p.

2. Gobbs T. *Soch*.: in 2 vol. [Works in 2 Volumes]. Moscow: Mysl', 1991, Vol. 2, 577 p.

3. Abasov A. [Dialogue of Civilizations - Dialogue of Cultures - Dialogue of Religions]. *Global'noe upravlenie na povorotnom etape: innovatsionnye podkhody k ustanovleniyu mira v izmenyayushchemsya obshchestve* [Global Governance at a Turning Point: Innovative Approaches to Peace in the Changing Society]. Baku: Dom skazki, 2003, 174 p.

4. Redkliff-Braun A.R. *Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve: ocherki i lektsii* [Structure and Function in a Primitive Society: Essays and Lectures]. Tr. from Engl. Moscow: Vost. literatura RAN, 2001, 304 p.

5. Lich E.R. [Culture and Communication: the Logic of the Relationship of Symbols]. *K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v sotsial'noi antropologii* [To the Use of Sructural Analysis in Social Anthropology]. Tr. from Engl. Moscow: Vost. literatura RAN, 2001, 142 p.

6. Tailor E.B. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive culture]. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoi literatury, 1989, 576 p.

Поступила в редакцию / Received ***27 декабря 2017 г. / December 27, 2017***

УДК 124.5:316.356.2 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-20-24

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ

© 2018 г. М.Н. Клинцова [а]
[а] Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

MODERN RUSSIAN FAMILY: MAIN TRENDS

M.N. Klintsova [а]
[а] Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Клинцова Мария Николаевна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии
социально-гуманитарного профиля,
Таврическая академия,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
пр. Академика Вернадского, 20, г. Симферополь,
Республика Крым, 295007, Россия.
E-mail: mariya.kats@gmail.com

Mariya N. Klintsova -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy
Socio-humanitarian Special Profile,
Taurida Academy,
Vernadsky Crimean
Federal University,
Akademika Vernadskogo Ave, 20, Simferopol,
Republic of Crimea, 295007, Russia.
E-mail: mariya.kats@gmail.com

Рассматривается проблема основных направлений развития современной российской семьи. Анализируются факторы, обусловливающие ее трансформации. В качестве основных трендов выделены: эгалитаризация и индивидуализация брачно-семейных отношений, высокий уровень конфликтности и разводимости, рост числа неполных (материнских) семей, материнства вне брака, однодетности, затруднение реализации воспитательной функции, нуклеаризация семьи. Отмечается, что данные явления связаны с укоренением в современном российском обществе ценностей индивидуализма и потребления и свидетельствуют о появлении в современных социально-экономических условиях новых моделей семьи, которые демонстрируют попытку приспособиться к этим условиям и выжить в них.

Ключевые слова: *брак, семья, ценность, ценностные ориентации, тренды, общество, родительство, супружество, родство.*

The article is devoted to the problem of the main directions of development of the modern Russian family. The factors contributing to the transformation of the modern Russian family are analyzed. As the main trends highlighted: egalitarian and individualization of marriage and family relations, a high level of conflict and divorce, increase in single-parent (mother) families, motherhood outside marriage, families with one child, difficulty of realization of educational functions, nuclearization of the family. It is noted that these phenomena are associated with the establishment in modern Russian society of values of individualism and consumption and indicate the emergence in modern socio-economic conditions of new models of the family, which demonstrate an attempt to adapt to these conditions and survive in them.

Keywords: *marriage, family, value, value orientations, trends, society, parenthood, matrimony, kinship.*

Проблема семьи стала особенно актуальной для России с начала 1990-х гг. в связи с распадом СССР и воздействием на нее как общецивилизационных процессов – глобализации, углубившегося антропологического кризиса, распространения ценностей рационализма, индивидуализма, гедонизма и эгоцентризма – так и процессов, происходящих внутри страны: перманентного социально-экономического кризиса, проявляющегося в социальной, политической и экономической нестабильности, неопределенности будущего и самой ситуации перемен. Это повлекло за собой трансформации ценностных оснований современной российской семьи, изменение брачно-семейного и репродуктивного поведения по образцам западной культуры, увеличение числа дисфункциональных и дезорганизованных семей, отказ части населения от семейного способа жизни. В результате стал складываться новый стиль жизни, что в целом оказало влияние на

формирование новых трендов современной российской семьи.

Богатый теоретический материал о современной российской семье содержится в трудах А.И. Антонова, В.Н. Архангельского, В.А. Борисова, А.Г. Вишневского, А.Г. Волкова, В.В. Елизарова, М.А. Клупта, И.С.Кона, А.И.Кравченко, А.И. Кузьмина, Дж. Масиониса, В.М. Медкова, В.С.Мухиной, А.В. Петровского, В.В. Солодникова, С.А. Сорокина, А.Г. Харчева и др. Различные аспекты трансформации ценностных ориентаций в современной семье отражены в работах К.К. Баздырева, А.А. Борисова, С.И. Голода, Т.А. Гурко, И.Ф. Дементьевой, С.Д. Лаптенок, В.Т. Лисовского, Е.Б. Рашковского, Т.Ю. Шманкевича и др. Несмотря на ряд научных трудов, посвященных философскому анализу проблем семьи, и наличие серьезных теоретических разработок в этом направлении, недостаточно освещается проблема основных трендов современной российской семьи, её аксиологический аспект.

Цель данной статьи – выявить эти тренды. Для этого следует конкретизировать ряд задач: 1) проанализировать факторы, обусловливающие трансформации семьи; 2) определить основные характеристики семьи на современном этапе; 3) сопоставить тренды семьи с ценностями, доминирующими в обществе.

В современном обществе и семье социальное начало становится все менее значимым, а отрицание форм социальности получает всё более широкое распространение. «Выделяется тенденция, связанная с порабощением внутренней жизни, всего сознания человека материальными, плотскими потребностями, потребностями собственной самости» [1, с. 126–127]. Распространяется либерально-гедонистическая философия потребления, навязывающая такую систему ценностей, в которой жизненный успех выражается в товарно-денежном эквиваленте. В результате начинают доминировать ценности личной автономии, профессиональной самореализации, гедонизма, что приводит к «деинституализации брака и “институализации индивидуализма”» [2]. Нельзя не отметить и такие тенденции:

– снижение значимости религии, которая раньше выступала регулятором семейного и репродуктивного поведения. Это повлекло за собой ограничение рождаемости с помощью контрацепции и абортов, движение «чайлд-фри», ориентацию на непродолжительные сожительства без брака;

– развитие и распространение новых технологий. Идея лёгкой замены устаревшей модели на более современную присутствует и в личной жизни. Формируется установка, что найти нового партнера проще, чем сохранять имеющиеся отношения;

– увеличение числа предоставляемых услуг во всех сферах жизнедеятельности: уход за детьми и престарелыми, приобретение готовой пищи и т.п. Это привело к существенному сокращению воспитательной и хозяйственной функций семьи, частично редуцировало межпоколенные связи.

Перечисленные тенденции обусловили формирование и распространение основных трендов современной российской семьи.

Своеобразным атрибутом брака в России стала высокая разводимость. Статистически в России распадается больше половины браков. По данным Росстата, в 2016 г. распалось 61,7 % браков. В следующем году было заключено всего 985 тыс. браков и зарегистрировано 608 тыс. разводов [3]. Согласно статистике, чаще всего разводятся пары, которые прожили в браке пять-девять лет. По данным Росстата, в 2016 г. 25,8 % браков распалось именно в этот промежуток. Следующая по частоте разводов группа – семьи, прожившие в браке от 10 до 19 лет (19,5 % разводов). Высокий процент разводов и среди пар, проживших в браке один-два года – 19,4 %. Меньше всего разводов в парах, проживших вместе 20 лет и более (13,2 %) и до года совместной жизни (4,7 %). Основные причины развода – напряжение в морально-психологических, эмоциональных отношениях супругов; чувство отчужденности, ревность, супружеская измена, недовольство интимной жизнью. Эмоциональное напряжение усиливает нерешенность материальных и жилищных проблем. Кроме того, факторами распада семьи являются аддиктивное поведение одного из ее членов, а также психофизические перегрузки женщины в браке. Данная ситуация свидетельствует о высоком конфликтном потенциале, снижении ценности семьи и супружества в индивидуальном и общественном сознании. Это наблюдается при дефиците таких ценностных ориентиров, как верность, любовь, надежность в браке.

Все более распространенными, особенно среди молодежи, становятся незарегистрированные сожительства. В них чаще вступают россияне, получившие среднее профессиональное и среднее общее образование, городские жители и нерелигиозные. У поколений, рожденных после 1970 г., выделяются траектории, где браку предшествует одно или два сожительства (как

пробные браки), а также «прослойки» тех, кто никогда не был в браке и воспитывает одного-двух детей в первом или втором сожительстве (оно в данном случае продолжительно, партнеры имеют хотя бы одного ребенка, т. е. оно выступает самостоятельным союзом). Такие «прослойки» становятся все более и более заметными для каждого последующего поколения, а значит, распространение сожительств постепенно подходит к этапу легитимации [4]. Интересны особенности ценностных установок сожительствующих: среди них «меньше доля тех, кто считает родительство, здоровье важной жизненной ценностью, и больше тех, кто ценит деньги, карьеру, любимую профессию» [5, с. 186], т. е. доминирующими оказываются индивидуалистические ценности, связанные с достижениями. Данное явление указывает снижение ценности семьи и брака в обществе, ориентацию на индивидуальные и потребительские ценности.

Одной из новых социальных норм стала внебрачная рождаемость. До середины 1980-х гг. доля родившихся вне зарегистрированного брака едва превышала 10 %, а в 2015 г. вне брака в России родилось 21,6 % детей [6]. Однако рождение ребенка «за пределами» официального брака не обязательно означает, что он будет воспитываться в неполной семье. Основным фактором возрастания внебрачной рождаемости можно считать распространение незарегистрированных брачных союзов, что связано с плюрализацией и «деформализацией» брачных отношений.

Наряду с полными семьями широко распространены неполные, которые в современной России также уже стали социальной нормой. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. и Переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 г., неполные семьи составили 32,6 % от общего числа семей с детьми до 18 лет. При этом 28,9 % – это матери с детьми, тогда как отцов с детьми – 3,7 %. Наиболее частые составы неполной семьи – мать и один ребенок (80,0 %); мать с двумя и тремя и более детьми – явление более редкое (16,9 и 3,1 % соответственно) [7]. Материальное обеспечение неполных семей более сложное по сравнению с полными, так как одинокие матери вынуждены сочетать в себе роли единственного кормильца и воспитателя детей. Такая «феминизация бедности» создает базу для физических и эмоциональных перегрузок женщины, вынуждает концентрироваться на проблемах выживания и связанных с ними материальных ценностях в ущерб духовным.

Положение женщин в обществе повлияло на распределение власти в семье. Современное российское общество – эмансипированное общество с высокой долей женщин с оконченным средним специальным и высшим образованием, занятых в сфере управления, предпринимательства, интеллектуального труда. К тому же в условиях нестабильного кризисного общества мужчине бывает трудно реализовать себя, сохранить роль добытчика. В связи с этим меняется тип лидерства в семье. Все чаще наряду с патриархальной встречаются семьи с партнерскими отношениями, распространяется и такой тип семьи, в которых лидерство принадлежит женщине.

Одним из символов современной российской семьи является малодетность, которая стала результатом трансформации системы ценностей и ценностных ориентаций в индивидуальном и общественном сознании. С каждым десятилетием снижаются показатели детности российской семьи: распространяется однодетность и сознательная бездетность, уменьшается количество и удельный вес многодетных семей. Так, семьи с одним ребенком составляют 67,4 %, с двумя детьми – 26,8 %, с тремя и более – 5,8 % [7]. Приведенная статистика указывает на доминирование однодетных семей и фактическое исчезновение многодетных. Это свидетельствует о практически полной утрате традиций многодетности и частичной утрате среднедетности в России. Регулирование количества детей – общая тенденция цивилизованных стран, вызванное целым комплексом причин: возросшими требованиями к материальному и культурному уровню жизни, и особенно к качеству воспитания детей; высокой занятостью женщин в сфере общественного производства; распространением ценности личной карьеры и самовыражения женщины не только в семье и детях, но и в профессиональной деятельности; преобладанием «потребительских» ориентаций как у женщин, так и у мужчин [8]. На снижение репродуктивной активности влияет также высокая конфликтность и как следствие нестабильность брака. Очевидно, что рождение и воспитание детей затруднено в условиях низкого уровня жизни. В этом случае ограничение числа детей позволяет семье несколько облегчить материально-экономическое положение, предохра-

нить себя от более сложных нравственно-психологических испытаний. Однако следует отметить, что рождение детей зависит не только от материального положения, но и от самой потребности в них. Малодетность указывает на снижение этой потребности, ее конкуренцию с другими потребностями, например материальными [9]. Когда реализация материальных потребностей становится самоцелью, теряется смысл человеческой жизни и истинное назначение личности, которое заключается не в том, чтобы копить капитал, а в том, чтобы любить, дарить жизнь и продолжаться, реализуя себя, свои черты и мечты в следующих поколениях.

В современном российском обществе наблюдается сокращение численности семей и упрощение их состава, ограничение числа внутрисемейных и семейно-родственных связей, демократизация принципов организации семейной жизни, рост автономии поколений, нарушение межпоколенных связей, преемственности поколений. Так, по данным Всероссийской переписи населения, в 2010 г. 28,6 % семей были нуклеарными [10], а средний размер семьи составил 3,1 человека [11]. Многие семьи стремятся к обособлению от социальных институтов, других семейных групп и просто от других людей. Сбережение собственных ресурсов лишь для своей семьи, специфическая «экономизация» семейных и межпоколенных отношений, вытеснение потребительско-индивидуалистичной культурой «Я» инвестиционной культуры «Мы» делают семью более уязвимой и актуализируют проблему отчуждения семьи от других социальных групп и личности от семьи, итогом чего становится одиночество (особенно в преклонном возрасте).

Материальные трудности, высокая профессиональная занятость и связанные с этим физические и эмоциональные перегрузки родителей, особенно матерей, ведут к сложностям выполнения семьей воспитательной функции, а отдельное проживание бабушек и дедушек делает невозможным их постоянное участие в воспитании подрастающего поколения. О проблемах в реализации воспитательной функции свидетельствует распространение социального сиротства.

Таким образом, индивидуализация и потребительская ориентация, плюрализация жизненных стилей, переоценка ценностей в российском обществе на фоне перманентного социально-экономического кризиса обусловили появление новых трендов в брачно-семейной сфере: эгалитаризации и индивидуализации брачно-семейных отношений, высокого уровня конфликтности и разводимости, роста числа неполных (материнских) семей, материнства вне брака, однодетности, затруднения реализации воспитательной функции, нуклеаризации семьи. Перечисленные явления стали возможны в связи с укоренением в современном российском обществе ценностей индивидуализма и потребления и свидетельствуют о появлении в современных социально-экономических условиях новых моделей семьи, которые демонстрируют попытку приспособиться к этим условиям и выжить в них.

Литература

1. *Горбань А.В.* Антропологический кризис как состояние общества переходного периода // Культура народов Причерноморья. 2011. № 214. С. 124–127.

2. *Klinenberg E.* One's a Crowd // The New York Times. 2012. URL: http://www.nytimes.com/2012/02/05/opinion/sunday/living-alone-means-being-social.html?_r=0 (дата обращения: 28.01.2018).

3. Официальная статистика. Население. Демография. Разводы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 03.02.2018).

4. *Артамонова А.В., Митрофанова Е.С.* Сожительства без регистрации в России // Демоскоп Weekly. 2016. № 671–672. URL: http:// www.demoscope.ru/weekly/2016/0671/demoscope671.pdf (дата обращения: 03.02.2018).

5. *Шабунова А.А., Калачикова О.Н.* Незарегистрированные союзы – привычное новое // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2015. № 1. С. 183–191.

6. *Щербакова Е.М.* Россия: предварительные демографические итоги 2016 года (часть I) // Демоскоп Weekly. 2017. № 715–716. URL: http:// demoscope.ru/weekly/2017/0715/barom01.php (дата обращения: 03.02.2018).

7. Официальная статистика. Население. Семья, материнство и детство. Структура семейных ячеек по числу детей моложе 18 лет. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 02.02.2018).

8. *Кац М. Н.* Трансформация сфер супружества, родительства и родства в современной украинской семье (социально-философский аспект) // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 4 (24), т. 1. URL: http:// www.scientific-notes.ru/pdf/027-039.pdf (дата обращения: 02.02.2018).

9. *Кац М. Н.* Современная украинская семья в контексте антропологичского кризиса // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / гол. ред. В.М. Вашкевич. Киев: ВІР УАН, 2012. Вип. 61, № 6. С. 357–362.

10. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. // Российская газета. 2011. 16 дек.

11. Семья меняет облик // Исследования ВШЭ. URL: www.opec.ru/ 1633j74.html (дата обращения: 03.02.2018).

References

1. Gorban' A.V. Antropologicheskii krizis kak sostoyanie obshchestva perekhodnogo perioda [Anthropological Crisis as a State of Society in Transition]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 2011, No. 214, pp. 124-127.

2. Klinenberg E. One's a Crowd. *The New York Times.* 2012. Available at: http://www.nytimes.com/2012/02/05/opinion/sunday/living-alone-means-being-social.html?_r=0 (accessed 28.01.2018).

3. *Ofitsial'naya statistika. Naselenie. Demografiya. Razvody* [Official Statistics. Population. Demography. Divorces]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed 03.02.2018).

4. Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. Sozhitel'stva bez registratsii v Rossii [Cohabitation without Registration in Russia]. *Demoskop Weekly*. 2016, No. 671-672. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0671/demoscope671.pdf (accessed 03.02.2018).

5. Shabunova A.A., Kalachikova O.N. Nezaregistrirovannye soyuzy – privychnoe novoe [Unregistered Unions-Familiar New]. *Vestn. Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Sotsial'nye nauki*. 2015, No. 1, pp. 183-191.

6. Shcherbakova E.M. Rossiya: predvaritel'nye demograficheskie itogi 2016 goda (chast' I) [Russia: Preliminary Demographic Results of 2016 (part I)]. *Demoskop Weekly*. 2017, No. 715-716. Available at: http://demoscope.ru/weekly/2017/0715/barom01.php (accessed 03.02.2018).

7. *Ofitsial'naya statistika. Naselenie. Sem'ya, materinstvo i detstvo. Struktura semeinykh yacheek po chislu detei molozhe 18 let* [Official Statistics. Population. Family, Motherhood and Childhood. The Structure of Family Cells by the Number of Children Under the Age of 18]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (accessed 02.02.2018).

8. Kats M.N. Transformatsiya sfer supruzhestva, roditel'stva i rodstva v sovremennoi ukrainskoi sem'e (sotsial'no-filosofskii aspekt) [Transformation of the Spheres of Matrimony, Parenthood and Kinship in the Modern Ukrainian Family (socio-philosophical aspect)]. *Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012, No. 4 (24), vol. 1. Available at: http://www.scientific-notes.ru/pdf/027-039.pdf (accessed 02.02.2018).

9. Kats M.N. Sovremennaya ukrainskaya sem'ya v kontekste antropologichskogo krizisa [Modern Ukrainian Family in the Context of the Anthropological Crisis]. *Gileya: naukovii visnik. Zbirnik naukovikh prats'*. Ed. V.M. Vashkevich. Kiev: VIR UAN, 2012, Iss. 61, No. 6, pp. 357-362.

10. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g. [Results of the All-Russia Population Census 2010]. *Rossiiskaya gazeta*. 2011, December 16.

11. Sem'ya menyaet oblik [Family Changes Shape]. *Issledovaniya VShE*. Available at: www.opec.ru/1633j74.html (accessed 03.02.2018).

Поступила в редакцию / Received ***16 февраля 2018 г. / February 16, 2018***

УДК 101.1: 316 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-25-29

ОНТОЛОГИЯ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2018 г. И.В. Печкуров [a]

[a] Южнороссийский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

THE ONTOLOGY OF DEMONSTRATIVE CONSUMPTION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

I.V. Pechkurov [a]

[a] South Russian Branch, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Печкуров Илья Васильевич –
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Южнороссийский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,
ул. Максима Горького, 102, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: i.pechkurov@gmail.com

Ilya V. Pechkurov -
Candidate of Sociology,
Senior Researcher,
South Russian Branch, Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
Maksima Gorkogo St., 102, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: i.pechkurov@gmail.com

Анализируется онтология проявления демонстративного потребления, базирующаяся на совокупности ценностно значимых индивидуальных практик и конкурирующих стратегий, выходящих за пределы жизненно необходимого потребления и заявляющих о себе в вульгарно-демонстративных формах. Онтология демонстративного потребления в современном российском обществе тесно связана с феноменом «человека потребляющего». Возникает модель «одномерного мышления и поведения», в которой все многообразие жизни вписывается в существующий товарно-денежный порядок. В результате формируется такой образ жизни («потребительский»), когда потребляемые товары и услуги как символы успеха, престижности и подъема по социальной лестнице превращают этот «вожделенный» образ жизни в самоцель.

Ключевые слова: *демонстративное потребление, повседневность, общество потребления, социальная реальность.*

In the article the ontology of the demonstrative consumption manifestation is analyzed on the base of a set of value-based individual practices and competing strategies that go beyond the limits of vital consumption and claim themselves in vulgar and demonstrative forms. The ontology of demonstrative consumption in the modern society is closely related to the phenomenon "consumptive person". As a result, a model of "one-dimensional thinking and behavior" arises, in which the whole diversity of life fits into the existing commodity-money order. As a result, such a lifestyle is formed ("consumer"), when the consumed goods and services as symbols of success, prestige and ascent through the social ladder make this "Desired" lifestyle is the final target.

Keywords: *demonstrative consumption, everyday life, consumerist society, social reality.*

В основе онтологии демонстративного потребления в современном российском обществе – совокупность значимых индивидуальных практик и конкурирующих стратегий (психологических устремлений), выходящих за пределы жизненно необходимого потребления.

Социальный философ А.В. Овруцкий усматривает в потреблении феномен, оказывающий влияние на самые разнообразные сферы жизни современного общества. Отсюда – необходимость использования именно социально-философской методологической базы для раскрытия

междисциплинарного содержания данного феномена, учета существующих парадигмальных представлений о потреблении [1].

В современной России престижное потребление после длительного запрета вышло из тени и было легализовано. Однако в российских условиях, в ситуации «вакханалии потребления», оно отличается вульгарно-демонстративными формами проявления с явно выраженным полукриминальным имиджем и лексиконом [2].

Основу социокультурной жизни всегда составляют высшие духовные начала бытия, не позволяя встать на путь деградации и регресса. Сегодня же российское общество все больше теряет ориентацию в мире смыслов, отрывается от онтологических начал жизненного существования. У нас формируется общество социального неблагополучия. Деформации социальной атмосферы и утрата обществом и личностью смысложизненной целостности ведут к «размыванию» понятия человеческого достоинства. В целом развернувшийся в России социокультурный кризис, как полагают многие философы и социологи, свидетельствует об исчерпании возможностей саморазвития общества и человеческой личности.

Ныне кардинальные изменения вступают в противоречия с веками устоявшейся нормативной культурой, порождая конфликтность и разнообразные противоречия. При этом обновление культуры реализуется через хаос, выступающий в качестве предпосылки формирования нового порядка и средства синхронизации процессов в социальной и культурной сфере.

Онтология демонстративного потребления находит свое воплощение в обществе, где результатом происходящей трансформации становится формирование определенного образа жизни, который можно условно назвать «потребительством». Его качественной характеристикой и свойством является акцентируемый смысл потребляемых товаров и услуг, которые выступают в качестве символов социального успеха и престижа, индикатором продвижения по социальной лестнице, или же они преподносятся как эквивалент счастья и удовлетворенности своей жизнью.

Тем самым «престижный» образ жизни выступает как самоцель. Товары и услуги способны с этих пор выступать как некие «узлы» социальных связей, как «ключи» проникновения в элитные слои социума, которое активно расслаивается в соответствии с потребительскими признаками. Порождая культуру «потребительства», «власть потребления» вытесняет классическую, личностно-индивидуально ориентированную культуру или же обесценивает ее, выставляя в качестве своего идеала бездумного потребителя [3].

Процессы транзита общества от одного социально-политического устройства к другому сопровождаются нарушением социальных связей и ослаблением социального контроля. Размывание или дезорганизация социальных структур, утрата функциональности норм или ценностей, на которые члены данного общества прежде ориентировались в своей жизнедеятельности, – все это основа для распространения ненормативных форм реагирования на факты окружающей социальной реальности. Условием существования подобного становится социальная неопределенность, выступающая в качестве особого состояния социального объекта и явления, что обретает свое семантическое проявление в слабой структурации внешних и внутренних связей и в отсутствии детерминации между ними [4].

Социальная неопределенность, как на это обращают внимание аналитики, включает такие характеристики и свойства, как «состояние неуверенности», «двусмысленность», «неоднозначность», «нечто случайное» [5]. С понятием социальной неопределенности тесно связан феномен социокультурного кризиса, свидетельствующего об исчерпании возможностей саморазвития социальной общности в данном ее качестве. Универсализм социокультурного кризиса находит проявление как в различных сферах и способах жизнедеятельности общества, так и через взаимопревращение социального и культурного в координатах единой системы кризисных явлений, существующих в качестве социокультурной тотальности благодаря «миру миров» – человеку [6].

Недаром общество, переживающее социокультурный кризис, квалифицируется известным отечественным социологом Н.И. Лапиным в качестве кризисного социума. Его отличает сочетание соответствующих индикаторов и параметров социокультурного свойства, затрагивающих политическую, экономическую, производственную сферы, а также таких показателей, как дезинтеграция социальных групп, институтов, утрата идентификации личности с прежними структурами [7].

Тем самым парадигма социокультурного кризиса позволяет определить, когда в культурном пространстве и в духовной жизни общества оформляются новые смыслы, а сама культурная эпоха приходит к своему завершению и у нее возникает потребность к саморефлексии.

Престижное потребление в его современной форме опирается на представление об обществе потребления, в котором высокий жизненный уровень должен быть гарантирован каждому члену общества. Однако «потребительская карусель» ни к чему позитивному не привела. Она лишь разогрела потребительские ожидания и существенно повысила манипулятивную роль маркетинга, рекламы и моды. В итоге на передний план вышла «престижная» (символическая) ценность товара как некий индекс устойчивого положения человека во внутрикорпоративной конкуренции и в жизненных обстоятельствах [8].

Специфика демонстративного потребления в таком обществе обусловлена наличием незрелой экономики и незрелых потребителей, получивших доступ к ресурсам и только-только удовлетворивших свои базовые потребности. В отсутствие в России ареалов проживания, культуры потребления и определенных жизненных установок и норм, отличающих роскошный образ жизни, демонстрировать статус возможно только при помощи «наружных» показателей – одежды, автомобиля, аксессуаров и дорогих престижных услуг [9].

В современном российском обществе консюмеризм как культурно-идеологическое явление, которое пришло на смену прежней идеологии, все более приобретает доминирующее значение. Стадию становления консюмеризма в культуре преимущественно отличают конструирование нового образа жизни, новых культурных и социальных практик, реализуемых в данном контексте. Специфика российского консюмеризма связана с тем, что консюмеристские ценности «испытывают» определенное сопротивление со стороны традиционных ценностей, а их «привлекательность» часто вызвана новизной явлений и новыми социально-экономическими возможностями и практиками субъектов культурного творчества [10].

Онтология демонстративного потребления тесно связана с феноменом «человека потребляющего».

В 1990-х гг. престижное потребление стало составной частью формирующейся новой социальной реальности. Набирал силу процесс первоначального накопления, принявший характер передела государственной собственности. Тем, кто приобрел большие денежные средства, хотелось признания и уважения. При этом демонстративное потребление не ограничивалось небольшой группой богатых людей. Основная масса людей среднего достатка также желала хотя бы внешне выглядеть богатой. Так работал механизм показного потребления [11].

В основе психологического склада «потребителя», определяемого как гедонистически-безответственный, лежит неспособность либо нежелание предвидеть и учитывать последствия своих действий, соотносить их с «принципом реальности». Социологические опросы показывают, что современного российского обывателя в очень значительной степени отличает его существование в мире иллюзий, которые порождаются не только его личным несовершенством, неспособностью правильно понять и отразить мир, но и окружающей культурной средой, навязывающей человеку присущую именно ей совокупность мифов и стереотипов [12].

Ю.А. Цимерман, рассматривая особенности демонстративного потребления современной молодежи в России, отмечает, что это потребление проявляется в таких обстоятельствах, как приобретение одежды и аксессуаров определенных торговых брэндов; проведение определенных форм досуга (посещение выступлений рок-звезд, ночных клубов).

Проведенные этим автором социологические опросы и исследования показали, что в ходе рыночных реформ в России произошла девальвация нравственных ценностей. Лишь 47 % опрошенных считают, что «самое главное украшение – чистая совесть», 30 % – утверждают, что «голос совести не всегда звучит внятно», а 23 % – полагают, что «совесть нужно иметь, но пользоваться ею не обязательно». При этом автор показывает, что под воздействием различных институтов, включая рекламу, моду, средства массовой информации, идет активная экспансия потребительской культуры гедонистического типа [13].

Онтология демонстративно-показного потребления вместе с тем свидетельствует, что подобное потребление выступает не просто как средство для того, чтобы утолить тщеславие. Здесь прослеживается и рациональное зерно, когда символическое потребление обозначает реальный потенциал, который стоит за индивидом или фирмой.

В сфере предпринимательства важно внушить партнерам доверие к своему финансовому благополучию. Подобный демонстрируемый уровень порою является залогом для получения кредитов. На уровне нового среднего класса дорогая деловая одежда, превосходящая по своей

стоимости реальные возможности индивида, порою является средством получения хорошей работы, поскольку создает образ преуспевающего человека с хорошим вкусом и хорошими манерами, способным добиться успеха в самых различных сферах деятельности [14].

И все же противоречий и парадоксов здесь намного больше. В отличие от развитых и социально устойчивых обществ, в России общество потребления формируется в кризисном социальном пространстве в виде отдельных локусов. При этом подавляющее большинство населения довольствуется виртуальным обществом потребления, которое наблюдает на экранах своих телевизоров, в супермаркетах и на улицах мегаполисов.

Многие исследователи пишут, что содержание современного социального и экономического развития России, формирование соответствующих установок и типов мышления во многом предопределены теми моделями хозяйствования, которые сформировались и функционировали до начала рыночных преобразований. Прошлое попрежнему сказывается. В силу этого в обществе и ныне живет советская ненависть к «спекулянтам и барыгам», к привычке жить «из-под полы», только теперь дефицитом выступают совсем иные формы престижного потребления [15].

Таким образом, онтология проявления демонстративного потребления базируется на ценностно значимых индивидуальных практиках и конкурирующих стратегиях, превышающих жизненно-необходимое потребление и заявляющих о себе в вульгарно-демонстративных формах.

В основе осознанного жизненного существования лежат высшие духовные начала бытия, препятствующие деградации и регрессу [16]. В настоящее время общество все больше дезориентируется в мире смыслов, отрываясь от своих онтологических начал. Это приводит к социальному неблагополучию в нем. Происходит «размывание» понятия человеческого достоинства. Полагаем, что наступление социокультурного кризиса в России говорит об исчерпании возможностей саморазвития социума и человеческой личности.

В итоге онтология демонстративного потребления находит свое воплощение в обществе, отличающимся разрывом социальных связей, отсутствием отчетливых культурных ценностей, стандартов, норм и правил поведения, что позволяет говорить о переходном состоянии постсоветского пространства. В этих условиях формируется потребительский образ жизни, когда потребляемые товары и услуги как символы успеха, престижа и подъема по социальной лестнице превращают в самоцель «престижный» образ жизни.

Специфика демонстративного потребления в таком обществе обусловлена наличием незрелой экономики и незрелых потребителей, получивших доступ к ресурсам и только-только удовлетворивших свои базовые потребности.

Литература

1. *Овруцкий А.В.* Социальная онтология потребления: научные представления, модели, общество потребления : автореф. дис. … д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2012.

2. *Логунов А.В.* Престижное потребление в системе средств символического обмена и конструирования социальной идентичности в трансформирующемся российском обществе : автореф. дис. … канд. социол. наук. Владивосток, 2003.

3. *Шалюгина Т.А.* Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления. Ростов н/Д. : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011.

4. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Социальная регуляция в условиях неопредленности. Теоретические и прикладные проблемы исследования молодежи. М. : Academia, 2008. С. 100.

5. *Кравченко С.А*. Неопределенность // Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М. : АСТ, 2004. С. 240–241.

6. *Штомпель О.М.* Социокультурный кризис (теория и методология исследования проблемы). Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. С. 83.

7. *Лапин Н.И.* Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. 1992. № 1. С. 10–11.

8. *Бочкарев В.* Потребность в праздности становится головной болью страны // Независимая газета. 2008. 17 июня.

9. *Славинский С.* Миф о демонстративном потреблении. URL: http://slavinsky.livejournal. com/ 2009/08/28/ (дата обращения: 25.11.2017).

10. *Новак М.В.* Идеология консюмеризма в массовой культуре современной России: философско-культурологический анализ : автореф. дис. … канд. филос. наук. Белгород, 2012.

11. *Вердыш А.В.* Что нового в показном потреблении? URL: http://verdysh.narod.ru/2004/ (дата обращения: 25.11.2017).

12. Базовые ценности россиян: социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М. : Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 240.

13. *Цимерман Ю.А.* Демонстративное потребление в современном обществе (институциональный анализ) : автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2007.

14. *Любимова Н.Г.* Поведение потребителя. Владивосток : Изд-во ДВУ, 2004. С. 43.

15. *Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Фарца: подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. № 5 (43). С. 62–68.

16. *Волков Ю.Г.* Российское общество: состояние и перспективы идеологической сферы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 2. С. 3–28.

References

1. Ovrutskii A.V. *Sotsial'naya ontologiya potrebleniya: nauchnye predstavleniya, modeli, obshchestvo potrebleniya*: avtoref. dis. … d-ra filos. nauk [Social Ontology of Consumption: Scientific Ideas, Models, Consumer Society]. Rostov-on-Don, 2012.

2. Logunov A.V. *Prestizhnoe potreblenie v sisteme sredstv simvolicheskogo obmena i konstruirovaniya sotsial'noi identichnosti v transformiruyushchemsya rossiiskom obshchestve*: avtoref. dis. … kand. sotsiol. nauk [Prestigious Consumption in the System of Means of Symbolic Exchange and Construction of Social Identity in Transforming Russian Society]. Vladivostok, 2003.

3. Shalyugina T.A. *Imitatsiya v sovremennom rossiiskom obshchestve: sushchnost', sub"ekty vozdeistviya, sotsial'noe prostranstvo proyavleniya* [Imitation in Modern Russian Society: Essence, Subjects of Influence, Social Space of Manifestation]. Rostov-on-Don: SKNTs VSh YuFU, 2011.

4. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Sotsial'naya regulyatsiya v usloviyakh neopredlennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy issledovaniya molodezhi [Social Regulation in Conditions of Non-prediction. Theoretical and Applied Problems of Youth Research]. Moscow: Academia, 2008, p. 100.

5. Kravchenko S.A. [Uncertainty]. *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii russko-angliiskii slovar'* [Sociological Encyclopedic Russian-English Dictionary]. Moscow: AST, 2004, pp. 240-241.

6. Shtompel' O.M. *Sotsiokul'turnyi krizis (teoriya i metodologiya issledovaniya problemy)* [Sociocultural Crisis (Theory and Methodology of Problem Research)]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTs VSh, 1999, p. 83.

7. Lapin N.I. Tyazhkie gody Rossii (perelom istorii, krizis, tsennosti, perspektivy) [Severe Years of Russia (Break in History, Crisis, Values, Prospects)]. *Mir Rossii*. 1992, No. 1, pp. 10-11.

8. Bochkarev V. Potrebnost' v prazdnosti stanovitsya golovnoi bol'yu strany [The Need for Idleness Becomes the Headache of the Country]. *Nezavisimaya gazeta*. 2008, June 17.

9. Clavinskii S. *Mif o demonstrativnom potreblenii* [The Myth of Demonstrative Consumption]. Available at: http://slavinsky.livejournal.com/ 2009/08/28/ (accessed 25.11.2017).

10. Novak M.V. *Ideologiya konsyumerizma v massovoi kul'ture sovremennoi Rossii: filosofsko-kul'turologicheskii analiz* : avtoref. dis. … kand. filosof. nauk [The Ideology of Consumerism in the Mass Culture of Modern Russia]. Belgorod, 2012.

11. Verdysh A.V. *Chto novogo v pokaznom potreblenii?* [What's New in Demonstrative Consumption?]. Available at: http://verdysh.narod.ru/2004/ (accessed 25.11.2017).

12. *Bazovye tsennosti rossiyan: Sotsial'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify* [Basic Values of Russians: Social Attitudes. Life Strategies. Symbols. Myths]. Ed. A.V. Ryabov, E.Sh. Kurbangaleeva. Moscow: Dom intellektual'noi knigi, 2003, p. 240.

13. Tsimerman Yu.A. *Demonstrativnoe potreblenie v sovremennom obshchestve (institutsional'nyi analiz)*: avtoref. dis. … kand. ekon. nauk [Demonstrative Consumption in Modern Society (Institutional Analysis)]. Moscow, 2007.

14. Lyubimova N.G. *Povedenie potrebitelya* [Consumer's Behavior]. Vladivostok: Izd-vo DVU, 2004, p. 43.

15. Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. Fartsa: podpol'e sovetskogo obshchestva potrebleniya [Smugglers: the Underground of the Soviet Consumer Society]. *Neprikosnovennyi zapas.* 2005, No. 5 (43), pp. 62-68.

16. Volkov Yu.G. Rossiiskoe obshchestvo: sostoyanie i perspektivy ideologicheskoi sfery [Russian Society: State and Prospects of the Ideological Sphere]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2014, No. 2, pp. 3-28.

Поступила в редакцию / Received ***27 ноября 2017 г. / November 27, 2017***

УДК 130.1 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-30-35

К 100-летию Октябрьской революции

ОКТЯБРЬ 1917 – СЛУЧАЙНОСТЬ, ЗАКОНОМЕРНОСТЬ, ЗАМЫСЕЛ?

© 2018 г. Г.В. Сорокин[a], А.С. Веремчук[a]
[a] Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

OCTOBER 1917 - RANDOMNESS, PATTERN, CONSPIRACY?

G.V. Sorokin[a], A.S. Veremchuk[a]
[a] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Сорокин Геннадий Вениаминович –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии
и социально-гуманитарных дисциплин,
Донской государственный технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.
E-mail: gennadi-sorokin@yandex.ru

Gennady V. Sorokin -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy
and Social and Humanitarian Disciplines,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.
E-mail: gennadi-sorokin@yandex.ru

Веремчук Алла Сергеевна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии
и социально-гуманитарных дисциплин,
Донской государственный технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.
E-mail: emealla@yandex.ru

Alla S. Veremchuk -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy
and Social and Humanitarian Disciplines,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.
E-mail: emealla@yandex.ru

Анализируется революция в России 1917 года. Отмечается сложность однозначной интерпретации её результатов в современном контексте. Ставится задача новой интерпретации этих событий.

До социалистической революции впервые в истории России интеллигенция предлагает на основе конкурентного творчества новое цельное общественное мировоззрение. В борьбе мировоззрений и утопических идей в России в начале XX в. в массовом сознании побеждает идея социализма. Идеология социализма приобретает упрощённое и сокращённое толкование, что сближает ее с народным утопическим творчеством. Великая Октябрьская социалистическая революция есть не случайность, а закономерность мирового исторического процесса. Она дала импульс национально-освободительному движению в Индии, Юго-Восточной Азии, Латинской Америке. Поставила задачу создания нового механизма общественной интеграции. Но в русской революции заложены двойственные начала. С одной стороны – позитивное, созидательное, выводящее народные массы из рабского состояния к социальному справедливому демократическому обществу. С другой – насильственное и диктаторское, выступающее против врагов революции.

Ключевые слова: *революция, 1917 год, капитализм, социализм, социальный прогресс, интеллигенция, Великая Октябрьская, утопия.*

The article analyzes the revolution in Russia in 1917. The complexity of unambiguous interpretation of its results in the modern context is noted. The task of a new interpretation of these events is put forward. The article briefly examines the development of historical events. The following provisions are made as conclusions.

Before the socialist revolution, for the first time in the history of Russia, the intelligentsia offers, on the basis of competitive creativity, a new integral public outlook. In the struggle of worldviews and utopian ideas in Russia in the early 20th century, the idea of socialism won in mass consciousness. In the "mass version" the ideology of socialism acquires a simplified and abridged interpretation, which brought it closer to folk utopian creativity. The Great October Socialist Revolution is not an accident, but a regularity of the world historical process. It gave impetus to the national liberation movement in India, South America, Asia, Latin America. The October Revolution set the task of creating a new mechanism for social integration. On the other hand, the Russian revolution has dual principles. On the one hand, it is a positive, creative, leading the masses out of the slave state to a social, just, democratic society. On the other hand - violent and dictatorial, opposing the enemies of the revolution.

Keywords: *revolution, 1917, capitalism, socialism, social progress, intelligentsia, Great October, utopia.*

Вся история человечества – история общественно-культурных перемен. Не является исключением и наше время. И для России, и для человечества в целом особенный интерес представляет так называемый «переломный момент», «точка бифуркации» 1917 г. и прилегающих событий. Явная неоднозначность интерпретаций не демонстрирует единого подхода к оценке и выражает отсутствие надёжных критериев. Относительная близость событий не дает возможности применения исторической оценки.

В плане 100-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции в России можно сделать еще попытку осмыслить культурно-онтологический статус событий недавней истории – случайность, закономерность, внешний заговор? 70 лет в истории России и распространение тогдашней модели устройства на значительную часть населения земного шара не позволяют просто отмахнуться от проблемы. Зачастую официальное осуждение истории приводит к демонстрации возможности негативного социального строя в России, повышает авторитет различного рода враждебных сил.

Статья не является историческим исследованием. Главная задача – попытаться теоретически осмыслить причины Октябрьской революции, ее внутренние механизмы и победу именно большевистской партии.

Впервые в истории России интеллигенция выдвинула на основе конкурентного творчества новое цельное общественное мировоззрение. В борьбе мировоззрений и утопических идей в России в начале XX в. в массовом сознании победила идея социализма.

В условиях конкретной исторической конъюнктуры идея социализма прошла медианной линией между многими духовными течениями. Например, славянофильство могло усмотреть в ней особый, отличный от Запада путь развития. Напротив, западничество, возможно, привлекало воплощение наиболее передового учения опять же западной цивилизации быстрее, чем на его родине.

Можно оценить программу победивших большевиков как наиболее утопичную среди всех предлагавшихся. Но она побеждает – или потому, что популистская, или потому, что *наиболее моральна.*

В «массовом варианте» эта идеология, претендующая на победу, неизбежно приобретает упрощённое и сокращённое толкование, что сближает ее с народным утопическим творчеством.

Проявления утопического мышления можно найти не только в содержании, но и в форме осуществления. Революция представляется в коллективном идеальном своего рода «скачком», мгновенным переходом из безрадостной реальности в мир мечты.

В современном мире сложились только два пути развития: капиталистический и социалистический; существует ли закономерность?

Октябрьская революция 1917 г. навсегда в истории останется важнейшим событием XX в. Попытка построить на земле новое справедливое общество изменила не только исторический путь развития России, но и оказала огромное влияние на развитие многих народов всей планеты. Огромную роль в выборе общественно-исторического пути сыграла российская интеллигенция, оценившая революцию как свою победу [1]. Она идейно подготовила все три революции в начале XX в., изменила вековой традиционный уклад жизни общества, не избежав многих «ошибок» и «преступлений». Но оправдать их могут ее главная функция и главная формула, которой она руководствовалась – все для народа, все в народ и всё из народа, и ничего вне народа. Она видела себя в качестве спасителя отечества и освободителя русского народа. Интеллигенция как посредник между народом и властью всегда разрабатывала и внедряла политическую идеологию в широкие социальные слои, пытаясь привлечь на свою сторону максимальное число приверженцев своих идей. Утопические проекты по переустройству общества всегда присутствовали в сознании русской интеллигенции. Главным духовным орудием ее является идеология. Идеалистические представления о справедливом общественном устройстве будущего, идеи равенства и братства, социального прогресса, – были в центре ее идейно-политических исканий. «Дух утопизма веет… над русской мыслью», – писал В.В. Зеньковский [2, с. 575].

Россия в начале XX в. выделяется глубиной и масштабностью противоречий практически во всех сферах. Она – единственное государство в Европе, в котором царит самодержавие, отсутствуют парламент, демократические структуры государственной власти, легальные политические партии, гражданские права и свободы. Нерешенный крестьянский вопрос, жестокая эксплуатация трудящихся, политическое бесправие,

отсутствие демократических свобод, чиновничий произвол, экономический кризис и поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг. – все это приводит к революции 1905–1907 гг. Несмотря на победу правительства, сохранившего традиционные устои русского общества (патернализм, коллективизм, патриархальность, иерархичность), интеллигенция все же добивается изменений в социально-политической системе. В Манифесте от 17 октября 1905 г. царь обещает народу основные гражданские права, вводит демократические свободы и самое главное предусматривает созыв законодательной Государственной Думы. После почти столетней борьбы интеллигенции наступает конец неограниченной монархии. В стране складываются новые государственные структуры, свидетельствовавшие о начале развития парламентаризма.

Интеллигенция, безусловно, воспользовалась легализацией своих политических взглядов и выступила в роли создателя всех политических течений в России. Политические партии начала XX в. условно можно разделить на три группы: монархические, либеральные, социалистические. Практически все партии не смогли избежать раскола, размежевания, дробления и слияния. Так, этот разброд отмечает Н.А. Бердяев: «Русские революционеры немного славянофилы, страдают самомнением и думают, что Европа им не указ, что Россия имеет миссию осуществить социализм раньше Европы» [3, с. 48].

Историк А. Сахаров отмечал: «Правые еще жили как бы в средневековом измерении, либералы в современном им западноевропейском, левые – в фантастической и утопической устремленности в будущее, и все они – в нереальном, “нероссийском” мире» [4, с. 17]. Ни одну из партий нельзя было назвать правящей.

Россия нуждалась в новой идеологии, суть которой состояла бы в формировании новой парадигмы социокультурных условий, обеспечении сохранения нерасчлененного социального абсолюта. Предъявить идеал, идеологию, новый путь для России и мира, взять власть и ответственность смогла только одна партия – партия большевиков.

Большевики, создав профессиональную политическую организацию, состоящую из очень активных, преданных своему делу людей, связанных жесткой дисциплиной, имеющие огромный опыт, смогли победить. И не только своих главных противников – «правительственные» структуры, но и своих конкурентов – политические партии. В.А. Никонов причиной революции называет элитный раскол, «противопоставивший огромную часть политического класса и интеллигенции правящему режиму» [5, с. 23]. Уловив тенденции меняющегося мира, в условиях полного социального распада они смогли захватить власть в огромной стране, удержать ее при ожесточенном сопротивлении и создать совершенно новую государственную систему. Это произошло в октябре 1917 г.

Большевистская партия во главе с В. И. Лениным выдвинула уникальную модель развития страны, где Россия должна стать точкой отсчета воплощения вековой мечты всего человечества о «золотом веке». В этой модели представлен не только общенациональный, но и мировой «красный проект» – идея коммунизма, основанного на свободе, равенстве и братстве. Такой проект (на самом деле высоко-утопический) не мог не привлечь активную часть населения, особенно низшие слои общества, разочарованные в монархических и либеральных альтернативах. Большевики заполнили пустующий вакуум идеологической целостностью, которую искали на всех уровнях и очень жестко решали все организационно-практические задачи. Они воспользовались медлительностью, непоследовательностью и противоречивостью своих политических оппонентов, нежеланием солдат продолжать войну, недовольством крестьян в отношении земельного вопроса. Как пишет Н.А. Бердяев, «он (большевизм) воспользовался свойствами русской души, … ее религиозностью, ее максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и к терпеливому несению страданий на земле, …. воспользовался русским мессианизмом, … русской верой в особые пути России» [6, с. 115].

Социализм не был случайным явлением в российской культуре. Социалистическая традиция в России существовала длительное время, но в отрицательном значении, как движение низших классов, включая революционеров, направленное против сложившегося капиталистического мира, а не в положительном – как осознанная необходимость перехода к социалистическому способу производства. Позитивный смысл этой линии придали социалистические партии. На протяжении всей русской революционной традиции эти силы накапливались и рано или поздно должны были привести к определенному результату. Действия именно большевиков были логичны, последовательны и устремлены к одной

единственной цели – захват власти ради осуществления своей социалистической идеи.

В это время разочаровавшись в идеях эсеров и поддаваясь все более мощной пропаганде большевиков, страдая от угнетения и эксплуатации, народ потребовал коренных изменений в жизни. Большевикам удалось создать контакт между «простыми людьми» и своей партией. Большевизм стал той основой, в которой низшие социальные слои смогли осознать свои интересы и бороться за них. По мнению И.К. Пантина, «идеология большевиков перевела социализм на народный язык со всеми отсюда вытекающими плюсами и минусами» [7, с. 141]. Они обещают провести аграрную реформу и немедленно прекратить войну, переводят идею народа на более узкий круг – пролетариат. Ленин формирует новый миф о русском народе. Н.А. Бердяев пишет: «В мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом» [6, с. 88].

Переворот в душе народа был так велик, что он, живший иррациональными верованиями и всегда покорный, вдруг поверил в мифическую силу, способную якобы вызволить из того состояния, в котором он находился. Народ поддерживал то рациональное, что ему предлагали большевики, поверив в то, что готовится рабоче-крестьянская революция, в которой он будет в ведущей роли. Интеллигенция же оставляет за собой статус руководящей и направляющей силы совместно с диктатурой пролетариата. В результате свержения временного правительства власть в стране переходит в руки рабочих, солдат и крестьян в лице Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Октябрьская революция выдвигает идею построения нового справедливого социалистического государства.

Следовательно, Великая Октябрьская социалистическая революция есть не случайность, а закономерное окончание Февральской революции. В России сложилась уникальная историческая ситуация, когда смогли реализоваться все объективные и субъективные предпосылки социалистической революции: мировая война, несформировавшаяся структура органов власти после Февраля, анархия, раскол общества, готовность низших слоев на свержение строя и профессионализм большевистской партии во главе с ее лидером В.И. Лениным. К тому же это был единственный шанс России не превратиться в полуколониальную страну с полной зависимостью от европейских держав и встать на самостоятельный путь развития.

Октябрьская революция в отличие от всех предшествующих революций, стремящихся к «свободе, равенству, братству», закончилась победой угнетенного класса (рабочих и крестьян), свержением эксплуататорских форм разделения труда и формированием нового бесклассового социалистического общества. Э. Олин, президент американской социологической ассоциации, отмечает, что пути, по которым приходит новый общественный строй, неожиданны, но закономерны. «Википедия – наиболее известный пример. Новая форма некапиталистического, нерыночного производства, которая возникла в эпоху цифровых технологий» [8].

Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на мировой исторический процесс, с нее открывается новая страница истории. Революция провозгласила равенство народов и рас, право наций на самоопределение, подняла на борьбу массы «за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм» [9]. Она явилась альтернативой капиталистическому миру, у многих стран появился выбор – капитализм или социализм. Дала импульс национально-освободительному движению в Индии, Юго-Восточной Азии, Латинской Америке. Изменилась политическая карта мира. Октябрьская революция поставила задачу – «создание нового механизма общественной интеграции, способного удержать на почве цивилизации многообразные и разнородные направления экономического и культурного развития» [7, с. 139].

С Октябрьской революции начался новый виток развития российского государства. Действительно было сделано много: отмена частной собственности и ее замена на общественную, социальное равенство и национальное равноправие, новая плановая экономика, ведущая к индустриализации страны, ликвидация безграмотности, бесплатное здравоохранение, создание новых научно-исследовательских институтов (33 за период 1918–1919 гг.), формирование морали нового типа («советский человек»), каждый трудящийся мог стать активным участником общественной и культурной жизни и т.д.

Многие осуждают эту революцию и большевистскую власть, называют ее жестокой, кровавой и деспотичной. Безусловно, есть и обратная

сторона медали, при строительстве нового государства было сделано много ошибок: насилие, убийства, гражданская война, репрессии, высылка выдающихся ученых, специалистов, деятелей культуры и т.д. Но какое государство и власть строилось без ошибок, войн и репрессий?

Однако нельзя отрицать, что новая власть смогла предотвратить национальную катастрофу, вывести страну на путь самостоятельного развития. Только большевистская партия как одна из действующих сил процесса определяла дальнейшую судьбу русской цивилизации и мира. Ленину удалось совершить невозможное – убедить страну строить социализм в полном капиталистическом окружении. «Кремлёвский мечтатель» смог осуществить свою утопию.

Но, как показала история, Октябрьская революция не смогла сохранить «социалистического первородства», свои идеалы и ценности.

В ней действительно заложены двойственные начала. С одной стороны – позитивное, созидательное, выводящее народные массы из рабского состояния к социальному справедливому демократическому обществу, с другой – насильственное и диктаторское, выступающее против врагов революции «во имя незыблемости партии-государства». Об этой двойственности пишет Н.А. Бердяев: «Коммунистическая революция, которая и была настоящей революцией... хотела принести всему миру благо и освобождение от угнетения. Правда, она создала самое большое угнетение и уничтожила всякую свободу, но делала это, искренно думая, что это – временное средство для осуществления высшей цели... Русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа. В этом ее главный смысл» [10, с. 264]. Действительно в любой революции заложены противоречия: гуманность и насилие, рациональное и иррациональное, возвышенное и низменное, трагическое и комическое. Как пишет В.В. Колбановский, «разрешая назревшие социальные противоречия, революция оказывается величайшим противоречием и закладывает в основание будущего для нее самой неведомые социальные противоречия» [11, с. 46].

Чтобы развиваться и двигаться вперед, нам необходимо с уважением относиться к своему прошлому, не делить предков на правых и виноватых, каждый из них стремился к процветанию своей страны и лучшей жизни на земле.

Литература

1. *Киселева М.С.* Интеллигенты и первая русская революция // Вопросы философии. 2018. № 1. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view & id=1816&Itemid=52 (дата обращения: 21.01.2018).

2. *Зеньковский В.В.* История русской философии. М. : Академический проект; Раритет, 2001. 880 с.

3. *Бердяев Н.А.* Духовный кризис интеллигенции. М. : Канон+, 1999. 400 с.

4. *Сахаров А.Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М. : Ин-т российской истории РАН, 2004. 960 с.

5. *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. М. : АСТ; Астрель, 2011. 926 с.

6. *Бердяев Н.А*. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.

7. *Пантин И.К.* К вопросу о характере Октябрьской революции // Полис. 2013. № 6. С. 131–144.

8. *Olin E*. Real Utopias // Contexts. 2011. Vol. 10, No. 2. P. 36–42. DOI 10.1177/ 1536504211408884.

9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. Т. 37. С. 171.

10. *Бердяев Н.А*. Русская идея. О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990. 271 с.

11. *Колбановский В.В.* Как нам быть с Великой Октябрьской революцией? // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 40–50.

References

1. Kiseleva M.S. Intelligenty i pervaya russkaya revolyutsiya [Intellectuals and the First Russian Revolution]. *Voprosy filosofii*. 2018, No. 1. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task= view&id=1816&Itemid=52 (accessed 21.01.2018).

2. Zen'kovskii V.V. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt; Raritet, 2001, 880 p.

3. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [Spiritual Crisis of the Intelligentsia]. Moscow: Kanon+, 1999, 400 p.

4. Sakharov A.N. *Rossiya: Narod. Praviteli. Tsivilizatsiya* [Russia: People. Rulers. Civilization]. Moscow: In-t rossiiskoi istorii RAN, 2004, 960 p.

5. Nikonov V.A. *Krushenie Rossii* [Crash of Russia]. 1917. Moscow: AST; Astrel', 2011, 926 p.

6. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow: Nauka, 1990, 224 p.

7. Pantin I.K. K voprosu o kharaktere Oktyabr'skoi revolyutsii [On the Nature of the October Revolution]. *Polis.* 2013, No. 6, pp. 131-144.

8. Olin E. Real Utopias. *Contexts*. 2011, vol. 10, No. 2, pp. 36-42. DOI 10.1177/1536504211408884.

9. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* [Comp. col. of works]: in 55 vol. 5th ed. Vol. 37, p. 171.

10. Berdyaev N.A. *Russkaya ideya. O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture: filosofy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [Russian Idea. About Russia and Russian Philosophical Culture: Philosophers of Russian Post-October Foreign Countries]. Moscow: Nauka, 1990, 271 p.

11. Kolbanovskii V.V. Kak nam byt' s Velikoi Oktyabr'skoi revolyutsiei? [How Should We Deal with the Great October Revolution?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2013, No. 10, pp. 40-50.

Поступила в редакцию / Received ***7 декабря 2017 г. / December 7, 2017***

УДК 008.1 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-36-44

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЦЕНДЕНЦИИ В МИФОЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ АДЫГОВ

© 2018 г. М.А. Хоконов[a], М.Х. Гукепшоков[a], Э.М. Дымов[a]
[a] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия

THE PHENOMENON OF CULTURAL TRANSCENDENCE IN MYTHOEPIC TRADITION OF CIRCASSIANS

M.A. Khokonov[a], M.Kh. Gukepshokov[a], E.M. Dymov[a]
[a] Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia

Хоконов Мурат Анатольевич –
кандидат философских наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик, КБР, 360004, Россия.
E-mail: mhokonov@gmail.com

Murat A. Khokonov -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Chernyshevskogo St., 173, Nalchik, KBR, 360004, Russia.
E-mail: mhokonov@gmail.com

Гукепшоков Мурат Хасанбиевич –
кандидат юридических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик, КБР, 360004, Россия.
E-mail: mgukepshokov@mail.ru

Murat Kh. Gukepshokov -
Candidate of Law, Associate Professor,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Chernyshevskogo St., 173, Nalchik, KBR, 360004, Russia.
E-mail: mgukepshokov@mail.ru

Дымов Эльдар Мухамедович –
кандидат философских наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик, КБР, 360004, Россия.
E-mail: eldym@rambler.ru

Eldar M. Dymov -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Chernyshevskogo St., 173, Nalchik, KBR, 360004, Russia.
E-mail: eldym@rambler.ru

Исследуются философско-культурологические и этнографические проявления культурной трансценденции в адыгской мифоэпической культуре. На основе историографического анализа показывается феномен культурной трансценденции, связанной с мифоэпическим персонажем Тхашхо. Указывается на ошибочность интерпретации Тхашхо как центрального персонажа этнического политеизма и отсутствие в связанных с ним некоторых эпических сюжетов, обрядовых практик космогонических или демиургических мотивов. Обосновывается объективность философского рассмотрения сущности данного мифоэпического субъекта как священного символа культурной партиципации.

Ключевые слова: *адыги, космогония, культура, миф, нарты, общество, сакральность, субъект, партиципация, трансценденция, философия, ценность.*

The article is devoted to the philosophical and cultural and ethnographic study of the manifestation of cultural transcendence in Circassian mythoepic culture. The phenomenon of cultural transcendence associated with the mythoepic character Thashho is shown on the basis of historiographic analysis. False interpretation of Thashho as the central character of ethnic polytheism and the absence of some epic stories, ritual practices of cosmogonic or demiurgic motifs are shown in the article. The objectivity of philosophical consideration of the essence of this mythoepic subject as a sacred symbol of cultural participation is substantiated.

Keywords: *Circassians, cosmogony, culture, myth, Narts, society, sacredness, subject, participation, transcendence, philosophy, value.*

Проблема генезиса традиционного религиозно-мифологического сознания, отражения в этнофилософской картине мира черкесов различных форм трансценденции и выражения сакральных форм мировосприятия в той или иной степени затрагивалась различными исследователями. Она особо актуальна и в наше время, когда происходит сложнейшая трансформация социокультурных ценностей народа, основ его мировоззрения, а значит, и ментальности в условиях вхождения в глобализирующийся мир. Изучение с позиций философских, культурологических методологий сакральной культуры черкесов, на наш взгляд, должно пролить свет на многие закономерности и принципы функционирования этнического мировоззрения, его культурных архетипов и многих других универсалий.

Целью исследования является философско-культурологическая и этнографическая трактовка феномена трансценденции на примере центральной в черкесском политеизме сакральной фигуры Тхашхо. Безусловно, аналитика подобного характера невозможна вне общего историографического обзора существующего массива концептуальных исследований по заявленной проблематике. Специальных научных изысканий, посвященных комплексной научной экспликации образа Тхашхо в мифоэпическом культурном хронотопе, в отечественной этнографической и культурологической науке практически не существует. Мы обращаемся к тем работам, в которых в какой-то степени затрагивается вопрос о положении Тхашхо в мифоэпической культуре черкесов, освещается общая систематика обрядово-ритуальных практик и норм, связанных с этим сакральным персонажем.

Так, впервые упоминание о наличии в нартском эпосе образа верховного божества Тхашхо мы встречаем в исследованиях, этнографических и географических описаниях таких ученых и общественно-политических деятелей, как К. Главани, Т. де Мариньи, Дж. Белл, Л.Я. Люлье, Ф. Торнау, С. Хан-Гирей, Ш. Ногмов. Первые пять авторов – европейцы, побывавшие на территории исторической Черкесии в XVIII–XIX вв. с различными политическими миссиями, но сумевшие вполне обстоятельно описать быт, нравы, уклад жизни черкесов, а С. Хан-Гирей и Ш. Ногмов – представители раннего этапа просветительского движения в социокультурной среде черкесов.

Несмотря на то, что они впервые ввели в научный оборот проблему религиоведческого рассмотрения структуры культа Тхашхо, в их работах, с одной стороны, отсутствует теоретически определенный подход к изучению мифологии, эпоса и домонотетистических религиозных верований, а с другой – наблюдается фрагментарность приводимого эмпирического материала, нет необходимого уровня обобщения. Исключение в этом ряду составляют научные работы Л.Я. Люлье, который с лингвистической и историко-этнографических позиций предпринял попытку исследования религиозных элементов мировоззрения западных черкесов, обращая особое внимание на их синкретичность, т.е. сращенность в этнокультурном миропонимании собственно традиционных, христианских, а затем, естественно, исламских элементов и практик. У этих авторов, если не учитывать ту богатейшую эмпирическую базу по этнографии черкесов, собранную Хан-Гиреем, практически нигде не приводится упоминание о мифоэпическом наследии народа, в котором коренится и весь его сакральный универсум. Следует также отметить, что для изучения обозначенной проблемы особый интерес представляют работы европейских авторов XV–XIX вв., путешествовавших в Западной Черкесии, частично обращавшихся к теме народных религиозных представлений, к эпическим сказаниям, народной поэзии. Среди них центральное место занимают работы И. Бларамберга, Дж. Лонгворта, Ф. Дюбуа де Монпере, К. Коха.

В специальных статьях содержатся новые материалы и выводы о родовых, сельскохозяйственных, скотоводческих, погребальных культах, приводятся описания религиозных традиций народа (М. Аутлев, П. Аутлев, Б. Бгажноков, А. Зафесов, А. Меретуков, Д. Мекулов, С. Мафедзев и др.).

Поистине титаническим научным трудом можно назвать многолетнюю работу по сбору фольклорного материала, изучению происхождения и культурной динамики эпического мышления черкесов, выполненную черкесским исследователем А. Гадагатлем. Отмечая, что архетипическим фактором сакрального единства этноса прежде всего выступает свод неписанных законов, норм и правил поведения под названием Адыгэ Хабзэ, исследователь подчеркивает, что в мировоззренческую основу менталитета входила прочная привязанность к политеистическим представлениям, в первую очередь к покровителям различных стихий и сельскохозяйственных дел (Амыш, Созереш, Тлепш, Ахын, Щибле и т.д.). Но при этом автор не обходит вниманием и

тот факт, что Тхашхо, которому приписываются в позднейших исследованиях классические черты демиурга, ими не обладает, и свидетельством тому является отсутствие в эпических текстах связанных с этим образом мифологем о мироустройстве. Ученый отмечает еще и абсолютную отрешенность этого божества от мира нартов, больше напоминая некий центральный символ единства людей и мира [1, с. 189].

В монументальной многотомной работе «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» пионер в области сбора и исполнения музыкального фольклора черкесов Кардангушев проводит не только эмпирический синтез, обобщение фактов, сбор героических песен-пшинатлей, нарративов, но и пытается осмыслить такие мифоэпические персонажи, как Тха, Тхашхо, Созереш, Ахын.

Важной вехой в формировании основательных этнографических теорий касательно религиозно-мифологических представлений адыгов и в целом сакральной культуры стал выход во второй половине XX в. монографических трудов М.И. Мижаева, А.Т. Шортанова и др. Исходя из обширного полевого материала эти авторы попытались вычленить и изучить общие тенденции развития мифологии, эпической культуры черкесов. В частности, А. Шортанов ввел в научный оборот проблему черкесского политеизма с центральным культом бога Тхашхо [2], но при этом совершенно исказив аутентичность мифологической культуры в стремлении представить ее образную систему, художественно-эстетический контекст в полной аналогии с древнегреческой мифологией.

Отметим, что впервые в канву своих исследований философское, а в частности онтологическое, культурологическое и лингвокультурологическое рассмотрение универсалий адыгского нартского эпоса ввели М.А. Шенкао, М.А. Хакуашева, М.М. Паштова, Н.А. Шогенцукова, З.Ж. Кудаева, Х.Г. Тхагапсоев. Ими впервые были обозначены необходимость комплексной философской герменевтики мифоэпического гипертекста, указано на гносеологическую значимость глубинного эссенциального изучения Нартиады. Особую ценность в этом смысле представляет работа М.И. Мижаева и М.М. Паштовой, изданная на кабардинском языке, «Адыгэ мифологием и энциклопедие» – «Энциклопедия адыгской мифологии»), где на высоком научном уровне проанализированы не только такие мифологические, мифоэпические персонажи черкесской мифологической культуры, как Тхашхо, но и показан ее эвристический, культуротворческий потенциал [3, с. 273].

Завершая краткий историографический обзор, хочется отметить, что в религиоведческой и культурологической литературе не сложилась устойчивая традиция по изучению мифоэпической сущности Тхашхо и, несмотря на несомненные достоинства опубликованных работ по эволюции духовной культуры черкесов, пока еще не предприняты попытки восполнить этот существенный пробел. Учитывая такие обстоятельства и не претендуя на всестороннее освещение проблемы, а предлагая всего лишь авторское философско-культурологическое видение одного ее аспекта, мы в качестве основной гипотезы приводим свое мнение, что в мифоэпическом образе Тхашхо, выступающем как некий этнофилософский концепт, следует видеть не просто результат логики эволюции религиозно-мифологического сознания, а скорее явление универсальной культурной трансценденции.

Трансцендентное – некая высшая онтологическая предпосылка бытия, лежащая за пределами этого сущего и непознаваемого обычными логическими средствами, выход сознания, его существование в постоянном интенциональном потоке, перманентное нахождения сознания в состоянии эксцентричности. Трансцендентный подход к изучению мифоэпического концепта Тхашхо мы привлекаем для нашей философской рефлексии не случайно: он ориентирует исследователя на поиски за пределами системы привычных взглядов и гносеологических предрассудков другой более высокой реальности. Здесь необходимо отметить и то, что идея трансцендентности входит в сферу фундаментальных философских вопросов интеллектуальной культуры человечества, являясь носителем множества смыслов и получая свое воплощение в трансперсональных переживаниях, религиозной вере, мистической практике, мифологическом мышлении, метафизике. Человек в них всегда устремлен за пределы своего бытия, раздвигает горизонты своего духа, пытаясь утвердиться в новых измерениях идеальных ценностей. Как пишет немецкий философ и антрополог Х. Плеснер, человек – это существо, которое всегда стремится выйти за границы самого себя. Переступание, в первую очередь, за пределы своей органической природы, есть уникальная черта человека, и то трансцендирование, которое он совершает вне и вовнутрь себя, автор

обозначает термином «эксцентричная позициональность». С помощью его Х. Плеснер хочет отразить одновременно и «внебиологическую»: «Человек как живая вещь, поставленная в середину своего существования, знает эту середину, переживает ее и потому преступает ее» [4, с. 123].

Полностью соглашаясь с точкой зрения автора о принципиальной важности этой главной черты человеческого бытия, идею трансцендентности можно представить, образно говоря, как некий постоянно раздвигаемый человеком предел, линию перехода от сущего к вне-сущему, за которой человек каждый раз способен понимать неограниченность своей духовности.

Предположим, что позиционирование Тхашхо в эпосе – это достигнутый коллективным сознанием эволюционный уровень культурной трансценденции, где идеальные ценности социума (высший онтологический и этический приоритет старшинства, абсолютная мудрость, гармония человека с природой) гипостазированы в нем как в универсальном Логосе мироздания. Мифоэпический персонаж Тхашхо функционирует в коллективном сознании как первая, архаическая форма трансценденции. С целью прояснения философских истоков этой ключевой для нашей работы идеи обратимся к различным теориям, в которых, по нашему убеждению, предложены культурологические и глубоко аналитические способы понимания идеи трансцендентного.

Вообще философские смыслы трансцендентного в наиболее развитой форме были представлены еще в философской системе И. Канта. Именно немецкий мыслитель был озабочен поиском границ и пределов познания, восприятия, мысли, положив начало изучению вопроса значения «трансцендентного» и «трансцендентального». Трансцендентальное априорно присуще нашему сознанию, оно имманентно ему и посредством его происходит самоорганизация нашей познавательной деятельности. Трансцендентное у Канта имеет дуалистическую интерпретацию, обозначая им обе стороны «от предела чистого разума»: «вовне» (ноумены) и «вовнутрь» (высшая трансцендентальная идея). Это регулятивная идея, указывающая на бытие вне нас «вещей самих по себе». Трансцендентное как прорыв человеческого бытия к миру ноуменального – это еще и регулятивная идея, так как, по Канту, оно указывает на возможную реальность, и граница, охватывающая и выражающая все качество человеческого мира [5, с. 357].

Философ здесь приближается к идее Бога, но усматривает в нем регулятивный принцип разума, идею чистого разума, имеющую регулятивное предназначение для познания мира и практического, т. е. нравственного поведения, а вовсе не утверждение его онтологической сущности. Таким образом, трансцендирование к Богу – это духовный поиск за пределами чистой рефлексии сущего неизменных регулятивных, но еще и, как можно полагать, сакральных интегративных принципов культуры. Но трансцендирование может быть ложным и тогда можно прийти, как пишет мыслитель, к проблеме потустороннего, тогда как истинное знание лежит всегда на границе между предметом, языком и не-предметом, невысказанном, символическом.

В этом плане весьма актуальна и концепция культурной трансценденции концепция К. Ясперса. Трансцендентным немецкий философ называет все то, что экспонировано по ту сторону предметности. Для человека в наличном сущем всеобщее бытие есть всего лишь мозаичный слепок потока сознания, исчезающего вместе с ним после смерти. Творческий человек не способен на такое существование, его жизнь трансцендентно ориентирована, а само трансцендирование есть не что иное, как философствование. Философия как трансцендирование – постоянное стояние на границе, так как по ту сторону границы она не ожидает никаких предметов, она есть перешагивание себя, только как самоосуществление, а не как результат. Внимательно вглядываясь в окружающее, мы обнаруживаем, что мир – не устойчивость, а постоянное разрушение, стремление к трансцендентному возникает из постоянного беспокойства по поводу преходящести любого наличного бытия.

Однако, по Ясперсу, бывают исторические переломы, времена всеобщей духовной революции общества, когда в жизненном порыве и необыкновенно сильном всплеске культурной пассионарности происходит становление трансцендентных религиозных учений, зарождение философских школ, появление саморефлексирующего сознания. Этот существенный временной цикл, падающий примерно на VIII–III вв. до н.э, К. Ясперс называет «осевым временем», когда впервые обозначается не только тенденция перехода от локального к глобальному историческому сознанию, но и к нравственно-метафизическому миру, ощущению трансцендентного единства человечества. Трансценденция, по

Ясперсу, здесь – предел мышления, который всегда находится за краем человеческого существования и придает ему высший смысл. К. Ясперс эксплицирует трансценденцию как духовную целостность человека, но его невозможно ни материализовать, ни отвергать, так как располагается в языке, в понятиях, символах, осознаваемых как некие «шифры Иного». Трансценденция в социокультурной реальности неразрывно связана, если верить К. Ясперсу, с экзистенцией, так как «…человек – это существо, которое не только есть, но и знает, что оно есть, которое может быть познано не просто как бытие… а постигает себя как экзистенция в постоянном соотношении с трансценденцией». Последняя мыслится им как порожденный трансцендентальной реальностью феномен, в котором сосредоточены все фундаментальные духовные «шифры» нашего бытия, понимание и постоянное возрождение которых дает возможность духовного объединения [6, с. 455].

Вне всякого сомнения, идеи о трансцендентальной философии культуры имеют достаточно богатую интеллектуальную историографию. Но ввиду того, что основным замыслом представленной статьи является постановка проблемы и ее первичная авторская трактовка, мы считаем необходимым и достаточным исходить из философских теорий И. Канта и К. Ясперса, которые позволяют постулировать о наличии в мифоэпической культуре черкесов феномена трансценденции на примере Тхашхо.

В анализе мифоэпических текстов, связанных с образом Тхашхо, исследователями он отмечается как создатель мироздания, непостижимое ни разумом, ни религиозной интуицией божество, мифоэпический образ которого не очерчен антропоморфными признаками. Но практически во всех субэтнических мифоэпических повествованиях, где фигурирует Тхашхо, не указывается на то, что он обладает изначальными демиургическими функциями, а тем более теономными и провиденциалистскими атрибутиками, отличаясь своей пантеистической сущностью. Его монадические и ипостасные сущности рассеяны по всему миру и, на наш взгляд, он не божество с присущими культовыми атрибутиками, и не субъективация некой сверхъестественной реальности, а высший трансцендентный принцип патриархального социокультурного порядка. Тхашхо предстает в мифоэпическом пространстве как во многом пассивный, не принимающий практически никакого участия в свершениях героев, богов и множества персонажей нейтральный субъект мифоэпической реальности. Он как бы отчужден от мира, но в то же время он имманентный ему всеобщий трансцендентный Логос мироустройства. Теонимы Тхьэ, Тхьэшхуэ также редко произносятся героями эпоса. Как отмечают авторитетные в этой области отечественные фольклористы М.А. Кумахов и З.Ю. Кумахова, «…при этом характерно, что значение тхьэ (бог) не всегда связывается с функцией творца. Более того, употребление тхьэ для обозначения Верховного бога вообще не характерно для нартских сказаний» [7, с. 50].

Полностью согласиться с их суждением достаточно сложно, но можно допустить, что этот фактор прямо указывает на строгую табуизацию называния теонима в культуре адыгов, но что может быть всего лишь предположением, а решение проблемы ждет комплексного научного подхода.

Уместно еще отметить, что в другом элементе традиционной культуры адыгов – в тостах, где тесно соприкасаются суггестивные возможности слова, речевой патетики и веры в сакральный потенциал поэтического послания, нередко находим обращение к Тхашхо в различных вариантах. Оно сопровождается упоминанием имен богов-покровителей земледелия, плодородия Тхьэгъэлэдж (Тхагаледж) или скотоводства Амыщ (Амиш), что опять указывает на его культовую неопределенность. Ожидаемую в тостах функциональность Тхашхо как источника абсолютной благодати можно в чем-то сравнить с платоническим пониманием Солнца – Блага как иррадиирущего (излучающего) и бытие, и эманацию его имманентных смыслов в природу, общество. Таких тостов в застольной традиции множество, но приведем в качестве примера фрагмент одного из них, переведенный на русский язык:

…О наш Тха, Тха Великий,

Жизненной силой нас наполняющий, наш Тхагаледж!

Дай нам, как цыплятам, размножиться,

Чтобы друг друга радостно мы окликали,

Чтобы счастьем неверных судьба нас одарила… [8, с. 12].

Если теперь обратиться к некоторым культурным параллелям для полноты нашего анализа, то, к примеру, в древнегреческой мифологии Зевс часто изображается в роли не креатора мироздания, а как высшее антропоморфное существо, ко-

торое после теомахии с отцом-Кроном и его низвержения в хтонический мир стал олицетворением нового вселенского порядка, центральным божеством, очень часто вносящим смуты, разрушения и несправедливость в мир людей. Авторитетный в реконструкции истории античной мифологии Р. Грейвс приводит в своих работах такие космогонические мифы, как пеласгический, гомеровский, орфический и олимпийские, в которых устроителями мироздания выступают богиня Эвринома, боги Океан и Тефида, высиженное в Ночи серебряное яйцо, из которого вырос Эрос, начало всего сущего (в орфической мифологии и философии), Хаос и порожденные им Крон и Рея (сюжет теогонии приводится в поэме Гесиода «Теогония») [9, с. 541].

В брахманизме бог, творец мира, тоже не изначальность бытия, не его идеальная субстанция, он родился из цветка, а затем устроил мироздание. Здесь мы видим, как синкретическое мироощущение, пронизывающее архаические мифологии, эпические сюжеты, продуцирует универсальную мифологему о космогонической субстанции как о некой неразделенной «тотальной телесности», которая по разным причинам проходит различные стадии дезинтеграции, создавая из себя все наблюдаемое сущее в космической синергии. Эта исходная форма рефлексии телесности в культуре и ее аналогии встречаются практически во всех мифологических и мифоэпических системах (Пуруша в древнеиндийской «Ригведе», великан Имир в скандинавской мифоэпической культуре, в мифологии зулусов герой Ункулункулу, в мифологии китайцев Первопредок Пань - Гу, каббалистическое учение о Небесном Адаме и его вселенское тело и др.)

Тхашхо, как и Зевс, не выступает создателем миропорядка и источником моральных, нравственных установок, а является олицетворением высшей метафизической инстанции земной власти старших нартов и богов-покровителей в профанном понимании. Отметим, что отголоски космогонического мифа в мифоэпических текстах черкесов встречаются только в одном эпическом цикле, в частности в системе песен, посвященных герою Батерезу, сыну Химиша:

Много свершит сын Химиша
Нового в старой Вселенной.
Все переменно на свете –
Нарты еще не рождались

В дни, когда мир создавался,
Небо созвездия сплетало,
Юное тело земное
Первой корой покрывалось,
Нынешнее Пятигорье

Кочкой невидной казалось.
Псыж был ручьем незаметным, –
А в существе человека
Сила уже созревала [10, с. 23].

Космогонический мотив в адыгском нартском эпосе слабо просвечивается в образной системе героя Сосруко, с которым также связывается начало эпического времени. В определенных чертах он выполняет функцию первочеловека, но позднейшая эволюция его образа, приведшая к переходу героической природы от мифологических к эпических чертам, не дает никакой возможности вычленить космогоническую тематику, связанную с ним. Любопытно, что и в самом цикле эпических песен о Сосруко образ Тхашхо никак не фигурирует и он сохраняет свою отчужденную от мифоэпической реальности сущность.

Таким образом, образ Тхашхо в адыгской сакральной культуре можно еще и интерпретировать, если воспользоваться элементом категориально-инструментальной архитектоники философии И. Канта, как трансцендентальный идеал, сверхсущее космического порядка. Конечно же, адыгская мифоэпическая софийность не достигла уровня метафизического или онтологического обобщения, и мы используем здесь философский трансцендентализм как аналитический метод. Но в ней, как это можно убедиться на примере трансцендентного образа Тхашхо, можно легко выявить зачатки наивного панлогизма, пантеистического миропонимания. Возможно, что формирование более поздних представлений о Тхашхо проходило под некоторым влиянием христианской доктрины, социокультурная экспансия которой, начиная с VI–VII вв., в какой-то степени отразилась на общей культурно-цивилизационной парадигме народа. Но это всего лишь предположение спекулятивного характера, которое не имеет под собой никакой аргументационной базы. Тем не менее одним из известных ученых, непосредственно обратившихся к историко-филологическому исследованию адыгских эпонимов, в том числе и рассматриваемого нами эпического персонажа, является М.А. Кумахов. Ученый считает образ Тхашхо инновационной идеей в мифоэпической культуре адыгов, усматривая в нем позднейшие культурные наслоения, т. е. влияние авраамических религиозных систем.

Так, подчеркивая лишенность Тхашхо космогонических мотивов, он пишет: «Во всяком случае не представляется возможным отнесение названия этого бога, которого исследователи считают самым главным из космогонических богов, к хронологическому уровню, предшествующему эпохе общеадыгского единства. Это вполне согласуется с данными адыгской мифологии. Многобожие пронизывает всю древнюю адыгскую мифологию, появление же Верховного бога явно вторично, т.е. связано с сосуществованием элементов древних языческих и новых религиозных систем» [10, с. 51]. Можно согласиться с предположением автора о сакральном статусе Тхашхо и его сугубо политеистической вторичности, но философский, а точнее – онтологический и аксиологический смысл его позиционирования лежит немного в другой плоскости, а именно в функции культурной трансценденции.

Что касается возможности синтетичности образа Тхашхо в мифоэпической культуре, позволим себе не согласиться с Кумаховым, так как не только в эпических текстах, но и в обрядовой – ритуальной культуре адыгов присутствует очень важный элемент символической партиципации с Первоединым через обряд Тхьэшхуэгухьэж (обряд воссоединения с Первоединым, Тхашхо) Такое аутентичное название носит центральный обрядовый праздник адыгов, падающий на первый четверг после осеннего равноденствия. Данный праздник в сакральном смысле был значимым событием в культурной жизни народа. И это не случайно: он во всех отношениях и смыслах символизирует момент всеобщей партиципации с Первоединым, с трансцендентным ядром культуры, в которой присутствуют и плодородие, и умножение рода, и, естественно, залог продолжения жизни. Следует отметить, что термин «партиципация», которым мы здесь воспользовались, – одно из ключевых понятий этнологической теории первобытного мышления Л. Леви-Брюля. Партиципация – не просто культурно-психологическое явление, связанное с ощущением сопричастности к тем или иным ценностям (у Леви-Брюля – ритуально-племенным) и присущее главным образом архаическим обществам [11, с. 62].

Она – универсальный культурно-антропологический механизм, регулирующий широчайший спектр ментальных и культурных процессов от развития человеческой самости, рефлексии до интеграции различного рода социокультурных практик и постоянной реактуализации ценностных ориентаций общества. Партиципация – проявление универсальной интеграционной силы на ментальном и психосоматическом уровне человека, когда в священном обрядовом единстве открывается коллективный акт ретрансценденции, а значит, непрерывности культурного развития этноса. Партиципационные действия в культуре позиционируют как некие каналы, через которые происходит и инкультурация, и культурное программирование. Иначе говоря, это универсальная механика смыслопорождения, с помощью которой культура, точнее, те или иные её подсистемы манипулируют человеческим сознанием. Партиципация Тхьэшхуэгухьэж, на наш взгляд, накрепко привязывает человека к тому или иному классу смыслов и набору ролевых программ, трансцендированных ценностей культуры, связанных с их постоянным продуцированием.

Первое упоминание об обрядовом празднике в адыгской культуры и его связи с Тхашхо встречаем в книге «Год среди черкесов» корреспондента лондонской газеты «Таймс» Дж. Лонгворта, побывавшего в Черкесии в 1839 г. Не вдаваясь в подробное описание обрядовых действий, из его этнографических сообщений нам становится ясно, что в честь нового цикла сопричастия с Первоединым также устраивали завершающий весь ход ритуального действия танец Тхьэшхуэгухьэж удж (буквально: танец единения с великим Богом). Через игровое пространство коллективного кругового танца, солярного по своему генезису, осуществлялось и желаемое священное единство. Как отмечал известный нидерландский философ, автор игровой концепции культуры Й. Хейзинга, необходимо определить границу между священным действием и игрою: игровое настроение по своему типу изменчиво – в любую минуту может вступить в свои права обычная жизнь [12, с. 46].

Действие же священных праздников прерывать нельзя, ибо в них происходит перерождение народного духа, его возврат к истокам своего бытия и завершение космического цикла существования социума, культуры, человека. Священная игра, столь необходимая для блага общества, чреватая космическим видением и социальным развитием, всегда лишь игра, деятельность которой протекает вне и поверх сферы трезвой обыденной жизни с её нуждой и серьезностью. Данное явление можно считать особой формой социальной рефлексии, в которой происходит внут-

ренняя духовная реновация общественного сознания. На неотделимости Тхашхо от мифоэпической и обрядовой культуры акцентирует свое внимание Б. Бгажноков, посвятивший обстоятельному анализу этнографии и культурологии адыгского игрища ряд работ. Анализируя ценностные, пространственные, инициационные аспекты организации игрищ, он писал: «Праздник функционирует не только как посредник между отдельными социальными группами, обществом и личностью, обществом и природной средой. Он выполняет еще одну архиважную функцию – функцию анализа наличного состояния социума, степени его готовности к решению постоянно возникающих проблем. В ходе игрищ выявлялась нравственная, социальная сила и энергия общности» [13, с. 167].

В праздничной культуре еще видна изначальная свобода личности, вера не в судьбу, проживание фаталистической программы индивидуального бытия, а осознание жизненного пути как создаваемый собственным экзистенциальным выбором, волей и разумом, наличие в сознательной деятельности адыга не слепой веры, желания подчинения, а истинной почтительности, уважения, благоговейного отношения к трансцендированным истокам культуры – Хабзэ – космическому и социальному Логосу.

Таким образом, мифоэпический образ Тхашхо воплощает в себе момент изначальности космоса, общества, жизни человека, даже самого времени, темпоральности как таковой, не обладая при этом космогоническими или демиургическими в целом функциями.

В адыгском мифоэпическом сознании Тхашхо фигурирует как абсолютная сфера Эотемпоральности (всех пространственно-временных и экзистенциальных модусов сотворенного мира), это та бытийная Первооснова, из чего проистекает весь мировой порядок. Тхашхо как высший трансцендентный принцип культуры объемлет все преобразованное человеческой культуротворческой потенцией сущее. Она – не только единая и непознаваемая субстанциональность, но и мифоэпический Логос, функционирующий в традиционных культурных практиках и мировоззренческих моделях как священный символ культурной партиципации.

Литература

1. *Гадагатль А.М.* Героический эпос «Нарты» адыгских (черкесских) народов. Майкоп : Краснодарское кн. изд-во, Адыгское отделение, 1987. 406 с.

2. *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология / под ред. А.И. Алиевой. Нальчик : Эльбрус, 1982. 194 с.

3. *Мыжей М.И., Пащты М.М.* Адыгэ мифологием и энциклопедие. Мейкъуапэ : ИП Паштов З.В., 2012. 460 н.

4. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. 552 с.

5. *Кант И.* Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994. 591 с.

6. *Ясперс К.* Философская вера // Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. 527 с.

7. *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Нартский эпос: язык и культура. М. : Наследие, 1998. 312 с.

8. Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1б. Пасп. № 1.

9. Мифы Древней Греции / Р. Грейвс; пер. с англ. К.П. Лукьяненко; под ред. и с послесл. А.А. Тахо-Годи. М. : Прогресс, 1992. 624 с.

10. Нарты: кабардинский эпос / пер. В. Звягинцевой и др.; ред. С. Липкин. М. : Политиздат, 1951. 503 с.

11. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

12. *Хёйзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. Х 35 и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

13. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик : Эльбрус, 1983. 228 с.

References

1. Gadagatl' A.M. *Geroicheskii epos «Narty» adygskikh (cherkesskikh) narodov* [The Heroic Epos of the "Nart" of the Adyghe (Circassian) Peoples]. Maikop: Krasnodarskoe kn. izd-vo, Adygskoe otdelenie, 1987, 406 p.

2. Shortanov A.T. *Adygskaya mifologiya* [Adyghe Mithology]. Ed. A.I. Alieva. Nalchik: El'brus, 1982, 194 p.

3. Myzhei M.I., Pashchty M.M. *Adyge mifologiem i entsiklopedie*. Meik"uape: IP Pashtov Z.V., 2012, 460 p.

4. Plesner Kh. [The Steps of the Organic and Man]. *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Moscow: Progress, 1988, 552 p.

5. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow: Mysl', 1994, 591 p.

6. Yaspers K. [Philosophical Faith]. *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and Purpose of History]. Moscow: Politizdat, 1991, 527 p.

7. Kumakhov M.A., Kumakhova Z.Yu. *Nartskii epos: yazyk i kul'tura* [Nart Epic: Language and Culture]. Moscow: Nasledie, 1998, 312 p.

8. *Arkhiv KBIGI* [Archive of the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies]. Fund 12. In. 1. Storage Unit 1b. Pass. No. 1.

9. *Mify Drevnei Gretsii* [Myths of Ancient Greece]. R. Greivs; tr. from Engl. K.P. Luk'yanenko; ed. and concl. A.A. Takho-Godi. Moscow: Progress, 1992, 624 p.

10. *Narty: kabardinskii epos* [Narts: the Kabardian Epic]. Tr. by V. Zvyagintseva; ed. S. Lipkin. Moscow: Politizdat, 1951, 503 p.

11. Levi-Bryul' L. *Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in Primitive Thinking]. Moscow: Pedagogika-Press, 1994, 608 p.

12. Kheizinga I. *Homo ludens. Chelovek igrayushchii* [Homo Ludens. Playing Man]. Com., intr. X 35 i tr. from Dutch by D. V. Silvestrova; comment., notes D. E. Kharitonovich. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha, 2011, 416 p.

13. Bgazhnokov B.Kh. *Ocherki etnografii obshcheniya adygov* [Essays on Ethnography of Adyghs]. Nalchik: El'brus, 1983, 228 p.

Поступила в редакцию / Received ***20 декабря 2017 г. / December 20, 2017***

УДК 111.1 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-45-51

ИДЕНТИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

© 2018 г. И.В. Цифанова [а]
[а] Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия

IDENTITY IN INDIVIDUAL AND COLLECTIVE GOAL-SETTING

I.V. Tsifanova [а]
[а] Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

Цифанова Ирина Владимировна –
кандидат исторических наук,
доцент, кафедра теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин,
Ставропольский государственный педагогический институт,
ул. Ленина, 417а, г. Ставрополь,
355029, Россия.
E-mail: tsifanova@yandex.ru

Irina V. Tsifanova -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Theory and Teaching Methods of Historical and Philological Sciences,
Stavropol State Pedagogical Institute,
Lenina St., 417a, Stavropol,
355029, Russia.
E-mail: tsifanova@yandex.ru

Анализируется отношение между самоидентификацией индивидов и коллективов, социальных групп и целых этносов, с одной стороны, и теми действиями, которые они совершают, а также теми целями, для достижения которых совершаются эти действия. Отдельному рассмотрению подвергается ситуация, когда, ставшая подвижной, идентичность осознанно или неосознанно превращается в средство влияния как на индивидуальное, так и на коллективное целеполагание. Горизонтом для рассмотрения данного отношения выступает феномен исторического знания, которое в наступившую эпоху превращается в самостоятельный, сложный и вариативный фактор изменения самой идентичности и механизма ее социально значимого функционирования.

Ключевые слова: *целеполагание, идентичность, самоидентификация, легитимность, социальные структуры, исторические события, историческое самосознание.*

The author examines the relationship between identity of individuals and groups, social groups and entire ethnic groups, on the one hand and the actions they take, and the purposes for achievement which they are committing these actions. A separate consideration is given to the situation when the identity which has become mobile, consciously or unconsciously turns into a means of influencing both individual and collective goal-setting. The horizon for the consideration of this relationship is the phenomenon of historical knowledge, which in the current epoch becomes independent, a complex and variable factor changes in the identity and mechanism of its socially beneficial functioning.

Keywords: *goal setting, identity, identity, legitimacy, social structure, historical events, historical consciousness.*

Индивиды поддерживают социальный порядок путем подтверждения его признания, совершая те или иные символические действия. Или, напротив, отказываются следовать предписанным нормам и правилам, что порождает ситуацию, ставящую под вопрос признание этих структур и институтов. Общество меняется или разрушается – символический порядок выступает как условие порядка действий, отношений, взаимодействий. Социальные структуры и институты должны быть легитимны. В противном случае общество не может быть стабильным и нормально развивающимся. Легитимация социальных институтов, структур и функций неразрывно связана с самоидентификацией, в основе которой лежит соединение исторического нарратива с социальным самоописанием.

Исторический нарратив дает генетическое определение социального устройства, тогда как последнее получает дополнительную легитимность через претензии на рациональность, эффективность и моральную обоснованность. Таким образом, обращение к историческому знанию само по себе есть лишь часть возможностей

легитимации институционального и структурно-функционального строя современного общества.

Как утверждает А.М. Сидоров, теория коммуникативного действия выделяет три элемента системы социального опыта: восприятие, действие и интерсубъективную лингвистическую репрезентацию [1, с. 297]. Благодаря лингвистическому повороту в философии XX в. произошла смена понимания того, как нужно мыслить общий социальный мир, который разделяют друг с другом взаимодействующие индивиды. Если прежде этот мир мыслился как аналог картины, в которой можно увидеть аналог геометрического пространства, то сегодня это интерсубъективный жизненный мир (или интерсубъективная лингвистическая репрезентация отдельной части этого мира) существует как лингвистический, а не геометрический феномен.

Лингво-коммуникативная природа социального опыта позволяет увидеть в поздних его формах, являющихся предельно сложными и отдифференцированными, различение пропозиционального, нормативного и экспрессивного его содержаний. Эти содержания смешаны в мифе и традиционном мышлении до неразличимости, но по мере роста рациональной компоненты в межиндивидуальных и межгрупповых взаимодействиях они начинают восприниматься отдельно друг от друга. Все это можно объяснить стратегией когнитивной адаптации человека как одного из живых существ, для которых стратегии приспособления – это стратегии выживания. Не случайно Ю. Хабермас включил в основания теории коммуникативного действия концепции Ж. Пиаже и Л. Кольберга, в которых приобретение когнитивных способностей, а также способностей к моральной оценке и моральному суждению рассматриваются как часть биологической эволюции человека, т. е. как стратегия адаптации [2, с. 60–62].

Целесообразно рассмотреть модель формирования системы, связывающей память о прошлом с социальным содержанием идентичности, предложенную Я. Ассманом. Первым этапом является согласование индивидуальной и коллективной памяти, что осуществляется путем подстройки подсистем культуры, религии, образования и воспитания. В рамках этого процесса формируются такие разные смысловые структуры, как отнесенность к пространству и времени и отнесенность к группе. Поиски идентичности в конце XX и начале XXI в. можно назвать лихорадочными в том числе и потому, что эти два структурных элемента оказались под вопросом, причем для всех без исключения потенциальных субъектов, претендующих на статус носителя как индивидуальной, так и коллективной идентичности.

Все три названные отнесенности – пространственную, временную и групповую – Я. Ассман вслед за М. Хабльваксом относит к фигурам воспоминания и добавляет к ним еще способность к воссозданию в воспоминании нужных смыслов и содержаний. Здесь центральная мысль обоих теоретиков заключается в том, что «память занимается воссозданием. Прошлое не может сохраняться в ней как таковое. Оно постоянно реорганизуется сменяющимися контекстными рамками движущегося вперед настоящего. Также и новое может выступать не иначе как в форме воссозданного прошлого. Традиции могут сменяться только традициями, прошлое только прошлым» [3, с. 43]. Ключевое слово «вос-создание» трактуется не как зеркальное отражение того, что было, а как создание копии, отличие которой от оригинала не только в том, что она несовершенна, но и прежде всего в том, что эта копия не одна, их много и каждая из них отражает лишь возможный взгляд, одну из нескольких точек зрения.

Я. Ассман сравнивает две основные формы коллективной памяти о прошлом: коммуникацию и культуру. В этом нет ничего нового, поскольку роль культуры и языка как средств хранения исторического наследия хорошо известна. Но знаменитый немецкий египтолог находит в этом сравнении ключ к пониманию взаимодействия исторического и социального бытия, т. е. выявляет механизмы взаимодействия исторических событий и социальных структур. Уникальность исторической памяти – в наличии у нее двухуровневой структуры: значение имеет только исток и недавнее прошлое. Но если исток можно передвигать в массиве информации, выбирая то одни, то другие событийные оси, то недавнее прошлое вариабельно исключительно за счет интерпретативной базы.

При анализе темы взаимодействия культуры и коммуникации как двух базовых форм исторической памяти возникают в качестве возможных сюжетов не только взаимная необходимость их соответствия, но и возможная конкуренция вплоть до противоречия. «Вовлечение будущего в сферу сегодняшних действий и решений происходит еще и потому, что информационная перенасыщенность современного общества требует

уже сегодня жесткого отбора того, что будет передано будущему. Из-за невозможности сохранить такие большие объемы информации социальные институты и отдельные лица вынуждены уже сегодня решить, что следует знать о них будущим поколениям» [4].

Историческая память неотделима от культурной памяти – обе они формируют идентичность, взаимодействуя друг с другом. Культурная память возникает первоначально в виде обряда, ритуала, праздника, но все эти формы не существуют отдельно от коммуникации, включены в нее и допускают интеграцию содержания коммуникативных действий в свою собственную структуру, что делает возможным критическое к ним отношение со стороны коммуницирующих субъектов. Точно так же и коммуникация может быть ограничена запретами, без которых не существуют культурные традиции. Можно сказать, что обряды и ритуалы структурируют коммуникацию, держа ее под определенным и весьма существенным контролем.

Особое значение в анализе телеологии идентичности имеет тема соотношения рационального и иррационального, потому что идентичность выступает как ценность в этих двух основных формах. Таким образом, идентичность «вписывается» и в структуру миропонимания, и в структуру мироощущения, определяя причастность человеческих помыслов к некой идее, некому идеалу. Со времен Платона быть причастным к какому-либо эйдосу-идеалу означало, что ощущающий эту причастность становится похожим на идеал и на лежащий в его основе эйдос. Но идентичность как раз и определяется через понимание причастности (принадлежности) к роду, племени, группе, сообществу. Таким образом, род или сообщество впускает в свое «тело» только тех, кто соответствует ему по рождению, по своим мыслям и делам – такова логика архаичного осознания собственной идентичности.

Несмотря на близость идеи причастности идее отождествления, между ними существует некоторое противоречие. Действительно быть причастным не значит быть полностью тождественным идеалу – реальное никогда не тождественно идеальному, но лишь позволяет через сходство обнаружить родство с другими реальными предметами этого рода. Единообразие или тождество достигается на высоком уровне абстрагирования, но даже на уровне конкретного необходимо выделять сходство и отождествлять на уровне этого сходства. Так, этноидентичность – это убежденность в наличии общего происхождения и общей судьбы. Не случайно отношение к воссоединению разделенных этносов или воссоединение семей воспринимается как воссоздание утраченной целостности. В моральном дискурсе подобные случаи получают необходимую санкцию и определяются как восстановление справедливости.

Нынешнюю эпоху вполне можно назвать эпохой одержимости идентичностью. Не случайно в XX в. на фоне всеобщей волны увлечения поисками идентичности и констатацией утраты идентичности, возникают и уникальные попытки построить отличную философию – философию неидентичности. Так, немецкий философ Т. Адорно попытался обосновать, что стремление людей выделить в представлении о себе столь же устойчивые черты, как и в представлении о мире или Боге, приводит их к соответствующему этому мышлению образу жизни. Т. Адорно даже назвал этот образ жизни оборонительным, противопоставив ему образ жизни архаичного человека, которого основоположник негативной диалектики считал более естественным и свободным. «Устойчивая самость человеческого индивида, – писал Т. Адорно, – и возникающий в ходе ее формирования особый тип мышления, мышление идентифицирующее, являются социокультурными конструктами, позволяющими человеку довольно успешно противостоять конститутивной для его существования как конечного существа темпоральной анизотропии, т.е. неповторимости каждого прожитого мгновения, неумолимости не прерывающегося ни на миг хода времени, неотвратимости ожидающего все живое конца» [5, с. 37].

Нельзя не заметить, что отрицательное отношение к идентичности является оборотной стороной того бума, который переживали представители западной цивилизации в период после Второй мировой войны. Поиски идентичности стали широко обсуждаемой темой и настолько массовым явлением, что желание остаться анонимным оказалось столь же естественным, сколь и значимым для понимания антропологической природы данного явления. Не случайно историками философии подчеркивается близость философии Т. Адорно и его соавтора по знаменитой «Негативной диалектике» М. Хоркхаймера экзистенциально-антропологическому мейнстриму немецкой и французской философии середины XX в. Нигилистические по своей сути идеи названных представителей франкфуртской

школы близки экзистенциалистским рассуждениям о категориальном противопоставлении бытия и «ничто», а вся ситуация «непереносимости существования», описанная М. Хайдеггером, Ж.-П. Сартром и другими лидерами этого направления философской мысли, несомненно входит в причинный комплекс формирования лабиринта идентичностей.

Специфика франкфуртской школы в понимании роли идентичности состоит в том особом значении, которое данный феномен играет в установлении взаимосвязи личности и общества. Идеи З. Фрейда, Т. Адорно и Г. Маркузе показали, что патологии в развитии личности предельно заостряют проблему идентичности на психологическом и социальном уровнях, выбивая личность и из социально-структурного, и из исторически-событийного контекстов. Следует согласиться с теми, кто увидел связь названных процессов с подсознательной, т. е. психологической реакцией на структурные трансформации общественности. Как отмечают В.И. Кирьянов и Н.М. Смирнова, «при описании механизмов интериоризации в процессе формирования “Супер-Эго” З. Фрейдом был дан импульс к универсализации проблематики идентичности. Идентичность понималась как результат процесса подражания чему-либо, а затем была истолкована как процесс переживания субъектом той или иной степени слияния с объектом» [6, с. 118]. Индивидуальное и коллективное бессознательное инициирует таким образом поиски идентичности, и в этом состоит их внутренняя потребность.

Телеология идентичности определяется не только факторами, влияющими на нее извне, но и внутренней ее природой. Именно поэтому в исторической науке попытки сохранить методологические стандарты естествознания, долгое время казавшиеся символом и идеалом научности как таковой, не привели к торжеству каузальной модели объяснения. Как отмечал Г.Х. фон Вригт, каузальное объяснение в науках об обществе обращено к прошлому: событие имело место быть потому, что произошедшее ранее событие (или группа, или цепь событий) «привели» к этому. Предыдущее детерминирует собой последующее. А вот телеологическое или целеполагающее объяснение – это объяснение настоящего с точки зрения будущего. Событие случилось не для того, чтобы предшествовать другому событию, но для того, чтобы это другое событие произошло, пишет Г.Х. фон Вригт и продолжает: «Здесь также предполагается номическая связь, в типичном случае – отношение необходимой обусловленности. Однако в отличие от каузального объяснения допущение номической связи включено в телеологическое объяснение более сложным образом, так сказать, косвенно» [7, с. 116]. Номическая связь здесь понимается как законосообразная детерминация прошлого, настоящего и будущего.

Мысль о номичности (законосообразности) телеологического объяснения показывает наличие в содержании идентичности плана и образа будущего, в которое также входит номическая связь. Другими словами, если ты идентифицируешь себя с какой-то социальной, этнической, профессиональной группой, то в каждом случае ты автоматически оказываешься продолжателем некоего проекта (исторического, социального, личностного), имеющего развертку в прошлом и настоящем, а также проекцию на будущее. Именно здесь в сознании человека встречаются социальные структуры и события, причем событийное определяет социоструктурное. В то же самое время в полном согласии с тезисом К. Маркса о первичности общественного бытия по отношению и к общественному, и к индивидуальному сознанию именно социоструктурное бытие человека руководит историческим дискурсом, а также детерминирует дискурс будущего, связывая его воедино не только в мысли, но и в коллективном действии. Более того, именно эта связка становится руководством для управленческих структур, политических элит, она же наполняет институциональные контенты и указывает реальные или мнимые цели социальных изменений.

Европоцентристская трактовка истории сегодня подвергается критике, но доминирование западной цивилизации является главным аргументом ее защитников. Количество тех европейцев, кто признает две идентичности – космополитическую и европейскую исключительную – своими, может быть не таким уж великим. Однако обе группы, разделяющие эти идентичности, обладают достаточными ресурсами в области влияния на умы людей и их поступки. Обе выступают как создатели и носители влиятельных идеологий. Кстати, идеология мировой революции и построения бесклассового общества во всех своих основных трактовках – большевистско-ленинской, большевистско-троцкистской, марксистской и др. – является космополитической. Все, в нее поверившие и назвавшие себя последователями идей К. Маркса, разделили всечеловеческую идентичность, которую можно назвать

идентичностью общего будущего, общей судьбы и общей ответственности. Сегодня, когда марксизм как социальный и политический проект достиг исторического минимума своей популярности, нелегко обнаружить и носителей данной идентичности. Космополитическим следует назвать проект, представленный политическими элитами США и Евросоюза, декларирующими приоритетность общечеловеческой идентичности, хотя и сталкивающимися со все большими трудностями при реализации данных ценностей на практике. Политические процессы последних лет наглядно показывают отношение европейского и североамериканского населения к проводимой политическими элитами США и Евросоюза политики в сфере миграции, а значит, под сомнением оказываются и ценности, составлявшие фундамент данной политики.

Тектонические изменения происходят сегодня в сфере идентичности европейцев: несмотря на все усилия властей и СМИ, все больше американцев и англичан, французов и поляков ощущают «давление» своей национальной идентичности на идентичность, сформированную в последние десятилетия Евросоюзом. Немалые усилия были затрачены на то, чтобы максимизировать роль общеевропейской идентичности в массовом сознании европейских обществ: к этому процессу были подключены немалые административные и финансовые, интеллектуальные и символические ресурсы.

Идея общеевропейской идентичности казалась столь желанной и эффективной, что для ее формирования были перестроены политическая и экономическая системы национальных государств. При этом общеевропейская идентичность фактически предстала в качестве одного из главных и необходимых средств для превращения Евросоюза из средства экономической и военной интеграции западноевропейских государств в самостоятельное государство с общим правительством, армией и валютой. «С целью укрепления такого объединения, – пишет Е.В. Хахалкина, – неоднократно на протяжении существования Сообществ/Союза выдвигались идеи о необходимости формирования общеевропейской идентичности. Однако насыщение ее конкретными компонентами в связи с подготовкой проекта Евроконституции в начале 2000-х гг. показало, что в ряде случаев попытки “сплотить” оборачивались упрочнением национальной в противовес общеевропейской идентичности» [8].

Неужели это явление – упрочнение национальной идентичности – оказалось настолько труднопрогнозируемым, что практически не учитывалось политиками, идеологами и разработчиками дорогостоящих программ развития Евросоюза в области духовной и культурной жизни? Видимо да, потому что смена настроения избирателей не содержалась ни в каких политологических или социологических прогнозах. А между тем такого развития событий вполне можно было бы ожидать, если учитывать, что всякое действие рождает противодействие. Тем более что изменения идентичности были напрямую связаны с подсчетом прибыли и убытков теми, кто наименее был готов к смене собственной идентичности – жителей восточноевропейских стран. Действительно в случае стирания идентичностей и ослабления национальных государств жителям бедных стран казалось, что получаемые ими вместе со вступлением в новое супергосударство преференции значительно превысят потенциальные неудобства. Но по мере углубления евроинтеграции количество евроскептиков возросло. Стало очевидным отсутствие равноправия и выяснилось, что в число главных выгодоприобретателей вошли и без того богатые и развитые страны, а вот интересы широких слоев населения бедных стран отстаивать в нынешних условиях местным элитам все труднее. И количество евроскептиков растет, несмотря на все усилия многочисленных пропагандистов. На этом примере можно убедиться, как идентичность становится предметом торга и обмена, экономической оценки и финансового расчета.

Условия, при которых идентичность оказывается величиной переменной – это всегда события, разрушающие социальный порядок, уничтожающие осознание глубокой связи между обществом и его историей. Примером стремительного и на первый взгляд безболезненного отказа от собственной идентичности может служить история крушения царской России. Те, кто в силу возраста не был готов расстаться с миром своих представлений и ценностей, казались «вечно вчерашними». Для них смена идентичности не могла стать источником надежды на успешное освоение нового социального мира, они выбирали стратегию адаптации путем сохранения отдельных привычек и действий в ставшем чужим порядке признания. Пожилые люди не столько не хотели меняться, сколько не могли это сделать – это в полной мере объясняется социологическими законами и особенностями социализации стариков. Потеря социального статуса целыми слоями полностью соответствует в таких случаях

изменению образа прошлого. Героическое прошлое более не считается таковым, а для выбора примеров для подражания выбираются совсем иные персонажи.

Еще более остро переживаются изменения содержания идентичности, когда исторические описания сохраняются, а социальные структуры полностью изменяются. Нередко это происходит в случаях смены отношения власти к этноконфессиональной группе, которая меняет свой социальный статус с маргинального на доминирующий или, наоборот, подвергается маргинализации. Показателен библейский сюжет о том, как удачное замужество и обретение статуса любимой жены не только позволило иудеям избежать гонений, но и обрести особые полномочия для расправы над своими обидчиками.

Практически все народы, нации и народности сохраняют собственную историю как средство сопротивления попыткам ассимиляции. Но история всегда предоставляет власти некие альтернативы. Как отмечает Ж.Т. Тощенко, историческая память – «это определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [9, с. 144].

Мысль о том, что историческая память фокусирует общественное сознание, очень точно определяет суть отношения между историческими событиями и социальными структурами. И роль истории не сводится к простому укреплению представлений о важности сохранения социального порядка, его структур и институтов. Тем более она не является набором рассказов о действительном или мнимом историческом и социально-цивилизационном могуществе ее носителя. Историческое сознание выступает как неотъемлемая компонента мировоззрения, в котором научно-теоретическое знание соединяется с повседневно-практическим и которое в полной мере участвует в социальном конструировании реальности.

В контексте сказанного нет нужды дополнительно обосновывать, что идентичность – важнейший элемент системы социального действия и инструмент формирования социальной коммуникации, соединяющий исторические события и социальные структуры в единую коммуникативно-смысловую систему. Функции идентичности могут и должны быть рассмотрены с точки зрения роли самоидентификации в процессе социальной адаптации. Такова в общих чертах внутренняя телеология идентичности.

Литература

1. *Сидоров А.М.* Миф и проблемы рационализации в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Вып. 8, посвященный 90-летию проф. М.И. Шахновича. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 300 с.

2. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 380 с.

3. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

4. *Лыкова В.В.* Историческая память в современной России: проблемы трансформации // Уч. зап. Электронный научный журн. Курского гос. ун-та. 2007. № 2. URL: http:// cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-v-sovremennoy-rossii-problemy-transformatsii (дата обращения: 04.12.2017).

5. *Кузнецов М.М.* Теодор В. Адорно – философ неидентичности // История философии. 2003. № 10. С. 24–50.

6. *Кирьянов В.И., Смирнова Н.М.* К вопросу о принципах исследования идентичности в зарубежной социологии // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 7 : Философия. Социальные технологии. 2005. Вып. 4. С. 118–124.

7. *Вригт Г.Х., фон.* Логико-философские исследования / пер. с англ.; общ. ред. Г.И. Рузавина и В.А. Смирнова; сост. и авт. предисл. В.А. Смирнов. М. : Прогресс, 1986. 600 с.

8. *Хахалкина Е.В.* Европейский союз, Великобритания и проблемы общеевропейской идентичности // Сибирские исторические исследования. 2014. № 1. С. 49–58.

9. *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 143–145.

References

1. Sidorov A.M. [Myth and the Problem of Rationalization in the Theory of Communicative Action of J. Habermas]. *Smysly mifa: mifologiya v istorii i kul'ture*

[Meaning of the Myth: Mythology in the History and Culture]. Issue 8, dedicated to the 90th anniversary of prof. M.I. Shakhnovich. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001, 300 p.

2. Khabermas Yu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Saint Petersburg: Nauka, 2000, 380 p.

3. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, 368 p.

4. Lykova V.V. Istoricheskaya pamyat' v sovremennoi Rossii: problemy transformatsii [Historical Memory in Modern Russia: Problems of Transformation]. *Uch. zap. Elektronnyi nauchnyi zhurn. Kurskogo gos. un-ta*. 2007, No. 2. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-v-sovremennoy-rossii-problemy-transformatsii (accessed 04.12.2017).

5. Kuznetsov M.M. Teodor V. Adorno – filosof neidentichnosti [Teodor V. Adorno - a Philosopher of Non-identity]. *Istoriya filosofii*. 2003, No. 10, pp. 24-50.

6. Kir'yanov V.I. Smirnova N.M. K voprosu o printsipakh issledovaniya identichnosti v zarubezhnoi sotsiologii [To the Question of Principles Studies of Identity in International Sociology]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta*. Seriya 7. Filosofiya. Sotsial'nye tekhnologii. 2005, iss. 4, pp. 118-124.

7. Vrigt G.Kh., fon. *Logiko-filosofskie issledovaniya* [Logical-philosophical studies]. Tr. from Engl.; ed. G.I. Ruzavina, V.A. Smirnova; col. and intr. V.A. Smirnov. Moscow: Progress, 1986, 600 p.

8. Khakhalkina E.V. Evropeiskii Soyuz, Velikobritaniya i problemy obshcheevropeiskoi identichnosti [The European Union, the United Kingdom and the Problems of European Identity]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2014, No. 1, pp. 49-58.

9. Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical Consciousness and Historical Memory. Analysis of the Current State]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2000, No. 4, pp.143-145.

Поступила в редакцию / Received ***4 декабря 2017 г. / December 4, 2017***

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

Проблемы историографии казачества

УДК 930 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-52-70

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

© 2018 г. А.И. Агафонов [а]

[а] *Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

DON COSSACKS IN THE MODERN SCIENTIFIC LITERATURE: PROBLEMS, SEARCHES, SOLUTIONS

A.I. Agafonov [a]

[a] *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Агафонов Анатолий Иванович –
доктор исторических наук,
профессор, кафедра специальных
исторических дисциплин и документоведения,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: history@sfedu.ru

Anatoly I. Agafonov -
Doctor of History, Professor,
Department of Special Historical Disciplines
and Records Keeping,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: history@sfedu.ru

Отечественная историография о донском казачестве, сформировавшаяся в новейшее время, является отражением социально-экономических и политических изменений в стране, не представляет собой единого научного поля, распадается на различные, часто противоборствующие между собой научные школы и направления.

Особое внимание обращается на новые темы и сюжеты в изучении донского казачества современными учеными, раскрывается их взаимосвязь и преемственность с советскими и дореволюционными этапами развития отечественной исторической науки, отмечаются основные историографические идеи, поиски и итоги.

В результате историографического изучения проблемы автор пришел к выводам, что история донского казачества остается важной научной темой, ее актуальность возрастает в связи с процессами возрождения казачества в Российской Федерации и за рубежом, повышением его роли в общественно-политической жизни страны.

Ключевые слова: *новейшая отечественная историография, донское казачество, научные школы и направления современной российской и региональной исторической мысли, историографические успехи и недостатки, возрождение казачества.*

The Domestic historiography of the don Cossacks, which was formed in modern times, is a reflection of the socio-economic and political changes in the country, it does not represent a single scientific field, disintegrates into various, often opposing scientific schools and directions.

Special attention is paid to new topics and subjects in the study of the Don Cossacks by modern scientists that reveals their relationship and continuity with the Soviet and pre-revolutionary stages of the development of national historical science, marked the main historiographical ideas, searches and results.

As a result of the historiographical study of the problem, the author came to the conclusion that the history of the Don Cossacks remains an important scientific topic, its relevance increases in connection with the processes of the revival of the Cossacks in the Russian Federation and abroad, increasing its role in the socio-political life of the country.

Keywords: *Modern Russian historiography, Don Cossacks, scientific schools and directions of modern Russian and regional historical thought, historiographical successes and shortcomings, the revival of the Cossacks*.

В последние десятилетия XX – начале XXI в. произошли крупные изменения в изучении донского казачества, региональной истории. Они были обусловлены перестройкой социально-политической системы в стране, отказом от марксистско-ленинской философии и методологии познания, возрождением российского и зарубежного казачества. Преобразования оказали влияние на состояние источниковой базы и методы исследования, научную и публикаторскую деятельность ученых, оценки казачества в прошлом, настоящем и будущем.

Казачеству России в 90-е гг. XX в. – начале XXI в. посвящена обширная литература, вышли в свет монографии по его изучению, многочисленные исследовательские и историографические статьи [1–6]. Очень часто в широком информационном потоке работы о донском казачестве специально не выделялись, успехи и недостатки исследования нивелировались. Воздержимся от подробного анализа различных течений в отечественной историографии – ортодоксальное марксистское, либеральное, консервативное, цивилизационное и т.д. – они могут быть предметом самостоятельного изучения. Определим крупные темы, к которым сегодня приковано пристальное внимание ученых, а также отметим некоторые общие историографические результаты.

В 90-е гг. XX – начале XXI в. характерными для отечественной исторической науки стали развал научных школ и направлений, падение авторитета гуманитарного образования, старение научных кадров, отъезд молодых ученых за границу и переход части историков в другие области производственной, научной и общественно-политической деятельности. На этом фоне широко развернулась подмена научных исследований публицистикой, началась мифологизация и политизация истории. Этому содействовала и государственная власть в стране, стремившаяся оправдать свою легитимность, правомерность проводившихся реформ. Она нашла среди определенной части научного сообщества историческую и идеологическую поддержку [7–12].

Российская либеральная общественность под лозунгом «нового прочтения, изучения, трактовки российской истории» подвергла сомнению и пересмотру идеологию и политику классовой борьбы и революций, ревизовала понятийно-категориальный аппарат крестьянских войн и движений в России XVII – XVIII вв., произвела переоценку жизни и деятельности многих донских атаманов, видных деятелей российской эмиграции, событий советской истории, Великой Отечественной и Второй мировой войн, поставила под сомнение необходимость и процесс возрождения казачества [3, с. 236; 13–20].

Большое влияние на формирование исторического и современного образа донского казачества оказывали многочисленные течения внутри казачества – реестровое, общественное, «вольное российское», этнокультурное, самодеятельное (не связанное исторически с казачеством), «старое» и «новое», «потомственное» и «ряженое» и др. Приводились различные аргументы с целью подтвердить «истинность» принадлежности к казачеству или создавались доказательства, что «настоящие» казаки – это казаки русской эмиграции, их потомки, сохранившие язык, военное и культурно-историческое наследие казачьих частей Российской императорской армии [21–24].

Фундаментальные научные исследования были отодвинуты на периферию научного знания. Отказ от марксистско-ленинского подхода и объяснения истории не означал деидеологизации исторической науки. В процессе формирования историографических школ и идеологических течений нарастали и противоречия. Старые догмы и представления сменили другие положения, обусловленные современными политическими реалиями. Вместо советских тезисов «Казаки – сатрапы самодержавия, душители свободы, бунтари, зачинщики крестьянских войн, казачья Вандея, и проч.» пришли новые, в разных вариантах – «Казаки – самостоятельный народ, нация, создатели, спасители и опора России, православные воины, защитники государственности и т.д.» [25].

Вместе с тем либеральная общественность не создала крупных и беспристрастных исследований по истории и о современном положении донского казачества, большинство из них написаны в жанре исторической публицистики, без глубокого знания источников и историографии проблемы.

Движение за возрождение российского казачества во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX в. усилило интерес к его истории, казачья тема приобрела оттенок научной моды. В усло-

виях политизации общества и отказа от марксизма широкое распространение получил тезис: «Назад к истокам, дореволюционным исследованиям о казачестве, к исторической правде». Казачество стремилось к самоидентификации, искало место в современной российской действительности, желало найти в старых представлениях новые организационные формы. Были переизданы сочинения В.Д. Сухорукова, Е.П. Савельева, П.П. Сахарова, Х.И. Попова, А.И. Ригельмана [26–30], произведения исследователей российской эмиграции С.Г. Сватикова, И.Ф. Быкадорова, А.А. Керсновского, П.Н. Краснова [31–36], получили распространение зарубежные казачьи «Словари-справочники» и работы иностранных ученых [37–40].

Однако вскоре выяснилось, что большинство дореволюционных, эмигрантских и зарубежных сочинений не соответствуют требованиям современной исторической науки в области источниковедения, историографии и методов исследования. Да и фактическая база была значительно беднее многих работ, созданных в советскую эпоху. К тому же формировавшаяся новая политическая элита нуждалась в четких положениях и определениях для разработки государственной политики по отношению к казачеству и народам, репрессированным в советскую эпоху.

Следует учитывать, что лидеры казачества связывали его возрождение с сильной Россией, искали прежде всего ответы на вопросы, поставленные современными реалиями: кто такие казаки? – этнос, нация, сословие?; казачья демократия, отношения казачества и государства на различных исторических этапах – мифы и реальность; казачество в социальных движениях, войнах и революциях; возрождение казачества – исторический опыт и новые подходы; казачество в современном полиэтническом и поликонфессиональном мире и т.д.

Ответы ученые определяли на полях научных дискуссий, а общество – на страницах исторической публицистики и журналистики. Важнейшим направлением оперативного изучения казачества являлись в 80–90-е гг. XX в. Всесоюзные и Всероссийские научные конференции, проводившиеся в Москве, Ленинграде (Петербурге), различных городах и станицах Дона, Кубани, Северного Кавказа под руководством профессоров А.И. Козлова, В.Н. Ратушняка, войскового атамана Кубанского казачьего войска доцента В.П. Громова, при участии крупнейших научных центров и университетов страны [41].

В статьях и выступлениях на конференциях А.И. Агафонов, Н.Ф. Бугай, А.И. Козлов, С.А. Кислицын, С.И. Рябов, С.М. Маркедонов, Н.А. Мининков, В.П. Трут, Р.Г. Тикиджьян, В.А. Тишков и другие ученые поставили прежде всего вопрос о необходимости формирования новых теоретико-методологических подходов к изучению российского казачества, расширения источниковой базы, совершенствования понятийно-категориального аппарата, развития методов исследования. Это позволило бы выработать новые оценки истории донского казачества и наметить наиболее спорные и нерешенные проблемы [42–49].

90-е гг. XX – начало XXI в. стали временем поиска социокультурного образа донского казачества, определения его места в истории и современной России. В исследованиях А.И. Агафонова, С.А. Кислицына, П.Н. Лукичева, С.М. Маркедонова, В.А. Никитина, А.П. Скорика, Т.В. Таболиной, В.П. Трута, в коллективных трудах ученых Ростовского и Волгоградского государственных университетов, Москвы, Петербурга и других научных центров страны формировались представления о донском казачестве как мировом феномене (сословие, этнос, субэтнос, нация, народ – в зависимости от авторской точки зрения). Большинство ученых признают, что казачество сложилось в славяно-русском, тюрко-язычном и персидском пограничье (фронтире), играло огромную роль в геополитике на евразийском континенте. Но в силу различных причин и условий было включено в российское цивилизационное пространство [50–59].

Следует обратить внимание на разнообразие подходов к изучению донского казачества, а также подчеркнуть, что многие публикации носили политизированный характер. Содержание, источники, теоретические построения и историографические выводы определялись принадлежностью авторов к направлениям российской исторической мысли, заимствованиями идей и концепций американских и европейских научных школ.

Рассмотрение истории и современного развития донского казачества с позиций цивилизационного подхода позволили наметить и приступить к изучению тем, ранее находившихся на периферии научного знания. Исследования Т.Ю. Власкиной, В.Н. Королева, Б.Н. Проценко, Т.С. Рудиченко, М.А. Рыбловой, А.В. Ярового продолжили традиции собирателей донского фольклора А.М. Листопадова и С.Я. Арефина, повседневного быта Х.И. Попова, Ф. Траилина

и М.А. Харузина. Были также выявлены, зафиксированы и изучены казачьи песни, говоры, былины, сказки, заговоры, поверья, культурно-бытовые обычаи, трудовые навыки, казачье военное искусство (шермиции), календари и другие этнические, этнографические аспекты жизни казачества [60–71]. Многие результаты распространялись в казачьих ансамблях, народных промыслах, преподавании казачьего (регионального) компонента в школах, гимназиях, казачьих кадетских корпусах.

Важным направлением научного поиска становится семейная история и генеалогия донского казачества. Обращение к этой теме Н.С. Коршикова, В.Н. Королева, В.М. Безотосного, А.А. Шумкова, И.Г. Рыклис, С.В. Корягина, А.Г. Сизенко сопровождалось введением в научный оборот широкого круга источников из различных архивов России. Работы по данной теме восстанавливали общую картину повседневной жизни казачества, способствовали развитию практической генеалогии и методов исторического исследования [72–78].

Одной из самых востребованных тем истории донского казачества в 90-е гг. XX – начале XXI в. стала социальная самоорганизация. Ученые и политики стремились найти в историческом опыте казачьей общины ответы на вопросы строительства современного казачьего войскового и местного самоуправления, его отношений с государством. Вышли в свет о казачьем землевладении и землепользовании сборники документов Н.С. Коршикова, исследования М.В. Аляева, Ю.Д. Гражданова, Е.И. Дулимова, В.В. Золотых, С.А. Кислицына, С.М. Маркедонова, Г.Г. Небратенко, Е.А. Чемякина о включении донского казачества в государственно-правовое пространство Российской империи, обычном праве, деятельности правоохранительных органов, судов общей и специализированной юрисдикции, судов, действовавших на основе обычного права [58, 79–89].

Созданные в постсоветской России исследования и публикации документов требовали теоретического осмысления, выработки практических рекомендаций по изучению истории и современного положения казачества. Наряду с научными изданиями в центре внимания исследователей были политические, социологические и демографические наблюдения за процессами возрождения казачества, его успехи, сложности и недостатки. Они получили отражение в коллективных монографиях Ростовского госуниверситета под руководством профессора Ю.Г. Волкова, трудах А.И. Агафонова, В.П. Трута, Т.В. Таболиной, А.А. Озерова, С.А. Кислицына, А.П. Скорика и др. [43, 50, 55, 90–97].

На рубеже XX – XXI вв. среди отечественных специалистов получили распространение американские общественно-политические концепции. Они стали использоваться для освещения заселения и хозяйственного освоения Сибири, Дальнего Востока, Подонья-Приазовья, Северного Причерноморья и Северного Кавказа. К ним относятся прежде всего теория фронтира, «точка встречи дикости и цивилизации» [98]. Она была сформулирована в 1890-х гг. американским ученым Ф.Д. Тернером, объясняла отношения коренных народов и европейских переселенцев Северной Америки, а также теория Б.М. Боука о донском фронтире, как сложном процессе и казачьей идентичности, как неоднозначном характере [5, с. 10; 99–102].

Теорией Ф.Д. Тернера, устаревшей к 30-м гг. XX в., подвергавшейся резкой критике научным сообществом, а также его последователя Б.М. Боука стали объяснять российскую историю не на основе источников, а такой же «фронтирной» литературы или интерпретации известных документов с позиций Ф.Д. Тернера. При этом каждое направление «российского фронтира» предлагало свое определение, содержание, характеризовало отношения между русским переселенцами, автохтонным славяно-русским населением и коренным населением других культур, религий и языковых групп, кочевниками региона. Так, по мнению А.В. Бредихина и других авторов, формирование донского казачества во фронтирной зоне способствовало его этнокультурному обособлению, казаки – это фронтирмены в межцивилизационной среде, словно «губка» впитывали традиции и обычаи населявших эти территории народов», важными компонентами формирования казачества Дона и Кубани выступали татарский, калмыцкий и малороссийский компоненты [103–105] и т.д.

«Казачьи энциклопедии» А.А. Гордеева, Г.В. Губарева и А.И. Скрылова, изданные за рубежом, многие разделы о казачьих войсках и персоналии о казаках в советских изданиях к концу XX в. научно и морально устарели. Крупным вкладом в изучение донского казачества, развития теории казаковедения и обобщения научно-исследовательских практик стали новые общие

Энциклопедии по истории казачества и отдельных казачьих войск России, разделы, темы и сюжеты о донском казачестве в энциклопедиях по истории войн России, в отраслевых энциклопедиях. Однако среди них нет самостоятельной Энциклопедии «Донское казачество», она находится на этапе подготовки и написания. Для этого требуется объединение усилий и поисков многочисленных исследователей, коллективов вузов и академических институтов [106–108].

Следует подчеркнуть, что не все энциклопедии соответствуют своему статусу – как написанные коллективами ученых, так и особенно авторские, в частности, Б.А. Алмазова, А.Н. Овсянникова и Т.В. Ямпольской, А.Г. Сизенко, Ю.Ф. Сухарева. Часто они являются обширными компиляциями, а составители показывают весьма поверхностные знания источников, исторической географии, картографии, геральдики, вексиллологии и современной историографии о казачестве [109–114].

Казачество в войнах России XVII – XX вв. постоянно находилось в центре внимания отечественной историографии, а участие в военных конфликтах на территории бывшего СССР повысило интерес общества к его военной истории, роли в присоединении Кавказа и на службе государства. Монографии А.В. Захаревича, Г.Л. Воскобойникова, А.И. Козлова, А.Ю. Перетятько, В.П. Трута, А.В. Шишова позволили по-новому взглянуть на военную организацию донского казачества, формирование его частей и подразделений, участие в боевых операциях, оценить безвозвратные и материальные потери Донского войска [115–119].

Большое влияние на направления научных исследований донского казачества оказывали юбилеи, имевшие огромное общественно-политическое звучание, особенно подготовка и празднование 200-летия Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии в 1813 и 1814 гг. А.И. Агафонов, М.П. Астапенко, А.В. Венков, С.Е. Калинин, Е.И. Кирсанов расширили хронологические границы темы, рассматривали военно-административные реформы в Войске Донском, комплектование, вооружение и снабжение казачьих полков, военное искусство, походы и участие казачества в боевых действиях в контексте наполеоновских войн и внешнеполитических событий рубежа XVIII – XIX вв.

Широкое распространение в российской и донской историографии получила персонализация истории: «Человек в истории, история в человеке». Новые подходы к изучению донского казачества позволили М.П. Астапенко, О.Ю. Куцу создать портретную галерею донских казачьих атаманов XVII – XX вв., В.М. Безотосному – показать неординарный образ вихрь-атамана М.И. Платова на фоне славных и малоизвестных событий начала XIX в., А.И. Сапожникову – написать научную биографию генерала от кавалерии графа М.И. Платова, А.И. Агафонову – восстановить подвиги донских генералов и историю включения их портретов в Военную галерею Зимнего дворца, Н.С. Коршикову – написать первую полную генеалогия дворян и графов Платовых. М.П. Астапенко, А.В. Венков, Е.И. Кирсанов, В.И. Лесин уточняли факты и события военной и личной жизни выдающегося донского атамана и его сподвижников [120–134].

Новыми темами в донской историографии становятся история епархии Донской и Новочеркасской, ее взаимодействие с неправославными конфессиями в крае, церковь в условиях советского режима, обновленческий раскол, взаимоотношения церкви, религиозных организаций и атеистического государства, судьбы церковно- и священнослужителей в Советской России и эмиграции. Благодаря исследованиям и деятельности А.И. Агафонова, Д.А. Горбачева, Л.В. Табунщиковой, С.В. Римского, А.Г. Сизенко, А.В. Шадриной в научный оборот были введены новые документы из центральных и региональных архивов, архивов ФСБ, бывших архивов КПСС.

Не известные ранее документы, советская и зарубежная периодика, специальные исследования позволили восстановить жизнь клира городских, приходских, станичных и хуторских церквей в дореволюционный период, показать отношение епархии Донской и Новочеркасской к революциям и Гражданской войне в России и на Дону в 1917–1920 гг., сложность и многогранность церковных и антицерковных процессов в 20–50-е гг. XX в. на юге страны, размах акций по изъятию церковного имущества, уничтожения и разрушения храмов, формирование советского законодательства по отношению к православной и иным конфессиям [135–146].

К концу XX в. значительно расширилось исследовательское поле за счет тем и сюжетов, находившихся в тени социальной и политической истории казачества. Вышли в свет труды по источниковедению и историографии Донского края и донского казачества А.И. Агафонова и М.В. Татарченко, о происхождении государства и права народов Дона и Северного Кавказа в эпоху античности и средневековье В.К. Цечоева,

истории правоохранительных органов и права на Дону Г.Г. Небратенко, военной организации Войска Донского А.Ю. Перетятько [147–157].

Наиболее резкой критике в современной исторической и общественно-политической литературе подвергались проблемы советской истории, прежде всего Великая Октябрьская социалистическая революция, донское казачество в революциях и Гражданской войне, политика Советской власти и ее руководителей по отношению к казачеству. При подготовке к 80-летию и 100-летию русских революций широкое распространение получили темы расказачивания, геноцида казачества, истребления казачьего народа. Они обрели многочисленных сторонников и противников. Острые дискуссии развернулись не только о содержании и методах политики советской власти, численности жертв расказачивания и Гражданской войны, ее демографических и социально-экономических последствиях для страны, но и понятийно-категориальном аппарате, географии и хронологии, степени участия различных групп казачества в данных событиях [158–162].

Демократизация общественной жизни позволила исследовать казачий коллаборационизм в годы Второй мировой войны, организацию, численность, структуру казачьих воинских формирований в составе вермахта, их роль в боевых операциях в Европе и на Восточном фронте. Жаркие дискуссии развернулись и вокруг военных и политических лидеров русской эмиграции, возможности их реабилитации. Большинство российских ученых выступили против представлений о сотрудничестве казачества с фашистской администрацией Германии как антибольшевистской борьбе, за освобождение России от советской власти и сталинского ига, признания невиновности П.Н. Краснова и других лиц, взаимодействовавших с оккупантами [163–167].

Новые темы и сюжеты донской истории и современности потеснили доминировавшие в советскую эпоху проблемы социально-экономического развития края на всех исторических этапах и классовой борьбы во времена средневековья. Возвращение к ним является неотложной задачей ученых, необходимо создание новых фундаментальных, не обремененных старыми представлениями или поверхностными суждениями исследований. Надо дополнять и развивать объективную картину истории и сегодняшнего положения донского казачества.

Современная историография о донском казачестве является отражением глубинных сдвигов в общественном сознании, социально-экономических и политических процессов, протекающих в Российской Федерации и за ее пределами. Для настоящего исследовательского поля характерны историографический плюрализм, многообразие научных принципов, но в то же время еще сохраняются вторичность идей и концепций, противоречивость и размытость оценок, эклектичность содержания. Преодоление негативных тенденций в историографии возможно через расширение документального корпуса, создание конкретно-исторических исследований и тематических историографических обзоров.

Литература

1. *Футорянский Л. И.* Казачество России на рубеже веков. Оренбург : Димур, 1997. 198 с.

2. *Футорянский Л.И.* Историография казачества в XX – начале XXI вв. // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2012. № 5 (141).

3. *Мациевский Г.О.* Историография современного казачества в конце XX – начале XXI веков: основные этапы и направления // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 11 (43). С. 233–254.

4. *Таболина Т.В*. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы. М., 1999. 152 с.

5. *Маркедонов С.М*. Основной вопрос казаковедения: российская историография в поисках «древнего» казачества // Империя и нация в зеркале исторической памяти : сб. ст. М. : Новое изд-во и журн. Ab Imperio. 2011. С. 224–264.

6. *Ерохин И.Ю*. Тенденции и перспективы исторических исследований по проблеме казачества // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 11 (31). URL: http:// web.snauka.ru/issues/ 2013/11/28501 (дата обращения: 20.10.2017).

7. *Согрин В.В*. Двадцать лет российской трансформации. 1985–2005 гг.: Перипетии историографического плюрализма // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 20–34.

8. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011. С. 9–24.

9. *Степанов Т.Г.* Основные тенденции развития постсоветской исторической науки (1990-е – начало 2000-х годов) // Вестн. Тамбовского ун-та. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 3 (71). С. 243–249.

10. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. М. : Политиздат, 1992. 352 с.

11. *Логунов А.П.* Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80-х – начале 90-х годов // Советская историография. М. : Рос. гос. гум. ун-т, 1996. С. 447–487.

12. *Бериашвили В.Т.* Отечественная историческая наука в конце XX – начале XXI веков: поиски новых методов исследования // Вестн. Псковского гос. ун-та. Социально-гуманитарные науки. 2008. С. 45–55.

13. *Сахаров А.Н.* Россия. Народ. Правители. Цивилизация. М. : ИРИ РАН, 2004. 960 с.

14. *Мауль В.Я.* Русский бунт как форма культурной идентификации переходной эпохи // Вестн. Томского гос. ун-та. 2005. С. 144–157.

15. *Мауль В.Я.* Образ Емельяна Пугачева на страницах книг в серии ЖЗЛ: в зеркале сравнений // Новый исторический вестн. 2016. № 2 (48). С. 180–198.

16. *Самарин В.В.* Сергей Мироненко, или Ложь директора Госархива. URL: http:// compromatwiki.org; http://niramas.livejournal.com/34426.html; http:// niramas.livejournal.com/34133.html (дата обращения: 01.09.2017).

17. *Ипполитов Г.М.* О новых подходах к освещению советского периода Российской истории (на примере Гражданской войны в России) // Изв. Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13, № 3. С. 222–228.

18. *Шишов А.В., Венков А.В.* Белые генералы. Ростов н/Д. : Феникс, 1998. 365 с.

19. *Мальцев В.* Казачество России – всадник без головы. URL: http://icfsp.ru/strategicheskie-novosti/kazachestvo-rossii-vsadnik-bez-golovy/ (дата обращения: 15.10.2017).

20. *Бугай Н.Ф.* Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917 – 90-е годы). М.; Можайск : Терра, 2000. 96 с.

21. *Козлов А.И., Козлов А.А.* Ряженые. Возрождение казачества: мифы и реальность // Родина. 2004. № 11. С. 11–14.

22. *Саркисян Г.* Записки «экстремиста». URL: https://g-sarkisyan.livejournal.com/1126603.html (дата обращения: 15.11.2017).

23. *Володин А.* Современное казачество России: «ряженая сотня» или опора для народа // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/24386-sovremennoe-kazachestvo-rossii (дата обращения: 15.11.2017).

24. *Кузнецова Т.* Россию спасут казаки? Верховный атаман – о дружинах, службе Родине и ряженых // АИФ. 2012. № 45 (1670). 7–13 нояб. С. 11.

25. *Бугай Н.Ф.* Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX – XXI вв.). Исторический экскурс. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2015. 276 с.

26. *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов н/Д. : ГинГо, 2001. 514 с.

27. *Савельев Е. П.* История Дона и донского казачества. Ч. 1–3. Новочеркасск, 1918.

28. *Сахаров П.* Происхождение вольного донского казачества и первые службы донцов России. Новочеркасск, 1914. 76 с.

29. *Сахаров П.П.* Происхождение донского казачества. Ростов н/Д., 1914. 132 с.

30. *Ригельман А.И.* История или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч. М.: Университетская тип., 1846. 159 с.; переизд. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1992, 1996. 224 с.

31. *Сватиков С.Г.* Россия и Дон. Изд. Донской исторической комиссии. Белград, 1924. 600 с.; переизд. М., 2017.

32. *Быкадоров И.Ф.* Очерк участия Донского войска в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. Новочеркасск : Изд. Донского дворянства, 1911. 169 с.

33. *Быкадоров И.Ф.* Казаки в Отечественной войне 1812 года. М. : Яуза-Эксмо, 2008. 256 с.

34. *Керсновский А.А.* История Русской Армии. Т. 1–4. Белград, 1933–1938; переизд. М. : Голос, 2014.

35. *Краснов П.Н.* Атаманская памятка. Краткий очерк истории Лейб-Гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1775–1900. СПб., 1900. 270 с.; переизд. СПб., 1996.; Ростов н/Д. : Ростиздат, 2005. 192 с.

36. [Краснов Петр]. История донского казачества. Очерки истории Войска Донского. М. : Эксмо, 2006. 287 с.; М. : Вече, 2007. 576 с.

37. *Ауски С.А.* Казаки. Особое сословие. Документы. Карты. Фотографии. Нева. СПб. : Олма-Пресс, 2002. 448 с.

38. *Каппелер А.* Казачество. История и легенды / пер. с нем. Н.А. Мининкова. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2014. 104 с.

39. Казачий словарь-справочник / сост. Г.В. Губарев, ред.-изд. А.И. Скрылов. Т. 1–3. Кливленд, Охайо; Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1966–1970.

40. *Гордеев А. А.* История казачества. Переизд. М. : Вече, 2006. 640 с.

41. *Ратушняк В.Н.* Проблемы истории казачества на научных конференциях Кубани // Голос минувшего. Кубанский исторический журн. 2007. № 1–2. С. 169–176.

42. *Агафонов А.И.* Казачество Российской империи: некоторые теоретические и методологические проблемы изучения // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. : материалы III Всесоюз. науч. конф. по истории казачества. Нальчик, 5–8 апреля 1990 г. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1995. С. 6–16.

43. *Кислицын С.А.* Указ и шашка (политическая власть и донские казаки в XX в.) Ростов н/Д.: ДЮИ, 2007. 415 с.; изд. 2-е. испр., доп. М. : Ленанд, 2015. 360 с.

44. *Козлов А.И.* О сущности возрождения казачества // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности. Волгоград, 2007. С. 46–52.

45. *Козлов А.И.* Казаки – нация, сословие? // Возрождение казачества: история и современность : сб. ст. V Всерос. (Междунар.) науч. конф. : 2-е изд., испр. и доп. Новочеркасск, 1995.

46. *Козлов А.И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1996. 248 с.

47. *Маркедонов С.М.* Российская цивилизация. Казачество: единство или многообразие? (Проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ) // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 95–108.

48. *Перехов Я.А.* Власть и казачество. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1996. 137 с.

49. *Трут В.П.* Казачество: происхождение, сущность, реалии, перспективы. Ростов н/Д., 1998. 31 с.

50. *Скорик А.П., Озеров А.А.* Этносоциальный адрес донцов. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 232 с.

51. *Рвачева О.В*. Движение за возрождение казачества на юге России в начале 1990-х гг.: организационные формы, идеи и участники процесса // Вестн. ВолГу. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 4. С. 124–134.

52. *Лукичев П. Н., Скорик А. П.* Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность : материалы V Всерос. (Междунар.) науч. конф. Новочеркасск, 1994. С. 31–55.

53. Казачий Дон: очерки истории. Ч. I / А.П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян [и др.]. Ростов н/Д. : Изд-во ОблИУУ, 1995. 192 с.

54. Казачий Дон: очерки истории. Ч. II / А.П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян [и др.]. Ростов н/Д. : Изд-во ОблИУУ, 1995. 208 с.

55. *Таболина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. 33 с.

56. *Никитин В.* Казачество. Нация или сословие? М. : Яуза, 2007. 640 с.

57. *Маркедонов С.М.* Казачество Юга России: проблема становления // Россия. Политические вызовы XXI века. М. : РОССПЭН, 2002. С. 379–383.

58. *Кислицын С.А., Козлов А.И., Козлов А.А., Попова Н.А.* Власть на Дону. Исторические очерки. От первого атамана до первого губернатора. Ростов н/Д. : Ростиздат, 2000. 127 с.

59. *Таболина Т.В.* Возрождение казачества: 1989–1994: Истоки. Хроника. Перспективы. Т. 1. М., 1994. 526 с.

60. *Агафонов А.И.* Земельные отношения на Дону как направление военной культуры казачества и их государственное регулирование во второй половине XIX века // Война и воинские традиции в культурах народов юга России. V Токаревские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 6–7 мая 2016 г. Ростов н/Д., 2016. С. 130–135.

61. *Власкина Т.Ю.* Донские былички о повитухах // Живая старина. 1998. № 2. С. 15–17.

62. *Власкина Т.Ю.* «Бабина каша» в станице Раздорской // Живая старина. 1998. № 3. С. 47.

63. *Королев В.Н.* Были ли казаки сословием? // Голос казака. 1993. № 1. С. 8–9.

64. *Королев В.Н.* Происхождение донского казачества: донские казаки и славяне // Возникновение казачества и становление казачьей культуры : материалы науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 15–16 октября 1999 г. Ростов н/Д., 1999. С. 3–12.

65. *Королев В.Н.* Жареные раки и соленый виноград. К истории донской кухни // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 году. Азов: Азовский краеведческий музей, 2002. Вып. 18. С. 398–418.

66. *Проценко Б.Н*. Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1998. 244 с.

67. *Рудиченко Т.С.* Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д. : РГК им. С.В. Рахманинова, 2004. 512 с.

68. *Рыблова М.А*. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XVIII века. Волгоград: Волгоград, 2006. 542 с.

69. *Рыблова М.А.* Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград: Волгоград, 2003. 240 с.

70. *Яровой А.В.* Воинская культура казачества: символическое пространство и ритуал. Ростов н/Д. : Логос, 2011. 214 с.

71. *Яровой А.В.* Воинствующая стихия культуры. Агональное пространство русской культуры по материалам Задонья XIX – начала XX вв. Ростов н/Д. : Логос, 2006. 112 с.

72. *Коршиков Н.С*. Дворяне и графы Платовы. Ростов н/Д. : NB, 2004. 258 с.

73. *Королев В.Н.* О родословной Ханжонковых // Дар. 1997. № 6.

74. *Королев В.Н.* Алексей Андреевич Мартынов // Донская археология. 1998. № 1.

75. *Королев В.Н., Корягин С.В.* Мартыновы, Бобриковы и другие // Генеалогия и семейная история донского казачества. М., 1999. Вып. 5. С. 32–64.

76. *Королев В.Н., Корягин С.В., Шумков А.А.* // Генеалогия и семейная история донского казачества. СПб. : ВИРД, 1991. Вып. 2. 62 с.

77. *Безотосный В.М.* // Отечественная война 1812 года : энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2004.

78. *Корягин С.В.* Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 1–110. М., 1998–2016.

79. Земля в жизни донского казака: собрание историко-правовых актов 1704–1919 гг. / сост., отв. ред. Н.С. Коршиков. Ростов н/Д., 1998. 287 с.

80. *Агафонов А.И.* Казачья община на Дону. Структура, принципы формирования и развития (XVII – XVIII вв.) // Проблемы казачьего возрождения : сб. науч. ст. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1996. С. 3–12.

81. *Аляев М.В.* Аграрные отношения на Дону и их эволюция: 1861–1914 гг. : дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2005. 225 с.

82. *Герман О.Б.* Правовое положение казачества и крестьянства Юго-Востока Европейской России в 1861–1920 гг. Ростов н/Д., 2003. 575 с.

83. *Граждданов Ю.Д.* Государственная власть и казачество. Волгоград, 1999. 96 с.

84. *Дулимов Е.И.* Государство и казачество: проблемы взаимодействия. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2002. 336 с.

85. *Золотых В.В.* История судов на Дону. Ростов н/Д. : Донской изд. дом, 2004. 224 с.

86. *Маркедонов С.М.* Государевы слуги или бунтари-разрушители?: к вопросу о политических отношениях донского казачества и Российского государства // Консерватизм и традиционализм на Юге России : сб. Ростов н/Д., 2002. С. 130–160.

87. *Небратенко Г.Г.* История органов правопорядка Дона (досоветский период). Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2007. 231 с.

88. *Небратенко Г.Г.* Обычаи вольного казачества (XVI – начало XVIII в.). Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2009. 205 с.

89. *Чемякин Е.А.* Исторические традиции казачьего самоуправления в России: историко-правовой аспект. Волгоград : Издатель, 2002. 128 с.

90. Донские казаки в прошлом и настоящем / под общ. ред. Ю. Г. Волкова. Ростов н/Д. : ГинГо, 1998. 504 с.

91. *Агафонов А.И.* Демографически-структурные процессы и политическая система донского казачества в XVI – начале XVIII века // Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России. XXV Адлерские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар : Традиция, 2009. С. 8–12.

92. *Агафонов А.И.* Военно-политическая элита Войска Донского XVII – начала XX в. (Историко-демографические аспекты. Постановка проблемы) // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития. К 320-й годовщине служения Отечеству казачества Кубани. XXX Адлерские чтения : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. г. Адлер, 27–31 мая 2016 г. Адлер, 2016. С. 7–13.

93. *Таболина Т.В.* Государство и казаки: опыт взаимодействия. Ростов н/Д. : Изд-во Сев.-Кавк. академии гос. службы, 2001. 30 с.

94. *Таболина Т.В.* Казачество: формирование правового поля. Т. 1–2. М. : ИЭИА РАН, 2001. 414 с.

95. *Озеров А.А.* Политико-правовая институционализация современного казачества. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2006. 420 с.

96. *Кислицын С.А.* Феномен казачьей сословной квазигосударственности и его значение // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 4, ч. 1. С. 78–86.

97. *Скорик А.П.* Многоликость казачества юга России в 1930-е годы: очерки истории. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2008. 344 с.

98. *Замятина Н.Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88.

99. *Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И.* Теория фронтира и юг России в XVI – первой половине XVIII вв. // Вестн. Тамбовского госуниверситета. 2015. Т. 20, вып. 10. С. 7–15.

100. *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XIX в.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 8.

101. *Сень Д.В.* Фронтир в истории черноморского казачества: некоторые факторы освоения пространства // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4 (33). С. 50–51.

102. *Боук Б.* Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право : материалы научной конференции (г. Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). Краснодар, 2001. Подробнее о «фронтире»: Концепция «фронтира». URL: http://raelrulez.livejournal.com/583323.html (дата обращения: 10.08.2017).

103. *Бредихин А.В.* Фронтирная культура Донского края (социально-исторический аспект) // Культура: Управление, Экономика, Право. 2016. № 3. С. 13–17.

104. *Бредихин А.В., Пономаренко Б.Т.* Исторические корни российского казачества. Рецензия на издание А.А. Сазонова «История казачества» // Казачество. 2016. № 24 (31). С. 89–91.

105. *Бредихин А.В.* Этносоциальные контакты казаков юга России // Этносоциальные процессы: в поисках инновационной методологии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Майкоп, 28–29 ноября 2016 г. Майкоп, 2016. С. 34–35.

106. Казачество : энциклопедия / редкол.: А.П. Федотов, А. Г. Мартынов, В. И. Милованов [и др.]. М.: Инфра-М, 2003. 400 с.; переизд. М., 2008. 752 с.

107. Энциклопедия Кубанского казачества. Краснодар : Традиция, 2011. 504 с.

108. *Трут В.П., Курков Г.М.* Военная энциклопедия казачества. М. : Эксмо, Яуза, 2009. 704 с.

109. Казаки / сост. Б.А. Алмазов. М. : БММ, 2013. 287 с.

110. История российского казачества / сост. А.Н. Овсянников и Т. В. Ямпольская. М. : ЭКСМО, 2014. 576 с.

111. *Сизенко А.Г.* Казачество России: казачьи войска. Знаменитые атаманы. Уклад жизни. Ростов н/Д. : Владис, 2009. 432 с.

112. *Сизенко А.Г.* Полная история казачества России : популярная энциклопедия. Ростов н/Д. : Владис, 2009. 431 с.

113. *Сизенко А.Г.* Казаки и казачьи войска царской России. Ростов н/Д. : Владис, 2011. 446 с.

114. *Сухарев Ю.Ф.* Казачья память России. М. : Вече, 2013. 720 с.

115. *Воскобойников Г.Л.* Казачество в Первой мировой войне 1914–1918 гг. М. : Изд-во Российской киновидеокомпании, 1994. 174 с.

116. *Козлов А.И.* На историческом повороте. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1977. 214 с.

117. *Трут В.П.* Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов н/Д. : Гефест, 1998. 77 с.

118. *Футорянский Л.И.* Казачество России в огне Гражданской войны (1918–1920 гг.). Оренбург : ГОУ ОГУ, 2003. 473 с.

119. *Шишов А.В.* 100 великих казаков. М. : Вече, 2007. 480 с.

120. *Безотосный В.М.* Все сражения русской армии 1804–1814: Россия против Наполеона. М. : Эксмо, 2012. 135 с.

121. *Безотосный В.М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года: стратегия или геополитика. М. : Вече, 2012. 272 с.

122. *Безотосный В.М.* Внешнеполитический выбор России на геополитическом пространстве Европы в эпоху 1812 года // Отечественная история. 2008. № 2. С. 163–180.

123. *Безотосный В.М., Иткина Е.И.* Казаки в Париже в 1814 году. М. : Кучково поле, 2007. 112 с.

124. *Сапожников А.И.* Войско Донское в наполеоновских войнах: кампании 1805–1807 гг. СПб.; М. : ИРИ РАН, Альянс-Архео, 2008. 304 с.

125. *Сапожников А.И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. СПб.; М. : ИРИ РАН, Альянс-Архео, 2012. 848 с.

126. *Сапожников А.И.* Граф Матвей Иванович Платов. Опыт научной биографии : автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб. : ИРИ РАН, 1995. 191 с.

127. *Агафонов А.И.* Донские генералы в Военной галерее Зимнего дворца. Ростов н/Д. : ЮФУ, 2009. 388 с.

128. *Агафонов А.И.* Донское казачество в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Ростов н/Д. : ЮФУ, 2009. 320 с.

129. *Астапенко М.П.* Атаман Платов. Ростов н/Д. : Гефест, 2003. 319 с.

130. *Куц О.Ю.* Биографические сведения о донских атаманах, войсковых есаулах и войсковых дьяках второй трети XVII в. (1637–1667 гг.) // Вольная станица. URL: http://www.fstanitsa.ru/narod/biograficheskie-svedeniya-o-donskikh-atamanakh (дата обращения: 10.10.2017).

131. *Венков А.В.* Атаман Войска Донского Платов. М. : Вече, 2014. 500 с.

132. *Венков А.В.* Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. М. : Вече, 2013. 368 с.

133. *Калинин С.Е.* Донское казачье войско в 1812–1814 гг. (На правах рукописи). М., 2010.

134. *Кирсанов Е.И.* Донские казаки в Отечественной войне 1812 года. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/kirsanov/index.html (дата обращения: 15.05.2014).

135. *Агафонов А.И.* Политика российского правительства на Дону в конце XVIII – начале XX в. по отношению к неправославным этноконфессиональным группам населения // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (К 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого) : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2014. С. 18–28.

136. *Римский С.В.* Православная церковь и государство в XIX веке. Донская епархия от прошлого к настоящему. Ростов н/Д., 1998. 336 с.

137. *Сизенко А.Г.* Азов, Александровск-Грушевск, Нахичевань, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Таганрог, Донецкий округ, 1-й Донской округ, 2-й Донской округ. Церковный клир городских, станичных и хуторских церквей Войска Донского, XVIII в. – 1918 г. Ч. 1. Ростов н/Д., 2012. 315 с.

138. *Сизенко А.Г.* Ростовский округ, Сальский округ, Таганрогский округ, Усть-Медведицкий округ, Хоперский округ, Черкасский округ. Указатели. Церковный клир городских, станичных и хуторских церквей Войска Донского, XVIII в. – 1918 г. Ч. 2. Ростов н/Д., 2012. 313 с.

139. *Шадрина А.В.* Храмы Донской и Новочеркасской епархии (конец XVII века – 1920 г.) : справочник. Ростов н/Д. : Антей, 2014. 437 с.

140. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е гг. : сб. документов / Л.В. Табунщикова, А.В. Шадрина. Ростов н/Д., 2013. 504 с.

141. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год : сб. документов / А.В. Шадрина, Л.В. Табунщикова; отв. ред. А.В. Венков; науч. ред. Н.В. Киселева. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 417 с.

142. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы : сб. документов / Л.В. Табунщикова, А.В. Шадрина. Ростов н/Д. : Антей, 2015. 640 с.

143. *Табунщикова Л.В.* Количественный анализ открытия православных храмов и молитвенных домов на оккупированной территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60), ч. I. С. 172–174.

144. *Табунщикова Л.В.* Особенности церковной жизни на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60), ч. II.

145. *Горбачев Д.А.* Власть и Русская православная церковь на Дону 1917–1923 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2006. 19 с.

146. *Бирюкова Ю.А.* Советское государство и приходы Донской епархии в 20–30-е годы XX века (по документам Шахтинского административного округа) // Донской архив (историко-генеалогический альманах). Ростов н/Д., 2009. Вып. 5. С. 19–40.

147. *Агафонов А.И.* История Донского края (XVI – первая половина XIX в.) Ростов н/Д. : Приазовский край, 2001. 384 с.

148. *Агафонов А.И.* Диссертационное изучение истории Донского края в отечественной историографии (1991–2006 гг.) // Казачество юга России в процессах становления и развития Российской государственности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. ЮНЦ РАН. Урюпинск, 26–29 апреля 2007 г. Волгоград, 2007. С. 3–7.

149. *Агафонов А.И.* Диссертационное изучение государственно-правовых институтов и права в Области Войска Донского в новейшей отечественной историографии (1991–2007 гг.) // Суд, право и власть: сб. науч. ст. / Российская Академия правосудия. Ростовский филиал. Ростов н/Д. : Эверест, 2007. Вып. 3.

150. *Татарченко М.В.* Изучение государственно-правовых институтов и права донского казачества XVI – XVII вв. в новейшей российской историко-правовой науке (1991–2011 гг.) // Бизнес в законе. 2011. № 4. С. 33–39.

151. *Татарченко М.В.* Происхождение, государственно-правовые институты и право донского казачества XVI – XVII вв. в дореволюционной российской историко-правовой науке // Бизнес в законе. 2012. № 1. С. 47–52.

152. *Татарченко М.В.* Государственно-правовые институты и правовая природа донского казачества XVI – XIX вв. в отечественной историографии. Ростов н/Д., 2013. 226 с.

153. *Цечоев В.К.* Происхождение государства и права народов Дона и Северного Кавказа: Античность, средневековье : дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2004. 385 с.

154. *Небратенко Г.Г.* Обычное право протогосударственного общества (на примере донских казаков). Ростов н/Д. : РЮИ МВД России, 2016. 138 с.

155. *Небратенко Г.Г.* Преступление и наказание в обычном праве донских казаков. Ростов н/Д. : Ростовкнига, 2015. 199 с.

156. *Небратенко Г.Г.* Историко-правовое значение донского казачества в развитии Российского государства // Право Кавказской цивилизации: истоки, особенности, мировое значение (к 150-летию окончания Кавказской войны) : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. 21–23 мая 2015 г. Нальчик. Ростов н/Д., 2015. С. 143–146.

157. *Перетятько А.Ю.* Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX века. Ростов н/Д. : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. 235 с.

158. *Голуб П.А.* Правда и ложь о «расказачивании» казаков. М., 2009. 144 с.

159. *Кислицын С. А.* Государство и расказачивание, 1917−1945 гг. : учеб. пособие. Ростов н/Д., 1996. 80 с.

160. *Трут В.П.* Казачество России в период Октябрьской революции и на начальном этапе Гражданской войны : дис. … д-ра ист. наук. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2005. 602 с.

161. *Трут В.П.* Казачество России в трёх русских революциях. Saarbrucken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co., 2012. 468 с.

162. *Футорянский Л.И.* Проблемы казачества: расказачивание // Вестн. ОГУ. Гуманитарные науки. 2002. Вып. 2. С. 43–53.

163. *Шишов А.В., Венков А.В*. Белые генералы. Ростов н/Д. : Феникс, 1998. 416 с.

164. *Залесский К.А.* Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии : биогр. энцикл. словарь. М. : АСТ, 2003. С. 326–327.

165. *Смирнов А.А.* Атаман Краснов. М. : АСТ, 2003. 365 с.

166. *Крикунов П.К.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М. : Яуза; Эксмо, 2005. 608 с.

167. *Зверев С.В.* Генерал Краснов. Как стать генералом. Ростов н/Д. : Феникс, 2013. 220 с.

References

1. Futoryanskii L. I. *Kazachestvo Rossii na rubezhe vekov* [Cossacks of Russia at the Turn of the Century]. Orenburg: Dimur, 1997, 198 p.

2. Futoryanskii L.I. Istoriografiya kazachestva v XX – nachale XXI vv. [Historiography of the Cossacks in the XX - beginning of the XXI Century]. *Vestn. Orenburgskogo gos. un-ta*. 2012, No. 5 (141).

3. Matsievskii G.O. Istoriografiya sovremennogo kazachestva v kontse XX – nachale XXI vekov: osnovnye etapy i napravleniya [Historiography of the Modern Cossacks at the End of the XX - Beginning of the XXI Century: the Main Stages and Directions]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem.* 2014, No. 11 (43), pp. 233-254.

4. Tabolina T.V. *Kazaki: drama vozrozhdeniya. 1980–1990-e gody* [Cossacks: the Drama of Rebirth. 1980-1990s]. Moscow, 1999, 152 p.

5. Markedonov S.M. [The Main Question of Cossacks Studies: Russian Historiography in Search of "Ancient" Cossacks]. *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati* [Empire and nation in the mirror of historical memory]. Col. art. Moscow: Novoe izd-vo i zhurn. Ab Imperio, 2011, pp. 224-264.

6. Erokhin I.Yu. Tendentsii i perspektivy istoricheskikh issledovanii po probleme kazachestva [Trends and Prospects of Historical Research on the Problem of Cossacks]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii.* 2013, No. 11 (31). Available at: http:// web. snauka.ru/issues/2013/11/28501 (accessed 20.10.2017).

7. Sogrin V.V. Dvadtsat' let rossiiskoi transformatsii. 1985–2005 gg.: Peripetii istoriograficheskogo plyuralizma [Twenty Years of Russian Transformation. 1985-2005: Peripetias of Historiographic Pluralism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2005, No. 1, pp. 20-34.

8. Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX – XXI vv. Sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of XX - XXI Centuries. Social Theories and Historiography]. Moscow: Krug", 2011, pp. 9-24.

9. Stepanov T.G. Osnovnye tendentsii razvitiya postsovetskoi istoricheskoi nauki (1990-e – nachalo 2000-kh godov) [The Main Trends in the Development of Post-Soviet Historical Science (1990 - early 2000s)]. *Vestn. Tambovskogo un-ta. Gumanitarnye nauki*. 2009, Iss. 3 (71), pp. 243-249.

10. Bordyugov G.A., Kozlov V.A. *Istoriya i kon"yunktura* [History and Conjuncture]. Moscow: Politizdat, 1992, 352 p.

11. Logunov A.P. [The Crisis of Historical Science or Science in the Conditions of the Crisis: The Domestic Historiography of the Second Half of the 80's - Early 90's]. *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet historiography]. Moscow: Ros. gos. gum. un-t, 1996, pp. 447-487.

12. Beriashvili V.T. Otechestvennaya istoricheskaya nauka v kontse XX – nachale XXI vekov: poiski novykh metodov issledovaniya [Domestic Historical Science at the End of the XX - Beginning of the XXI Century: the Search for New Methods of Research]. *Vestn. Pskovskogo gos. un-ta. Sotsial'no-gumanitarnye nauki.* 2008, pp. 45-55.

13. Sakharov A.N. *Rossiya. Narod. Praviteli. Tsivilizatsiya* [Russia, People, Rulers, Civilization]. Moscow: IRI RAN, 2004, 960 p.

14. Maul' V.Ya. Russkii bunt kak forma kul'turnoi identifikatsii perekhodnoi epokhi [Russian Rebellion as a Form of Cultural Identification of a Transitional Era]. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta.* 2005, pp. 144-157.

15. Maul' V.Ya. Obraz Emel'yana Pugacheva na stranitsakh knig v serii ZhZL: v zerkale sravnenii [The Image of Emelian Pugachev on the Pages of Books in the Series Life of Prominent People: in the Mirror of Comparison]. *Novyi istoricheskii vestn.* 2016, No. 2 (48), pp. 180-198.

16. Samarin V.V. *Sergei Mironenko, ili Lozh' direktora Gosarkhiva* [Sergei Mironenko, or Lies of Director of the State Archives]. Available at: http://compromatwiki.org; http://niramas.livejournal.com/34426.html; http://niramas.livejournal.com/34133.html (accessed 01.09.2017).

17. Ippolitov G.M. O novykh podkhodakh k osveshcheniyu sovetskogo perioda Rossiiskoi istorii (na primere Grazhdanskoi voiny v Rossii) [On New Approaches to the Coverage of the Soviet Period of Russian History (on the Example of the Civil War in Russia)]. *Izv. Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2011, vol. 13, No. 3, pp. 222-228.

18. Shishov A.V., Venkov A.V. *Belye generaly.* [White Generals]. Rostov-on-Don: Feniks, 1998, 365 p.

19. Mal'tsev V. *Kazachestvo Rossii – vsadnik bez golovy* [Cossacks of Russia - a Headless Rider]. Available at: http://icfsp.ru/strategicheskie-novosti/kazachestvo-rossii-vsadnik-bez-golovy/ (accessed 15.10.2017).

20. Bugai N.F. *Kazachestvo Rossii: ottorzhenie, priznanie, vozrozhdenie (1917 – 90-e gody)* [Cossacks of Russia: Rejection, Recognition, Revival (1917 - 90s)]. Moscow; Mozhaisk: Terra, 2000, 96 p.

21. Kozlov A.I., Kozlov A.A. Ryazhenye. Vozrozhdenie kazachestva: mify i real'nost' [Costumed. Revival of the Cossacks: Myths and Reality]. *Rodina*. 2004, No. 11, pp. 11-14.

22. Sarkisyan G. Zapiski «ekstremista» [Notes of an "Extremist"]. Available at: https://g-sarkisyan.livejournal.com/1126603.html (accessed 15.11.2017).

23. Volodin A. Sovremennoe kazachestvo Rossii: «ryazhenaya sotnya» ili opora dlya naroda [The Modern Cossacks of Russia: the "Costumed Hundred" or the Support for the People]. *Voennoe obozrenie*. Available at: https://topwar.ru/24386-sovremennoe-kazachestvo-rossii (accessed 15.11.2017).

24. Kuznetsova T. *Rossiyu spasut kazaki? Verkhovnyi ataman – o druzhinakh, sluzhbe Rodine i ryazhenykh* [Russia will be Saved by the Cossacks? The Supreme Ataman - about the Squads, Service to the Motherland and Costumed]. *AIF*. 2012, No. 45 (1670), Nov. 7–13, p. 11.

25. Bugai N.F. *Kazaki Yuga Rossii: konstitutivnost', evolyutsiya, sovremennost' (XX – XXI vv.). Istoricheskii ekskurs* [Cossacks of the South of Russia: Constitutiveness, Evolution, Modernity (XX - XXI centuries). Historical Digression]. Moscow: In-t ros. istorii RAN, 2015, 276 p.

26. Sukhorukov V.D. *Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo* [The Historical Description of the Land of the Don Army]. Rostov-on-Don: GinGo, 2001, 514 p.

27. Savel'ev E.P. *Istoriya Dona i donskogo kazachestva* [History of Don and Don Cossacks]. Ch. 1-3. Novocherkassk, 1918.

28. Sakharov P. *Proiskhozhdenie vol'nogo donskogo kazachestva i pervye sluzhby dontsov Rossii* [The Origin of the Free Don Cossacks and the First Services of the Don of Russia]. Novocherkassk, 1914, 76 p.

29. Sakharov P.P. *Proiskhozhdenie donskogo kazachestva* [The Origin of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, 1914, 132 p.

30. Rigel'man A.I. *Istoriya ili povestvovanie o donskikh kazakakh, otkol' i kogda oni nachalo svoe imeyut, i v kakoe vremya i iz kakikh lyudei na Donu poselilis', kakie ikh byli dela i chem proslavilis' i proch* [The History or Narration about the Don Cossacks, Where and When they Started, and at What Time and from Which People on the Don Settled, What their Affairs were and how They Became Famous and so on]. Moscow: Universitetskaya tip., 1846, 159 p.; repub. Rostov-on-Don: Kn. izd-vo, 1992, 1996, 224 p.

31. Svatikov S.G. *Rossiya i Don* [Russia and Don]. Izd. Donskoi istoricheskoi komissii. Belgrad, 1924, 600 p.; repub. Moscow, 2017.

32. Bykadorov I.F. *Ocherk uchastiya Donskogo voiska v Otechestvennoi voine 1812 g. i zagranichnykh pokhodakh 1813–1814 gg* [Essay on the Participation of the Don Troops in the Patriotic War of 1812 and Foreign Campaigns of 1813-1814]. Novocherkassk: Izd. Donskogo dvoryanstva, 1911, 169 p.

33. Bykadorov I.F. *Kazaki v Otechestvennoi voine 1812 goda* [Cossacks in Patriotic War of 1812]. Moscow: Yauza-Eksmo, 2008, 256 p.

34. Kersnovskii A.A. *Istoriya Russkoi Armii* [History of Russian Army]. Vol. 1-4. Belgrad, 1933-1938; repub. Moscow:Golos, 2014.

35. Krasnov P.N. *Atamanskaya pamyatka. Kratkii ocherk istorii Leib-Gvardii Atamanskogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarya Naslednika Tsesarevicha polka. 1775–1900* [Ataman's Memo. A Short Essay of the History of the Lifeguard of His Imperial Highness Ataman His Majesty the Heir of the Tsarevich Regiment 1775-1900]. Saint Petersburg, 1900, 270 p.; repub. Saint Petersburg, 1996; Rostov-on-Don: Rostizdat, 2005, 192 p.

36. (Krasnov Petr). *Istoriya donskogo kazachestva. Ocherki istorii Voiska Donskogo* [(Krasnov Petr). History of the Don Cossacks. Essays on the history of the Don Army]. Moscow: Eksmo, 2006, 287 p.; Moscow: Veche, 2007, 576 p.

37. Auski S.A. *Kazaki. Osoboe soslovie. Dokumenty. Karty. Fotografii. Neva*. [The Cossacks. Special Class. Documentation. Maps. Photo. Neva]. Saint Petersburg: Olma-Press, 2002, 448 p.

38. Kappeler A. *Kazachestvo. Istoriya i legendy* [Cossacks. History and Legends]. Tr. from Germ. N.A. Mininkov. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2014, 104 p.

39. *Kazachii slovar'-spravochnik* [Cossacks' Dictionary]. Com. G.V. Gubarev, ed. by A.I. Skrylov. Vol. 1-3. Clevelend, Ohio; San-Anselmo, California, USA, 1966-1970.

40. Gordeev A.A. *Istoriya kazachestva* [History of Cossacks]. Repub. Moscow: Veche, 2006, 640 p.

41. Ratushnyak V.N. Problemy istorii kazachestva na nauchnykh konferentsiyakh Kubani [Problems of the History of the Cossacks at the Kuban Scientific Conferences]. *Golos minuvshego. Kubanskii istoricheskii zhurn.* 2007, No. 1-2, pp. 169-176.

42. Agafonov A.I. [Cossacks of the Russian Empire: Some Theoretical and Methodological Problems of Studies]. *Problemy istorii kazachestva XVI – XX vv.* [Problems of the History of the Cossacks of the XVI - XX Centuries]. Proceedings of III All-Union. sci. conf. on the history of the Cossacks. Nalchik, April 5–8, 1990. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1995, pp. 6-16.

43. Kislitsyn S.A. *Ukaz i shashka (politicheskaya vlast' i donskie kazaki v XX v.)* [The Decree and the Saber (Political Power and the Don Cossacks in the Twentieth

Century)]. Rostov-on-Don: DYuI, 2007, 415 p.; ed. 2th cor., com. Moscow: Lenand, 2015, 360 p.

44. Kozlov A.I. [On the Essence of the Revival of the Cossacks]. *Kazachestvo Yuga Rossii v protsessakh stanovleniya i razvitiya rossiiskoi gosudarstvennosti* [Cossacks of the South of Russia in the Processes of Formation and Development of the Russian Statehood]. Volgograd, 2007, pp. 46-52.

45. Kozlov A.I. [Cossacks - a Nation, Class?]. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennost'* [Revival of the Cossacks: History and Modernity]. Col. art. All Russ. (Intern.) scientific conf.: ed. 2th, corr. and com. Novocherkassk, 1995.

46. Kozlov A.I. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennost' (evolyutsiya, politika, teoriya)* [The Revival of the Cossacks: History and Modernity (Evolution, Politics, Theory)]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1996, 248 p.

47. Markedonov S.M. Rossiiskaya tsivilizatsiya. Kazachestvo: edinstvo ili mnogoobrazie? (Problemy terminologii i tipologizatsii kazach'ikh soobshchestv) [Russian Civilization. Cossacks: Unity or Diversity? (Problems of Terminology and Typology of Cossack Communities)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2005, No. 1, pp. 95-108.

48. Perekhov Ya.A. *Vlast' i kazachestvo* [Power and Cossacks]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1996, 137 p.

49. Trut V.P. *Kazachestvo: proiskhozhdenie, sushchnost', realii, perspektivy* [Cossacks: Origin, Essence, Realities, Perspectives]. Rostov-on-Don, 1998, 31 p.

50. Skorik A.P., Ozerov A.A. *Etnosotsial'nyi adres dontsov* [The Ethnosocial Address of the Don People]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTs VSh, 2005, 232 p.

51. Rvacheva O.V. Dvizhenie za vozrozhdenie kazachestva na yuge Rossii v nachale 1990-kh gg.: organizatsionnye formy, idei i uchastniki protsessa [Movement for the Revival of the Cossacks in Southern Russia in the Early 1990s: Organizational Forms, Ideas and Actors of the Process]. *Vestn. VolGu. Seriya 4 : Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016, vol. 21, No. 4, pp. 124-134.

52. Lukichev P. N., Skorik A. P. [Cossacks: Historical and Psychological Portrait]. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennost'* [Revival of the Cossacks: History and Modernity] Proceedings of All Russian (Intern.) scientific conf. Novocherkassk, 1994, pp. 31-55.

53. *Kazachii Don: ocherki istorii* [Cossack Don: Essays of History]. Ch. I / A. P. Skorik, R. G. Tikidzh'yan [and oth.]. Rostov-on-Don: Izd-vo OblIUU, 1995, 192 p.

54. *Kazachii Don: ocherki istorii* [Cossack Don: Essays of History]. Ch. II / A. P. Skorik, R. G. Tikidzh'yan [and oth.]. Rostov-on-Don: Izd-vo OblIUU, 1995, 208 p.

55. Tabolina T.V. [Cossacks at the Turn of the Century: Problems and Opportunities]. *Issledovaniya po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* [Studies on Applied and Urgent Ethnology]. Moscow: In-t etnologii i antropologii RAN, 1997, 33 p.

56. Nikitin V. *Kazachestvo. Natsiya ili soslovie?* [Cossacks. Nation or Class?]. Moscow: Yauza, 2007, 640 p.

57. Markedonov S.M. [Cossacks of the South of Russia: the Problem of Formation]. *Rossiya. Politicheskie vyzovy XXI veka* [Russia. Political Challenges of the XXI Century]. Moscow: ROSSPEN, 2002, pp. 379-383.

58. Kislitsyn S.A., Kozlov A.I., Kozlov A.A., Popova N.A. *Vlast' na Donu. Istoricheskie ocherki. Ot pervogo atamana do pervogo gubernatora* [Power on the Don. Historical Essays. From the First Ataman to the First Governor]. Rostov-on-Don: Rostizdat, 2000, 127 p.

59. Tabolina T.V. *Vozrozhdenie kazachestva: 1989–1994: Istoki. Khronika. Perspektivy* [Revival of the Cossacks: 1989-1994: Origins. The Chronicle. Prospects]. Vol. 1. Moscow, 1994, 526 p.

60. Agafonov A.I. [Land Relations on the Don as a Direction of the Military Culture of the Cossacks and their State Regulation in the Second Half of the XIX Century]. *Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov yuga Rossii* [War and Military Traditions in the Cultures of the Peoples of the South of Russia]. V Tokarev Reading: proceedings of all Russian scientific-practic. conf. May 6-7, 2016. Rostov-on-Don, 2016, pp. 130-135.

61. Vlaskina T.Yu. Donskie bylichki o povitukhakh [Don's Stories about Midwives]. *Zhivaya starina*. 1998, No. 2, pp. 15-17.

62. Vlaskina T.Yu. «Babina kasha» v stanitse Razdorskoi ["Granny's Porridge" in the Village of Razdorskaya]. *Zhivaya starina.* 1998, No. 3, p. 47.

63. Korolev V.N. Byli li kazaki sosloviem? [Were the Cossacks a Class?]. *Golos kazaka.* 1993. No. 1, pp. 8-9.

64. Korolev V.N. [The Origin of the Don Cossacks: the Don Cossacks and the Slavs]. *Vozniknovenie kazachestva i stanovlenie kazach'ei kul'tury* [The Emergence of Cossacks and the Formation of Cossack Culture]. Proceedings of scientific-practical. conf. Rostov-on-Don, October 15-16, 1999. Rostov-on-Don, 1999, pp. 3-12.

65. Korolev V.N. [Fried Crawfish and Salted Grapes. To the History of the Don Cuisine]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2001 godu* [Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2001]. Azov: Azovskii kraevedcheskii muzei, 2002, Iss. 18, pp. 398-418.

66. Protsenko B.N. *Dukhovnaya kul'tura donskikh kazakov. Zagovory, oberegi, narodnaya meditsina, pover'ya, primety* [Spiritual Culture of Don Cossacks. Conspiracies, Amulets, Folk Medicine, Beliefs, Signs]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1998, 244 p.

67. Rudichenko T.S. *Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitii* [Don Cossack Song in Historical Development]. Rostov-on-Don: RGK imeni S.V. Rakhmaninova, 2004, 512 p.

68. Ryblova M.A. *Donskoe bratstvo: kazach'i soobshchestva na Donu v XVI – pervoi treti XVIII veka* [Don Brotherhood: the Cossack Communities on the Don in the XVI - the First Third of the XVIII Century]. Volgograd, 2006, 542 p.

69. Ryblova M.A. *Traditsionnye poseleniya i zhilishcha donskikh kazakov.* Volgograd [Traditional Settlements and Houses of Don Cossacks]. Volgograd, 2003, 240 p.

70. Yarovoi A.V. *Voinskaya kul'tura kazachestva: simvolicheskoe prostranstvo i ritual* [Cossack Military Culture: Symbolic Space and Ritual]. Rostov-on-Don: Logos, 2011, 214 p.

71. Yarovoi A.V. *Voinstvuyushchaya stikhiya kul'tury. Agonal'noe prostranstvo russkoi kul'tury po materialam Zadon'ya XIX – nachala XX vv* [Militant Element of Culture. The Agonal Space of Russian Culture Based on the Materials of the Don Region XIX - Early XX Centuries]. Rostov-on-Don: Logos, 2006, 112 p.

72. Korshikov N.S. *Dvoryane i grafy Platovy* [Nobles and the Counts Platovs]. Rostov-on-Don: NB, 2004, 258 p.

73. Korolev V.N. O rodoslovnoi Khanzhonkovykh [About the Pedigree of Khanzhonkovs]. *Dar*. 1997, No. 6.

74. Korolev V.N. Aleksei Andreevich Martynov [Alexey Andreevich Martynov]. *Donskaya arkheologiya.* 1998, No. 1.

75. Korolev V.N., Koryagin S.V. [The Martynovs, the Bobrikovs and Others]. *Genealogy and Family History of the Don Cossacks*. [Genealogy and Family History of the Don Cossacks]. Moscow, 1999, Iss. 5, pp. 32-64.

76. Korolev V.N., Koryagin S.V., Shumkov A.A. *Genealogiya i semeinaya istoriya donskogo kazachestva* [Genealogy and Family History of the Don Cossacks]. Moscow, 1999, Iss. 2, 62 p.

77. Bezotosnyi V.M. *Otechestvennaya voina 1812 goda* [The Patriotic War of 1812]. Encyclopedia. Moscow: ROSSPEN, 2004.

78. Koryagin S.V. *Genealogiya i semeinaya istoriya donskogo kazachestva* [Genealogy and Family History of Don Cossacks]. Iss. 1-110. Moscow, 1998-2016.

79. *Zemlya v zhizni donskogo kazaka: sobranie istoriko-pravovykh aktov 1704–1919 gg*. [Land in the Life of the Don Cossack: a Collection of Historical and Legal Acts of 1704-1919]. Col., ed. by N.S. Korshikov. Rostov-on-Don, 1998, 287 p.

80. Agafonov A.I. [Cossack Community on the Don. Structure, Principles of Formation and Development (XVII - XVIII centuries)]. *Problemy kazach'ego vozrozhdeniya* [Problems of the Cossack Revival]. Col. sc. art. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1996, pp. 3-12.

81. Alyaev M.V. *Agrarnye otnosheniya na Donu i ikh evolyutsiya: 1861–1914* gg. : dis. … kand. ist. nauk [Agrarian Relations on the Don and their Evolution: 1861-1914]. Volgograd, 2005, 225 p.

82. German O.B. *Pravovoe polozhenie kazachestva i krest'yanstva Yugo-Vostoka Evropeiskoi Rossii v 1861–1920 gg* [The Legal Status of the Cossacks and the Peasantry of the Southeast of European Russia in 1861-1920]. Rostov-on-Don, 2003, 575 p.

83. Grazhdanov Yu.D. *Gosudarstvennaya vlast' i kazachestvo* [State Power and the Cossacks]. Volgograd, 1999, 96 p.

84. Dulimov E.I. *Gosudarstvo i kazachestvo: problemy vzaimodeistviya* [State and Cossacks: the Problems of Interaction]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 2002, 336 p.

85. Zolotykh V.V. *Istoriya sudov na Donu* [History of Courts on Don]. Rostov-on-Don: Donskoi izdatel'skii dom, 2004, 224 p.

86. Markedonov S.M. [Tzar's Servants or Rebel-destroyers ?: To the Question of the Political Relations of the Don Cossacks and the Russian State]. *Konservatizm i traditsionalizm na Yuge Rossii* [Conservatism and Traditionalism in the South of Russia]. Col. Rostov-on-Don, 2002, pp. 130-160.

87. Nebratenko G.G. *Istoriya organov pravoporyadka Dona (dosovetskii period)* [The History of the Law Enforcement Bodies of the Don (Pre-Soviet Period)]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2007, 231 p.

88. Nebratenko G.G. *Obychai vol'nogo kazachestva (XVI – nachalo XVIII v.)* [The Customs of the Free Cossacks (XVI - the beginning of the XVIII century)]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2009, 205 p.

89. Chemyakin E.A. *Istoricheskie traditsii kazach'ego samoupravleniya v Rossii: istoriko-pravovoi aspekt* [Historical Traditions of Cossack Self-government in Russia: the Historical and Legal Aspect]. Volgograd: Izdatel', 2002, 128 p.

90. *Donskie kazaki v proshlom i nastoyashchem* [Don Cossacks in the Past and Present]. Ed. by Yu. G. Volkov. Rostov-on-Don: GinGo, 1998, 504 p.

91. Agafonov A.I. [Demographic-structural Processes and the Political System of the Don Cossacks in the XVI - the Beginning of the XVII Century]. *Problemy stanovleniya pravovogo gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v Rossii* [Problems of the Formation of the Rule of Law and Civil Society in Russia]. XXV Adler Readings. Materials All Russian scientific-practical conf. Krasnodar: Traditsiya, 2009, pp. 8-12.

92. Agafonov A.I. [The Military-Political Elite of the Don Civic Army - Early 20th Century (Historical and Demographic Aspects. Problem Statement)]. *Rossiiskoe kazachestvo: problemy istorii, vozrozhdeniya i perspektivy*

razvitiya. K 320-i godovshchine sluzheniya Otechestvu kazachestva Kubani. XXX Adlerskie chteniya [Russian Cossacks: Problems of History, Revival and Development Prospects. To the 320th Anniversary of the Service to the Fatherland of the Cossacks of the Kuban]. XXX Adler Readings. Col. art. Intern. scientific-practical conf. Adler, May 27-31, 2016. Adler, 2016, pp. 7-13.

93. Tabolina T.V. *Gosudarstvo i kazaki: opyt vzaimodeistviya* [State and Cossacks: Experience of Interaction]. Rostov-on-Don: Izd-vo Sevk.-Kavk. akademii gos. sluzhby, 2001, 30 p.

94. Tabolina T.V. *Kazachestvo: formirovanie pravovogo polya* [Cossacks: the Formation of the Legal Field]. Vol. 1-2. Moscow: IEIA RAN, 2001, 414 p.

95. Ozerov A.A. *Politiko-pravovaya institutsionalizatsiya sovremennogo kazachestva* [Political and Legal Institutionalization of Modern Cossacks]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 2006, 420 p.

96. Kislitsyn S.A. Fenomen kazach'ei soslovnoi kvazigosudarstvennosti i ego znachenie [The Phenomenon of Cossack Class Quasi-statehood and its Significance]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2016, vol. 8, No. 4, pp. 78-86.

97. Skorik A.P. *Mnogolikost' kazachestva yuga Rossii v 1930-e gody: ocherki istorii* [Many-Facedness of the Cossacks of the South of Russia in the 1930s: Essays of History]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTs VSh, 2008, 344 p.

98. Zamyatina N.Yu. Zona osvoeniya (frontir) i ee obraz v amerikanskoi i russkoi kul'turakh [Zone of Development (Frontier) and its Image in American and Russian Cultures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1998, No. 5, pp. 75-88.

99. Mizis Yu.A., Skobelkin O.V., Papkov A.I. Teoriya frontira i yug Rossii v XVI – pervoi polovine XVIII vv. [Theory of the Frontier and the South of Russia in the XVI - the First Half of the 16th Century]. *Vestn. Tambovskogo gosuniversiteta.* 2015, vol. 20, Iss.10, pp. 7-15.

100. Sen' D.V. *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnosheniyakh s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ya (vtoraya polovina XVII v. – nachalo XIX v.) : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The Cossacks of the Don and the North-Western Caucasus in their Relations with the Muslim States of the Black Sea Region (Second Half of the 17th Century - the Beginning of the 19th Century]. Rostov-on-Don, 2009, p. 8.

101. Sen' D.V. Frontir v istorii chernomorskogo kazachestva: nekotorye faktory osvoeniya prostranstva [Frontier in the History of the Black Sea Cossacks: Some Factors in the Development of Space]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii.* 2009, No. 4 (33), pp. 50-51.

102. Bouk B. [Frontier or Borderland? The Role of Uncertain Borders in the History of the Don Cossacks]. *Sotsial'naya organizatsiya i obychnoe pravo* [Social Organization and Customary Law]. Proceedings of a Scientific Conference (Krasnodar, August 24-26, 2000). Krasnodar, 2001. More about the "Frontier": The Concept of "Frontier". Available at: http://raelrulez.livejournal.com/583323.html (accessed 10.08.2017).

103. Bredikhin A.V. Frontirnaya kul'tura Donskogo kraya (sotsial'no-istoricheskii aspekt) [Frontal Culture of the Don Region (Socio-historical Aspect)]. *Kul'tura: Upravlenie, Ekonomika, Pravo*. 2016, No. 3, pp. 13-17.

104. Bredikhin A.V., Ponomarenko B.T. Istoricheskie korni rossiiskogo kazachestva. Retsenziya na izdanie A.A. Sazonova «Istoriya kazachestva» [The Historical Roots of the Russian Cossacks. Review of the Publication A.A. Sazonov "History of the Cossacks"]. *Kazachestvo.* 2016, No. 24 (31), pp. 89-91.

105. Bredikhin A.V. [Ethnosocial Contacts of the Cossacks of the South of Russia] *Etnosotsial'nye protsessy: v poiskakh innovatsionnoi metodologii* [Ethnosocial Processes: in Search of Innovative Methodology]. Materials of the Intern. scientific-practical conf. Maikop, November 28–29, 2016. Maikop, 2016, pp. 34-35.

106. *Kazachestvo* [Cossacks]. Encyclopedia. Ed. by A.P. Fedotov, A.G. Martynov, V.I. Milovanov [and others]. Moscow: Infra-M, 2003, 400 p.; repub. Moscow, 2008, 752 p.

107. *Entsiklopediya Kubanskogo kazachestva* [Encyclopedia of Kuban Cossacks]. Krasnodar: Traditsiya, 2011, 504 p.

108. Trut V.P., Kurkov G.M. *Voennaya entsiklopediya kazachestva* [Military Encyclopedia of Cossacks]. Moscow: Eksmo, Yauza, 2009, 704 p.

109. *Kazaki* [Cossacks]. Col. B.A. Almazov. Moscow: BMM, 2013, 287 p.

110. *Istoriya rossiiskogo kazachestva* [History of Rusian Cossacks]. Col. A.N. Ovsyannikov and T.V. Yampol'skaya. Moscow: EKSMO, 2014, 576 p.

111. Sizenko A.G. *Kazachestvo Rossii: kazach'i voiska. Znamenitye atamany. Uklad zhizni* [Cossacks of Russia: Cossack Troops. Famous Atamans. Way of Life]. Rostov-on-Don: Vladis, 2009, 432 p.

112. Sizenko A.G. *Polnaya istoriya kazachestva Rossii* [The Complete History of the Cossacks of Russia]. Popular Encyclopedia. Rostov-on-Don: Vladis, 2009, 431 p.

113. Sizenko A.G. *Kazaki i kazach'i voiska tsarskoi Rossii* [Cossacks and Cossack Troops of Tsarist Russia]. Rostov-on-Don: Vladis, 2011, 446 p.

114. Sukharev Yu.F. *Kazach'ya pamyat' Rossii* [Cossacks' Memory of Russia]. Moscow: Veche, 2013, 720 p.

115. Voskoboinikov G.L. *Kazachestvo v Pervoi mirovoi voine 1914–1918* [Cossacks in the First World War 1914-1918]. Moscow: Izd-vo Rossiiskoi kinovideokompanii, 1994, 174 p.

116. Kozlov A.I. *Na istoricheskom povorote* [On the Historical Turning Point]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1977, 214 p.

117. Trut V.P. *Kazachestvo Rossii v period Pervoi mirovoi voiny* [Cossacks of Russia in the Period of the First World War]. Rostov-on-Don: Gefest, 1998, 77 p.

118. Futoryanskii L.I. *Kazachestvo Rossii v ogne Grazhdanskoi voiny (1918–1920)* [Russian Cossacks in the Fire of the Civil War (1918-1920)]. Orenburg: GOU OGU, 2003, 473 p.

119. Shishov A.V. *100 velikikh kazakov* [100 Great Cossacks]. Moscow: Veche, 2007, 480 p.

120. Bezotosnyi V.M. *Vse srazheniya russkoi armii 1804–1814: Rossiya protiv Napoleona* [All the Battles of the Russian Army 1804-1814: Russia Against Napoleon]. Moscow: Eksmo, 2012, 135 p.

121. Bezotosnyi V.M. *Rossiya i Evropa v epokhu 1812 goda: strategiya ili geopolitika* [Russia and Europe in the Era of 1812: Strategy or Geopolitics]. Moscow: Veche, 2012, 272 p.

122. Bezotosnyi V.M. Vneshnepoliticheskii vybor Rossii na geopoliticheskom prostranstve Evropy v epokhu 1812 goda [Russia's Foreign Policy Choice in the Geopolitical Space of Europe in the Era of 1812]. *Otechestvennaya istoriya.* 2008, No. 2, pp. 163-180.

123. Bezotosnyi V.M., Itkina E.I. *Kazaki v Parizhe v 1814 godu* [Cossacks in Paris in 1814]. Moscow: Kuchkovo pole, 2007, 112 p.

124. Sapozhnikov A.I. *Voisko Donskoe v napoleonovskikh voinakh: kampanii 1805–1807 gg* [The Don Army in the Napoleonic Wars: Campaigns 1805-1807]. Saint Petersburg; Moscow: IRI RAN, Al'yans-Arkheo, 2008, 304 p.

125. Sapozhnikov A.I. *Voisko Donskoe v Otechestvennoi voine 1812 goda* [The Don Army in the Patriotic War of 1812]. Saint Petersburg; Moscow: IRI RAN, Al'yans-Arkheo, 2012, 848 p.

126. Sapozhnikov A.I. *Graf Matvei Ivanovich Platov. Opyt nauchnoi biografii : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Count Matvey Ivanovich Platov. Experience of Scientific Biography]. Saint Petersburg: IRI RAN, 1995, 191 p.

127. Agafonov A.I. *Donskie generaly v Voennoi galeree Zimnego dvortsa* [Don Generals in the Military Gallery of the Winter Palace]. Rostov-on-Don: YuFU, 2009, 388 p.

128. Agafonov A.I. *Donskoe kazachestvo v Otechestvennoi voine 1812 goda i zagranichnykh pokhodakh russkoi armii 1813–1814 gg* [The Don Cossacks in the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian Army 1813-1814]. Rostov-on-Don: YuFU, 2009, 320 p.

129. Astapenko M.P. *Ataman Platov* [Ataman Platov]. Rostov-on-Don: Gefest, 2003, 319 p.

130. Kuts O.Yu. [Biographical Information About the Don Atamans, Military Esaul and the Military Clerks of the Second Third of the XVII (1637-1667)]. *Vol'naya stanitsa* [Free Stanitsa]. Available at: http://www.fstanitsa.ru/narod/biograficheskie-svedeniya-o-donskikh-atamanakh (accessed 10.10.2017).

131. Venkov A.V. *Ataman Voiska Donskogo Platov* [Ataman of the Don Cossacks Platov]. Moscow: Veche, 2014, 500 p.

132. Venkov A.V. *Kazaki protiv Napoleona. Ot Dona do Parizha* [Cossacks against Napoleon. From the Don to Paris]. Moscow: Veche, 2013, 368 p.

133. Kalinin S.E. *Donskoe kazach'e voisko v 1812–1814 gg.* [The Don Cossack Army in 1812-1814]. (As a manuscript). Moscow, 2010.

134. Kirsanov E.I. *Donskie kazaki v Otechestvennoi voine 1812 goda* [Don Cossacks in the Patriotic War of 1812]. Available at: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/kirsanov/index.html (accessed 15.05.2014).

135. Agafonov A.I. [The Policy of the Russian Government on the Don at the End of the XVIIII - the Beginning of the 20th Century in Relation to Non-Orthodox Ethnoconfessional Groups of the Population]. *Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshteina i aktual'nye problemy razvitiya istoricheskoi nauki (K 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo uchenogo)* [The Scientific Heritage of Professor A.P. Pronshtein and Actual Problems of the Development of Historical Science (on the 95th Anniversary of the Birth of an Outstanding Russian Scientist)]. Proceedings of all-Russian (with international participation) scientific-practical conf. Rostov-on-Don, 2014, pp. 18-28.

136. Rimskii S.V. *Pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo v XIX veke. Donskaya eparkhiya ot proshlogo k nastoyashchemu* [Orthodox Church and State in the Twentieth Century. The Don Diocese from the Past to the Present]. Rostov-on-Don, 1998, 336 p.

137. Sizenko A. G. *Azov, Aleksandrovsk-Grushevsk, Nakhichevan', Novocherkassk, Rostov-na-Donu, Taganrog, Donetskii okrug, 1-i Donskoi okrug, 2-i Donskoi okrug. Tserkovnyi klir gorodskikh, stanichnykh i khutorskikh tserkvei Voiska Donskogo, XVIII v. – 1918 g* [Azov, Aleksandrovsk-Grushevsk, Nakhichevan, Novocherkassk, Rostov-on-Don, Taganrog, Donetsk District, 1st Don District, 2nd Don District. Church Clergy of Urban, Stanitsa and Farmstead Churches of the Don Army, the XVIII Century. - 1918]. Ch. 1. Rostov-on-Don, 2012, 315 p.

138. Sizenko A.G. *Rostovskii okrug, Sal'skii okrug, Taganrogskii okrug, Ust'-Medveditskii okrug, Khoperskii okrug, Cherkasskii okrug. Ukazateli. Tserkovnyi klir gorodskikh, stanichnykh i khutorskikh tserkvei Voiska Donskogo, XVIII v. – 1918 g* [Rostov District, Salsk District, Taganrog District, Ust-Medveditsky District, Khopersky District, Cherkassk District. Pointers. Church Clergy of Urban, Stanitsa and Farmstead Churches of the

Don Army, the XVIII Century. - 1918]. Ch. 2. Rostov-on-Don, 2012, 313 p.

139. Shadrina A.V. *Khramy Donskoi i Novocherkasskoi eparkhii (konets XVII veka – 1920 g.)* [Temples of the Don and Novocherkassk Diocese (the End of the XVII Century - 1920)]. Guidebook. Rostov-on-Don: Antei, 2014, 437 p.

140. *Zakrytie tserkvei i molitvennykh zdanii Donskoi oblasti v 1920–1930-e gg*. [Closure of Churches and Prayer Buildings of the Don Region in 1920-1930-ies]. Col. Doc. / L.V. Tabunshchikova, A.V. Shadrina. Rostov-on-Don, 2013, 504 p.

141. *Iz"yatie tserkovnykh tsennostei v Donskoi oblasti. 1922 god* [The Seizure of Church Values in the Don Region. 1922]. Col. doc. / A.V. Shadrina, L.V. Tabunshchikova; ed. A.V. Venkov; scien. ed. N.V. Kiseleva. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2013, 417 p.

142. *Tserkovnye raskoly v Donskoi oblasti. 1920–1930-e gody* [Church Splits in the Don Region. 1920-1930]. Col. doc. / L.V. Tabunshchikova, A.V. Shadrina. Rostov-on-Don: Antei, 2015, 640 p.

143. Tabunshchikova L.V. Kolichestvennyi analiz otkrytiya pravoslavnykh khramov i molitvennykh domov na okkupirovannoi territorii Rostovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Quantitative Analysis of the Opening of Orthodox Churches and Prayer Houses in the Occupied Territory of the Rostov Region During the Great Patriotic War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2015, No. 10 (60), ch. I, pp. 172-174.

144. Tabunshchikova L.V. Osobennosti tserkovnoi zhizni na territorii Rostovskoi oblasti v period nemetskoi okkupatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Features of Church Life in the Territory of the Rostov Region During the German Occupation During the Great Patriotic War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2015, No. 10 (60), ch. II.

145. Gorbachev D.A. *Vlast' i Russkaya pravoslavnaya tserkov' na Donu 1917–1923* gg. : *avtoref. dis. … kand. ist. nauk* [Power and the Russian Orthodox Church on the Don 1917-1923]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 2006, 19 p.

146. Biryukova Yu.A. [The Soviet State and the Parishes of the Don Diocese in the 20-30s of the 20th Century (according to the documents of the Shakhty administrative district)]. *Donskoi arkhiv* [The Don Archive]. Historical Genealogical Anthology. Rostov-on-Don, 2009, Iss. 5, pp. 19-40.

147. Agafonov A.I. Istoriya Donskogo kraya (XVI – pervaya polovina XIX v.) [History of the Don Region (XVI - first Half of the XIXth century)]. Rostov-on-Don: Priazovskii krai, 2001, 384 p.

148. Agafonov A.I. [Dissertation Research of History of the Don Region in Domestic Historiography (1991-2006)]. *Kazachestvo yuga Rossii v protsessakh stanovleniya i razvitiya Rossiiskoi gosudarstvennosti* [Cossacks of the South of Russia in the Processes Formation and Development of the Russian Statehood]. Proceedings of all Russian scientific-practical. conf. YuNTs RAN. Uryupinsk, April 26-29, 2007. Volgograd, 2007, pp. 3-7.

149. Agafonov A.I. [Dissertation Research of State-legal Institutes and the Rights in the Region of the Don Troops in the Newest Domestic Historiography (1991-2007)]. *Sud, pravo i vlast'* [Court, Law and Authority]. Col. scien. art. / Russian Academy of Justice. Rostov branch. Rostov-on-Don: Everest, 2007, Iss. 3.

150. Tatarchenko M.V. Izuchenie gosudarstvenno-pravovykh institutov i prava donskogo kazachestva XVI – XVII vv. v noveishei rossiiskoi istoriko-pravovoi nauke (1991–2011 gg.) [The Study of State and Legal Institutions and the Law of the Don Cossacks XVI - XVII in the Newest Russian Historical and Legal Science]. *Biznes v zakone*. 2011, No. 4, pp. 33-39.

151. Tatarchenko M.V. Proiskhozhdenie, gosudarstvenno-pravovye instituty i pravo donskogo kazachestva XVI-XVII vv. v dorevolyutsionnoi rossiiskoi istoriko-pravovoi nauke [Origin, State and Legal Institutions and the Rights of the Don Cossacks XVI-XVII Centuries in the Pre-Revolutionary Russian Historical and Legal Science]. *Biznes v zakone*. 2012, No. 1, pp. 47-52.

152. Tatarchenko M.V. *Gosudarstvenno-pravovye instituty i pravovaya priroda donskogo kazachestva XVI – XIX vv. v otechestvennoi istoriografii* [State Legal Institutes and Legal Nature of the Don Cossacks XVI - XX Centuries in Domestic Historiography]. Rostov-on-Don, 2013, 226 p.

153. Tsechoev V.K. *Proiskhozhdenie gosudarstva i prava narodov Dona i Severnogo Kavkaza: Antichnost', srednevekov'e* : *dis. … d-ra yurid. nauk* [The Origin of the State and the Rights of the Peoples of the Don and the North Caucasus: Antiquity, the Middle Ages]. Rostov-on-Don, 2004, 385 p.

154. Nebratenko G.G. *Obychnoe pravo protogosudarstvennogo obshchestva (na primere donskikh kazakov)* [The Customary Law of a Pro-State Society (on the Example of Don Cossacks)]. Rostov-on-Don: RYuI MVD Rossii, 2016, 138 p.

155. Nebratenko G.G. *Prestuplenie i nakazanie v obychnom prave donskikh kazakov* [Crime and Punishment in the Customary Law of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don: Rostovkniga, 2015, 199 p.

156. Nebratenko G.G. [Historical and Legal Significance of the Don Cossacks in the Development of the Russian State]. *Pravo Kavkazskoi tsivilizatsii: istoki, osobennosti, mirovoe znachenie (k 150-letiyu okonchaniya Kavkazskoi voiny)* [The Rights of the Caucasian Civilization: Sources, Features, World Significance (to the 150th

Anniversary of the End of the Caucasian War). Proceedings IV Intern. scientific-practical conf. May 21-23, 2015. Nalchik. Rostov-on-Don, 2015, pp. 143-146.

157. Peretyat'ko A.Yu. V*oennaya organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX veka* [Military Organization and Military Management of the Don Cossacks Troops Area in the Second Half of the Twentieth Century]. Rostov-on-Don: SKNTs VSh YuFU, 2014, 235 p.

158. Golub P.A. *Pravda i lozh' o «raskazachivanii» kazakov* [Truth and Lies about "Decossackization" Cossacks]. Moscow, 2009, 144 p.

159. Kislitsyn S.A. *Gosudarstvo i raskazachivanie, 1917−1945 gg.* [The State and Decossackization, 1917−1945]. Tutorial. Rostov-on-Don, 1996, 80 p.

160. Trut V.P. *Kazachestvo Rossii v period Oktyabr'skoi revolyutsii i na nachal'nom etape Grazhdanskoi voiny* : *dis. ... d-ra ist. nauk* [Cossacks of Russia in the Period of the October Revolution and at the Initial Stage of the Civil War]. Rostov-on-Don: RGU, 2005, 602 p.

161. Trut V.P. *Kazachestvo Rossii v trekh russkikh revolyutsiyakh* [Cossacks of Russia in Three Russian Revolutions]. Saarbrucken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co., 2012, 468 p.

162. Futoryanskii L.I. Problemy kazachestva: raskazachivanie [Problems of Cossacks: Decossackization]. *Vestn. OGU. Gumanitarnye nauki.* 2002, Iss. 2, pp. 43-53.

163. Shishov A.V., Venkov A.V. *Belye generaly* [White Generals]. Rostov-on-Don: Feniks, 1998, 416 p.

164. Zalesskii K.A. *Kto byl kto vo Vtoroi mirovoi voine. Soyuzniki Germanii* [Who Was Who in World War II. Allies of Germany]. Biogr. encyc. dict. Moscow: AST, 2003, pp. 326-327.

165. Smirnov A.A. *Ataman Krasnov* [Ataman Krasnov]. Moscow: AST, 2003, 365 p.

166. Krikunov P.K. *Kazaki. Mezhdu Gitlerom i Stalinym* [The Cossacks. Between Hitler and Stalin]. Moscow: Yauza; Eksmo, 2005, 608 p.

167. Zverev S.V. *General Krasnov. Kak stat' generalom* [General Krasnov. How to Become a General]. Rostov-on-Don: Feniks, 2013, 220 p.

Поступила в редакцию / Received ***27 ноября 2017 г. / November 27, 2017***

УДК 94 (47) DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-71-74

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ И ИНСТРУКТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ЮГЕ РОССИИ В 1922 ГОДУ

© 2018 г. Р.А. Амплеев [a]
[a] *Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

LEGISLATIVE AND INSTRUCTIVE FORMATION OF THE CAMPAIGN FOR THE DELIVERY OF THE CHURCH VALUES IN THE SOUTH OF RUSSIA 1922

R.A. Ampleev [a]
[a]*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Амплеев Роман Алексеевич –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: rim16.8ampliy@bk.ru

Roman A. Ampleev -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: rim16.8ampliy@bk.ru

При проведении кампании по изъятию церковных ценностей весной 1922 г. советская власть стремилась к ее правовому и документационному обеспечению. Но в системе управления, сложившейся в стране при большевиках, органы государственной власти фактически были в подчинении высшего руководства партии. Поэтому декреты государственной власти дополнялись директивными документами партийных структур, которые были обязательны к исполнению на местах. В целом партийные директивы были направлены на ужесточение мер, установленных по декретам. На местах на юге России декреты и директивы партийных органов принимались к исполнению. На их основе в Ростове, Краснодаре, Ставрополе составлялись местные постановления, относившиеся к кампании по изъятиям церковных ценностей.

Ключевые слова: *кампания по изъятию церковных ценностей, декреты Советской власти, директивы партийных органов, местные комиссии по изъятию церковных ценностей.*

The confiscation of church values was carried out in 1922 in Soviet Russia under the conditions when the consequences of the famine of 1921 affected the country. But in the system of governance that prevailed in the country under the Bolsheviks, the state authorities were in fact subordinated to the party's top leadership. Therefore, the decrees of state power were supplemented with the directive documents of the party structures, which were mandatory for execution on the places. In general, party directives were aimed at tightening the measures established by decrees. On the lands in the South of Russia decrees and directives of party organs were adopted. On their basis, in Rostov, Krasnodar, Stavropol, local decrees were created relating to the campaign for seizures of church values.

Keywords: *campaign to seize church values, decrees of the Soviet power, directives of party organs, local commissions on the confiscation of church values.*

Кампания по изъятию церковных ценностей на юге России весной 1922 г. в условиях голода была частью общей аналогичной кампании, проводившейся в стране. Мероприятие нуждалось в правовом обеспечении. Но в рамках советской политической системы, когда государственные структуры фактически были подчинены высшему органу партии большевиков, не только законодательство, но и документы партийных органов получали нормотворческое и инструктивное значение. При этом сама политика, направленная на изъятия, определялась не государственными органами, но высшим руководством партии.

По декрету «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях» от 27 декабря 1921 г.,

подписанному председателем ВЦИК М.И. Калининым, все это имущество бралось на учет. Мотивировочная часть объясняла, что декрет издавался по причине «наличия колоссальных ценностей, находящихся в церквях и монастырях, как историко-художественного, так и чисто материального значения». Все это имущество разделялось на три части: «имеющее историко-художественное значение», поступало в ведение Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины; материальные ценности – в Государственное хранилище ценностей РСФСР. Наконец, выделялось имущество обиходного характера. Декрет запрещал изъятие и использование его без разрешения Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины [1, № 215, с. 381]. Это положение в декрете представляется особенно важным. Оно было направлено на предотвращение возможных случаев, когда в связи со слухами о предстоящем изъятии духовенство и инициативные группы верующих могли прятать некоторые ценности, выносить их с этой целью за пределы храмов. Вместе с тем декретом создавались предпосылки для последующего изъятия церковных ценностей в пользу Советского государства.

Подтверждением тому стал декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 г. В первом пункте заявлялось, что должны быть изъяты «по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней» из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий». Имелась оговорка, что изъятие «не может существенно затронуть интересы самого культа». Слово «существенно» явно предназначалось для успокоения недовольных верующих, которым власть стремилась показать, что она учитывает их интересы и религиозные чувства. Во втором пункте говорилось о создании комиссии по проведению изъятий в губерниях в составе представителей губисполкома, губкомиссии по помощи голодающим и губфинотдела. Третий пункт предусматривал, что во главе комиссии должен был стоять член ВЦИК. К письменному оформлению договоров о передаче церковного имущества и к составлению описей привлекались группы верующих. Согласно четвертому пункту, изъятые ценности поступали в особый фонд, ставились на учет и обращались на помощь. В последнем, пятом пункте рекомендовалось гласное проведение кампании, публикация об изъятиях в печати. При этом «в местной печати публикация должна содержать подробный перечень ценностей, изъятых от местных храмов, молелен, синагог и т.д., с указанием наименований этих храмов» [1, № 217, с. 382].

Зависимость государственных органов от партийных структур подтверждалась действиями, предпринятыми партийными вождями. О том свидетельствует письмо народного комиссара по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета республики Троцкого на имя Ленина, Сталина и Зиновьева под грифом «С.Секретно» от 17 марта, а «Всем членам Политбюро для сведения». В нем определялся комплекс мер, направленных на изъятие церковных ценностей и сосредоточение их в руках Советского государства. Троцкий имел в виду декрет от 23 февраля, но при этом он усилил содержащиеся в нем положения. Он предлагал в дополнение к органам по руководству изъятием в центре и на местах «создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей». Уровень комиссии должен был быть весьма высоким, поскольку в нее включался «либо секретарь Губкома, либо заведующий агит-проп. отделом». Эти комиссии должны были наблюдать за тем, как проводят изъятие комиссии, создававшиеся по декрету. Троцкий считал необходимым подключение к этому мероприятию политсостава частей Красной Армии, расквартированных на местах. В губернских центрах «в состав комиссии привлекается комиссар дивизии, бригады или начальник политотдела» [2, с. 85]. Тем самым допускал возможность армейского участия в изъятиях в случае необходимости, при оказании решительного сопротивления духовенством и населением. Между тем ни о каком участии в изъятии представителей политотделов Красной Армии речь не шла.

Для того чтобы предотвратить сколько-нибудь серьезное сопротивление, Троцкий предупреждал, что действовать на первых порах нужно достаточно осторожно, в частности, при проведении «переговоров с группами верующих». Хорошо зная обстановку в стране и настроения значительной части населения, он особо указывал на то, чтобы «национальный состав этих официальных комиссий не давал поводов для шовинистической агитации». Также для предотвращения возможных столкновений, по его мнению, необходима агитационная работа среди населения. Для нее следует «подобрать лучших агитаторов и в частности военных». А самой агитации он требовал

«придать характер, чуждый всякой борьбы с религией и церковью, и целиком направленный на помощь голодающим». Он подчеркивал необходимость «внести раскол в духовенство», противопоставить «бесчеловечных и жадных “князей церкви”» той части духовенства, которая «открыла борьбу против преступного скаредного отношения к ценностям».

Троцкий предусматривал меры на случай сопротивления со стороны населения. Если, писал он, в качестве организаторов окажутся представители «буржуазных купеческих элементов, бывших чиновников», то их «арестовывать как заправил». Но в случае, «если бы черносотенная агитация зашла слишком далеко», организовывать «манифестации с участием гарнизона при оружии с плакатами “церковные ценности для спасения голодающих”». Или, иначе говоря, массе противников изъятий из числа верующих предлагалось противопоставить еще более внушительные демонстрации в поддержку власти. А сам выход на них «гарнизона при оружии» напоминал ситуацию гражданской войны, с помощью чего и будет доведен до конца разгром противника из религиозного лагеря.

Всего этого в тексте декрета не было. Троцким предлагался наиболее рациональный порядок изъятий. Начинать их было бы лучше с той церкви, во главе которой «стоит лояльный поп». Но если такого нет, то следовало бы начинать «с наиболее значительного храма», при этом «подготовив все детали», с мобилизацией коммунистов и выдвинув «по близости» ЧОН, а также привлекать на собрания и в церкви «голодающих с требованием скорейшего изъятия ценностей» [2, с. 86].

На важность предложений Троцкого, отмечает С.Г. Петров, указывает полная их поддержка на Политбюро, выявленная путем опроса. «Большинство из предложенных Троцким и утвержденных опросом Политбюро пропагандистских мер было оперативно проведено в жизнь» [3, с. 138].

Столь же директивный характер носило письмо В.И. Ленина В.М. Молотову для членов Политбюро от 19 марта. Оно являлось реакцией вождя партии и советского государства на события в Шуе. Письмо отражает его обеспокоенность настроениями населения. Требование изъятий в ленинском письме было самым решительным. «Надо во что бы то ни стало провести изъятие церковных ценностей самым решительным и быстрым образом», – настаивал он [2, с. 89].

Но руководство партии стремилось донести содержание законов, направленных на изъятие ценностей, до сознания населения в необходимом для советской власти смысле. Это подтверждается предложениями Л.Д. Троцкого, направленными в адрес Политбюро 23 марта. В них он рекомендует выступить с разъяснением позиции партии и Советского государства Председателю ВЦИК М.И. Калинину и прежде всего остановиться на характере изъятия церковных ценностей. Это не борьба с Церковью, а Помгол готов оказывать церковным общинам содействие в приобретении предметов религиозного обихода. Калинин должен подчеркнуть, что часть духовенства «считает необходимым оказать голодающему народу помощь из тех же церковных ценностей», а вторая, «очень многочисленная, заняв враждебную позицию по отношению к голодающему крестьянству…», заняла враждебное положение по отношению к советской власти, что декрет об изъятии возник «по инициативе крестьян голодающих губерний, широких беспартийных масс и красноармейцев» [2, с. 102]. Эти меры необходимы «для спасения жизни миллионов голодающих крестьян, крестьянок и их детей» [2, с. 103].

В своих предложениях Троцкий фактически дает указания главе Советского государства М.И. Калинину. Это полностью соответствует реалиям политического строя, при котором пост главы государства был формальным, и он на самом деле имел очень ограниченные полномочия и полностью зависел от партийного руководства.

Таким образом, существовали два источника нормотворчества в отношении изъятия церковных ценностей. Одним из них был ВЦИК. Вторым – Политбюро ЦК РКП(б). Но по Конституции РСФСР 1918 г. такого органа с властными полномочиями, как Политбюро, вообще не предусматривалось. Однако в системе власти, сложившейся в Советском государстве, Политбюро в лице Л.Д. Троцкого и В.И. Ленина могло вносить предложения, направленные на правку и редактирование закона, принятого ВЦИК, а Троцкий мог давать указания главе государства М.И. Калинину. Но предложения, которые шли от Троцкого и Ленина, были направлены на ужесточение мер, зафиксированных в декрете ВЦИК.

На местах директивные документы от государственных и партийных органов принимались к исполнению. Издавались местные постановления, направленные на проведение их в жизнь в пределах определенной территории. Так, на засе-

дании Президиума Донского областного комитета от 4 марта была создана комиссия по изъятию церковных ценностей, в которую вошли представители от Донисполкома, Донфинотдела и Донпомгола [4, с. 60]. На следующий день, 5 марта, на заседании бюро Донкома РКП(б) было принято решение организовать агитационную работу, относящуюся к изъятиям [4, с. 60–61], а 6 марта на заседании пленума Доноблисполкома заслушивался вопрос о составе комиссии по изъятию церковных ценностей во главе с Мураловым [4, с. 61].

Аналогичные директивные документы были составлены в Кубано-Черноморской области и образована комиссия по изъятию церковных ценностей. Такие комиссии создавались в отделах области. На них возлагались конкретные задачи по проведению изъятий. Начинаться эта работа должна была с составления описей на имущество любой религиозной организации. Отдельная опись составлялась на каждую церковь, монастырь, молельный дом, мечеть, синагогу. Была определена форма описей, в которой указывалось, из какого материала сделан каждый предмет. Составление описей производилось обязательно в присутствии священников и представителя приходского совета. Особо подчеркивалось, что только областная комиссия имеет право определять, какой предмет подлежит изъятию [5, л. 3].

По Ставрополю на заседании городской комиссии по изъятию церковных ценностей от 30 марта были намечены конкретные мероприятия. По числу городских храмов разных вероисповеданий из состава комиссии было образовано 19 подкомиссий из трех человек. Порядок этой работы, намеченной на 4 апреля, предусматривал доклад в помещении Горкомголода для настоятелей храмов и членов церковных советов, а затем непосредственно работа в храмах по изъятию [6, л. 1е]. По протоколу предусматривалось привлечь «агитационные силы губкома». Кроме того, было решено «использовать духовенство в качестве агитационного средства, внося в их среду разложение путем представления защиты всех священников, идущих с проповедью за изъятие ценностей» [6, л. 8].

Таким образом, проводя изъятия церковных ценностей в условиях голода 1921 г. и его последствий в 1922 г., советская власть опиралась на нормативные положения, которые срочно принимались законодательно в виде декрета ВЦИК. Однако в обстановке, когда государство и его институты оказывались в подчинении высших партийных структур, о которых в Основном законе страны, Конституции РСФСР 1918 г., не упоминалось вообще, партийные документы дополняли, расширяли и конкретизировали декреты. В партийных письмах и инструкциях, составленных Троцким, уточнялись и развивались положения декретов. Все эти документы служили основанием для проведения изъятий церковных ценностей на территории южного региона России. При этом местные документы по изъятиям церковных ценностей в Ростове, Краснодаре и Ставрополе издавались в соответствии с положениями декретов ВЦИК и директив центральных органов партии.

Литература

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. М., 1950. 1933 с.

2. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: документы и фотоматериалы. М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1996. 352 с.

3. *Петров С.Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / отв. ред. Н.Н. Покровский. М. : РОССПЭН, 2004. 442 с.

4. Изъятие церковных ценностей в Донской области в 1922 г. : сб. док. / А.В. Шадрина, Л.В. Табунщикова. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 416 с.

5. ГАКК. Ф.Р-102. Оп. 1. Д. 287.

6. ГАСК. Ф.Р-388. Оп.1. Д. 26.

References

1. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1922 g.* [Collection of Laws and Orders of the Government of 1922]. Moscow, 1950, 1933 p.

2. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917–1941* [The Russian Orthodox Church and the Communist State. 1917-1941]. Documents and Photographic Materials. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreya, 1996, 352 p.

3. Petrov S.G. *Dokumenty deloproizvodstva Politbyuro TsK RKP(b) kak istochnik po istorii Russkoi tserkvi (1921–1925 gg.)* [Documents of Record Keeping of the Politburo of the Central Committee of the RCP (B.) As a Source on the History of the Russian Church (1921-1925)]. Ed. by N.N. Pokrovskii. Moscow: ROSSPEN, 2004, 442 p.

4. *Iz"yatie tserkovnykh tsennostei v Donskoi oblasti v 1922 g.* [The Seizure of Church Values in the Don Region in 1922]. Col. doc. / A.V. Shadrina, L.V. Tabunshchikova. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2013, 416 p.

5. *GAKK* [SAKR]. Fund R-102. In. 1. File 287.

6. *GASK* [SASR]. Fund R-388. In. 1. File 26.

Поступила в редакцию / Received ***28 января 2018 г. / January 28, 2018***

УДК 94 (47).084.3 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-75-85

АНТИСОВЕТСКИЕ ОРГАНЫ РАЗВЕДКИ И КОНТРРАЗВЕДКИ НА ДОНУ В 1918–1919 ГОДЫ[1]

© 2018 г. А.В. Венков [a]
[a] Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

ANTI-SOVIET INTELLIGENCE AND COUNTERINTELLIGENCE AGENCIES ON THE DON IN 1918-1919

A.V. Venkov [a]
[a] Southern Scientific Centre, RAS, Rostov-on-Don, Russia

Венков Андрей Вадимович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий лабораторией казачества,
Южный научный центр РАН,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Andrey V. Venkov -
Doctor of History, Professor,
Head of Cossacks Laboratory,
Southern Scientific Centre RAS,
Chekhova Ave., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Раскрывается деятельность антисоветских спецслужб на донской территории. Показана организация разведки и контрразведки Добровольческой армии, ее успехи и провалы в борьбе с большевиками, а также формирование спецслужб в Донской армии и трудности данного формирования, отражены проблемы подбора кадров из-за отсутствия опыта у донских казаков и идейных соображений командования Добровольческой армии. Констатируется, что органы разведки и контрразведки, организованные антибольшевистскими структурами на юге России, не справились с поставленными задачами, так как, с одной стороны, не имели соответствующего опыта, а с другой – по идейным соображениям отказа от услуг кадров, наиболее профессионально подготовленных своей прежней службой.

Ключевые слова: *разведка, контрразведка, подполье, спецслужбы, Донская армия, Добровольческая армия, кадры, агентура.*

The article reveals the activities of anti-Soviet intelligence on the Don territory. It shows the organization of intelligence and counterintelligence of the Volunteer army, its successes and failures in the fight against the Bolsheviks, it also shows the formation of intelligence services in the Don army, and the difficulty of this formation.The article describes the difficulties of recruitment due to the lack of experience of the Don Cossacks and ideological reasons of the command of the Volunteer army. It is established that intelligence and counterintelligence agencies organized by anti-Bolshevik structures in the south of Russia did not cope with the tasks set, because, on the one hand, they did not have the relevant experience, and on the other hand, on ideological grounds for abandoning the services of the personnel most professionally trained by their former service.

Keywords: *intelligence, counter-intelligence, underground intelligence Agency, the Don army, the Volunteer army, personnel, agents.*

Историография спецслужб на Дону в интересующий нас период крайне бедна. Пока она либо на любительском уровне, либо на уровне накопления материалов. Первая книга очерков «Чекисты Дона» вышла в 1983 г. [1] и была явно апологетического характера. Затем, уже в постсоветский период, в 1998 г. вышел сборник «На страже Отечества. Документы, воспоминания, очерки» [2]. Он отличался обилием фактов и носил несколько «покаянный» характер. Особого «позитива» в деятельности органов госбезопасности на Дону (за исключением периода Великой Отечественной войны) в его материалах не просматривалось. Оба издания были дополнены и переизданы [3, 4]. В качестве «донских спецслужб» подразумевались лишь советские органы безопасности.

Необходимо отметить нынешнюю тенденцию рассматривать спецслужбы в преемственности –

[1] Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2018 г., тема 00-17-09 (проект № 0256-2014-0012, № госрегистрации 01211354248).

от борьбы с терроризмом в Российской империи до борьбы с террористическими вызовами в современной России [5–7]. Поскольку Дон в дореволюционное время отличался составом населения, которое довольно часто в массовом порядке привлекалось к охранной и карательной службе, особые правоохранительные структуры на Дону возникли очень поздно, и их фундаментальное исследование появилось недавно [8].

С началом Гражданской войны Дон стал местом прибежища антибольшевистских сил, здесь стали формироваться разведывательные, контрразведывательные и карательные органы местных квазигосударств и общероссийского белого движения [9–11].

Спецслужбы Всевеликого войска Донского исследованы не так подробно. Систему организации контрразведки, правоохранительных органов и их борьбу с подпольными большевистскими организациями раскрыл Ю. Селезнев [12]. Опубликован и поименный список сотрудников донской военной разведки и контрразведки [13].

Настоящая статья посвящена становлению и взаимодействию спецслужб различных направлений и структур белого антибольшевистского движения, некоторым конкретным результатам их деятельности.

Источниковая база проблемы достаточно представительна. Во-первых, это сборники документов и материалов, раскрывающих социальную, экономическую и политическую ситуацию в регионе и в стране в рассматриваемый период [14–17]. Во-вторых – мемуары высшего политического руководства, самих деятелей спецслужб и их родственников [18–20]. В-третьих – материалы донской периодической печати (Приазовский край. 1918–1920; Известия Ростово-Нахичеванского ВРК. 1918; Известия Ростово-Нахичеванского Совета рабочих депутатов. 1918; Молот, Комсомолец и др.). В-четвертых – материалы Архива УФСБ по Ростовской области, ЦДНИРО и ГАРО.

В ходе революции и Гражданской войны многочисленные и разнообразные антибольшевистские силы на Дону были представлены «добровольческим» движением, возглавляемым генералами Л.Г. Корниловым, М.А. Алексеевым, а затем А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем, и казачьим антибольшевистским движением. В конце 1918 – начале 1919 г. «добровольцы» объединили под своим руководством антибольшевистские казачьи войска. Образовавшаяся структура называлась Вооруженные силы Юга России (ВСЮР). После разгрома белого движения на Юге в начале 1920 г. эта структура, обосновавшись в Крыму, стала называться Русской армией.

Средства, на которые создавались и содержались белые правительства и белые войска, были разного происхождения. 2 января 1918 г. Франция выделила Верховному руководителю Добровольческой армии, располагавшейся в то время в Ростове и Новочеркасске, 100 млн франков [21, с. 77]. В реальности Добровольческая армия с момента своего возникновения влачила нищенское существование, занималась самоснабжением. И в дальнейшем поиски финансирования были острой проблемой белого движения.

Поддерживая его лидеров в борьбе с большевиками, страны Антанты поощряли стремление элиты национальных окраин Российской империи создать свои государственные образования, т. е. способствовали расчленению России.

Разведывательные органы стран Антанты и США оказывали помощь спецслужбам Белого движения и одновременно сами вели разведку политического и экономического характера. В 1919 г. военные миссии США под руководством адмирала М. Келли находились при штабе генерала Деникина (в Таганроге и в Одессе) и собирали разведданные.

«Старое правительство было разнесено, разбито, учреждения все переформировывались, перемещались, старый аппарат пропал. Как советскому, так и белому правительству пришлось на скорую руку сколачивать свои аппараты. Так же на скорую руку они строили свой шпионаж, а систематической организации у них не было», – писал С.С. Турло [20, с. 215], сам служивший в органах ВЧК и знавший проблему изнутри.

Свои спецслужбы белые правительства сформировали по образцу дореволюционных структур. В царской России существовало организационное и функциональное разграничение между разведкой и контрразведкой, с одной стороны, и политическим сыском – с другой. Разведывательные и контрразведывательные подразделения находились в подчинении военного ведомства, а органы внутренней безопасности – МВД. И белые подчинили разведку и контрразведку своим военным ведомствам, а параллельно с ними борьбу с государственными преступлениями вели органы внутренних дел. Объединение оперативно-розыскных служб под общим руководством произошло лишь в 1920 г. в Крыму [9, с. 5].

Разведка и контрразведка белого движения в ходе своего становления воспользовались кадрами, опытом строительства и нормативно-правовой базой спецслужб Российской империи [9, с. 12]. Базой послужило «Положение о полевом управлении войск в военное время», принятое 16 июля 1914 г. Согласно ему, обязанности по разведке и контрразведке возлагались на генерал-квартирмейстера фронта.

Штаб Добровольческой армии состоял из двух отделов – строевого и снабжения. В составе строевого были учреждены разведывательное и контрразведывательное отделения. Последнее находилось в подчиненном положении по отношению к разведотделению [9, с. 110].

Кроме того, «разграничение между разведкой и контрразведкой, как видами деятельности в тот исторический период, можно провести лишь теоретически. В условиях Гражданской войны разведка иногда добывала сведения, находившиеся в компетенции контрразведывательных структур, и наоборот, контрразведывательные органы периодически поставляли информацию разведывательного характера» [9, с. 5].

С апреля 1918 г. разведывательным отделением руководил полковник С.Н. Ряснянский.

Ряснянский Сергей Николаевич *(1886 – 26.10.1976, Нью-Йорк) – из дворян. Кадровый военный. Закончил академию Генштаба (1914). Офицер 10-го Ингерманландского гусарского полка. Во время Первой мировой войны в распоряжении начальника штаба Румынского фронта, капитан, Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 года. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в разведывательном отделе штаба армии. В апреле 1918 – подполковник, начальник разведывательного (контрразведывательного) отделения штаба армии. С конца 1918 г. в Донской армии, полковник, начальник штаба конной группы. В 1920 году в Русской армии Врангеля командир Гвардейского кавалерийского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже* [22, с. 482–483].

Разведывательный отдел делился на три части: агентурную (полковник Г.И. Шлидт), отчетную (подполковник Э.Б. Болецкий) и общую.

«В тот период времени агентурная разведка штаба Добровольческой армии действовала с низкой эффективностью. Для ее организации не хватало денежных средств, профессионально подготовленных кадров и надежных агентов… Система получения информации разведорганами Добровольческой армии с театра военных действий… начала складываться осенью 1918 года» [9, с. 344–345].

В ноябре 1918 г. контрразведывательное отделение было выделено в самостоятельную структуру. В обоих отделениях (разведка и контрразведка) было по 16 человек во главе со штаб-офицером. Начальником контрразведки штаба Деникина в 1919 г. являлся полковник Б.И. Бучинский.

Бучинский Борис Иванович *(1883 – 14.04.1971, Сен-Женевьев-де-Буа) – из дворян. Кадровый военный. Закончил академию Генштаба (1911). Полковник, начальник штаба 12-й кавалерийской дивизии. В Добровольческой армии с мая 1918 года, с июня 1918 начальник службы связи армии, с июля 1918 начальник разведывательного отделения в управлении генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего, с октября 1918 начальник контрразведывательного отделения, с 11 ноября 1919 начальник контрразведывательной части; начальник особого отдела штаба главнокомандующего ВСЮР, в феврале – марте 1920 начальник разведывательного отделения. Весной 1920 эвакуирован из Севастополя. В эмиграции в Болгарии, затем во Франции* [22, с. 66].

Помимо этого 3 июня 1918 г. в армии учрежден военно-политический отдел с функциями политической канцелярии. Главной задачей была координация деятельности антибольшевистских политических центров на Юге России [9, с. 111].

Когда было создано «правительство Юга России» под названием «Особое совещание», в него вошло Военное управление ВСЮР, имевшее отдел Генерального штаба, который тоже создал разведывательную и контрразведывательную службу – контрразведывательную часть особого отделения отдела Генштаба. Эту структуру сначала возглавлял капитан А.С. Дмитриев, затем полковник Р.Д. Мергин. В декабре 1919 г. его сменил действительный статский советник В.Г. Орлов. Контрразведка Военного управления осуществляла контроль за организацией контрразведывательных органов, их штатами и кадровым составом.

Разведка штаба Главнокомандующего собирала сведения военного и политического характера (изучение настроений населения) на театре военных действий. Отдел Генерального штаба Военного управления вел военно-политическую

и экономическую разведку в глубоком тылу большевистской России и в других странах.

В июне 1919 г. отделу Генштаба Военного управления были подчинены военные агенты (атташе) еще царского правительства в странах Европы. Ранее они находились под руководством адмирала А.В. Колчака, объявившим себя Верховным правителем России. Военные агенты подчинялись военному представителю Колчака в Париже. Ежемесячно предполагалось выделять на содержание этой сети зарубежной разведки 100 000 франков. На ее базе белые планировали создать международную разведывательную службу в случае поражения и эвакуации из России.

Фронтовая (тактическая) разведка осуществлялась армейскими штабами до штаба полка включительно. В штабах корпусов – старшими адъютантами (офицерами Генерального штаба), в штабах дивизий – помощниками старших адъютантов, в полках – особыми офицерами, имевшими в помощниках по одному унтер-офицеру от каждого батальона.

Контрразведывательные органы на Юге России создавались на основе «Временного положения о контрразведывательной службе на театре военных действий» от 17 июля 1917 г. Данное положение разрабатывалось во времена Временного правительства. Тогда к контрразведке допускали офицеров Генштаба или офицеров, имеющих юридическое образование. Офицеры корпуса жандармов или лица, служившие в охранном отделении, к такой службе демонстративно не привлекались.

Генерал А.И. Деникин, в правительство которого входили либералы-кадеты, придерживался такой же политики. Он считал, что «система сыска создавала нездоровую атмосферу в армии» [18, т. 1, с. 81]. «Единичные случаи зачисления в Добровольческую армию жандармов, конечно, были, но они в основном служили не по своей специальности» [23, с. 134]. Профессионалов Деникин считал нужным набирать из числа чинов судебного ведомства [9, с. 188].

Лишь к 1920 г. к организации службы стали привлекаться старые царские полицейские чиновники, генералы К.И. Глобачев и Е.К. Климович.

Глобачев Константин Иванович *(24 апреля (6 мая) 1870 — 1 декабря 1941, Нью-Йорк, США) — русский полицейский администратор, начальник Петроградского охранного отделения, генерал-майор. В начале 1920 г. начальник информационного бюро контрразведки Русской армии в Константинополе. 1930–1934 начальник контрразведки РОВСа.*

Климович Евгений Константинович *(1871–8.06.1930, Панчево, Югославия) – московский градоначальник, директор Департамента полиции, сенатор, генерал-лейтенант. В ВСЮР по ведомству МВД, в Русской армии начальник особого отдела штаба Главнокомандующего (начальник контрразведки).*

Командующий белыми войсками в Крыму генерал П.Н. Врангель принципиально изменил подбор кадров. Генерал Климович возглавил контрразведку и государственную стражу. Заместителем его стал бывший начальник московского уголовного розыска А. Кошко. Севастопольский контрразведывательный пункт возглавил жандармский полковник А.И. Будогоский. Над деятельностью контрразведки был установлен прокурорский надзор.

Органы контрразведки Добровольческой армии к октябрю 1918 г. были развернуты в 11 пунктах. Киевский, Харьковский, Одесский, Крымский и Тифлисский считались пунктами 1-го разряда. На территории современной Ростовской области был открыт один пункт 2-го разряда в Таганроге.

Весной 1919 г. в Ростове разместилось контрразведывательное отделение Кавказской добровольческой армии (официальное название – «Контрразведывательное отделение при Отделе генерал-квартирмейстера Кавказской добровольческой армии»). «Одни утверждают, что контрразведка помещалась в здании гостиницы “Мавритания”, другие, что рядом с гостиницей, в здании окружного суда на Никольской (в настоящее время ул. Социалистическая), № 152» [12, с. 134]. Руководил отделением ротмистр Маньковский. В Ростове это отделение имело 5 пунктов. Известны адреса трех – на станции Заречной на левом берегу Дона, на улице Дмитриевской, № 77 и по Таганрогскому проспекту, № 43. Кроме того, один пункт находился в Таганроге. Их задачи заключались в проведении первичного дознания и сбора сведений об арестованных. Штат отделения включал: 7 офицеров, 3 писарей, 1 унтер-офицера, 5 рядовых [12, с. 193].

Арестованных «добровольческая» контрразведка передавала в Судебно-следственную комиссию Кавказской добровольческой армии в Ростове (председатель – корнет Портанский, члены – подпоручик Ольхин, прапорщик Дмитриев).

На Дону в казачьих частях в XIX – начале XX в. опыта войсковой разведывательной и контрразведывательной работы не имелось. В казачьих войсках в годы Первой мировой войны не было ни шпионов, ни дезертиров, и нужды в контрразведывательной службе не ощущалось.

Начав борьбу против Советской власти, восставшие донские казаки создали свои вооруженные силы – Донскую армию. Управление ею велось посредством штаба, который включал в себя различные управления и отделы. В Управление 1-го генерал-квартирмейстера наряду с оперативным отделом входил и разведывательный отдел.

Штат отдела был определен приказом по Донскому Войску № 75 от 15.05.1918: начальник отдела – 1, помощники начальника (штаб-офицеры) – 3, помощники начальника (обер-офицеры) – 4, переводчики – 3, писари – 6.

Начальник разведывательного отдела подбирался долго. Сначала несколько недель им был есаул И. Сулацкий; с 01.06.1918 (приказ по Войску Донскому № 206 от 06.06.1918) – подполковник, затем полковник В.А. Зимин (31 августа 1918 г. назначен начальником штаба Цимлянского отряда). Некоторое время временно исполняли обязанности штабс-капитан Ф.Я. Шорников и Генерального штаба полковник Шикулин; наконец, с 31 августа 1918 г. отдел возглавил выпускник из Николаевской академии 1913 г., капитан В.В. Добрынин, прибывший 22 июля из плена. На должности он пробыл до 28.06.1919 и был произведен в полковники. Сменил его и возглавлял разведывательный отдел до ликвидации Донской армии подполковник Ф.Я. Шорников [13, с. 134].

В штаб Донской армии входило контрразведывательное отделение. На посту его начальника тоже сменилось много офицеров: подполковник Севастьянов (в 1918 г.), полковник Н.В. Кунаков и полковник Г.А. Гривин (оба отчислены в резерв 09.03.1919; с 02.03.1919 отдел временно возглавлял подполковник В.П. Кадыкин, ему на смену пришел полковник Щучинский (на май 1919 г.) и, наконец, полковник Ф.К. Богнар, который затем служил в контрразведке в Русской армии у Врангеля в 1920 г.

На должности помощника начальника контрразведывательного отделения побывали 6 офицеров, обер-офицерами для поручений числились 4, кроме того, по приказам «в контрразведывательном отделении» числились еще 15 офицеров, из них ротмистр Н.И. Симановский и полковник И.М. Петров значатся как «офицеры для секретных командировок».

При отделе контрразведки были переводчик (подпоручик фон Г.Н. Шуттенбах), регистратор и 2 писаря.

В 1918 г. созданы контрразведывательные пункты в Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Александровске-Грушевском, Азове, Таганроге.

Штат пункта: заведующий – 1; офицер для поручений – 2 (в Азове и Александровске-Грушевском – 1).

Ростовский пункт отличался расширенным штатом: начальник – 1; помощники – 2; офицеры для поручений – 4; офицеры для производства дознания – 4; делопроизводитель – 1; регистратор – 2; писари – 4; рассыльные – 2; сторожа – 2; заведующий наружным наблюдением – 1; старшие агенты наружного наблюдения – 16; младшие агенты наружного наблюдения – 14. Начальник – полковник В.В. Сорохтин. Ростовский пункт Донской контрразведки находился по адресу: Таганрогский проспект, № 59, в помещении бывшего ресторана «Слон».

В 1919 г. были дополнительно созданы Сальский и Верхне-Донской контрразведывательные пункты [13, с. 144–146].

Как видим, судя по чинам (ротмистр, подпоручик, подполковник), в разведывательные и контрразведывательные органы казаки привлекли много офицеров, не принадлежавших к казачеству.

Взявшие на Дону власть казаки объявили, что не признают власти большевиков и будут считать себя независимым государством, пока в России не установится власть, признанная всем российским населением. Выстраивая свое государство на принципах сословной диктатуры, казаки наряду с другими органами власти создавали судебную систему. Война велась жестокая, беспощадная. Зачастую семьи раскалывались на «красных» и «белых». Сразу после занятия казаками был сформирован «Суд защиты Дона» с чрезвычайными полномочиями, который действовал до 14 (27) мая 1918 г. При станицах были свои «Суды защиты Дона». Однако приказом по Войску Донскому № 38 от 14 (27).05.1918 эта структура прекратила свою деятельность, а дела были переданы в судебно-следственную комиссию. Такие же комиссии стали создаваться в округах. Положение гласило: «Ведению судебно-следственных комиссий подлежат дела подсудные военно-полевым

судам для суждения преступлений, учиненных лицами гражданского ведомства, если они не требуют по своей несложности и очевидной виновности заподозренных лиц производства предварительного следствия» [12, с. 140]. Приказом № 673 от 4 августа 1918 г. судебно-следственные комиссии были отданы под надзор военного прокурора восстановленного областного Военного суда.

Судя по показаниям свидетелей, вакханалия расстрелов длилась первые несколько месяцев после прихода казаков к власти. Один из офицеров, служивших в Новочеркасской тюрьме, впоследствии показал: «Вся работа следственной комиссии была задачей больше расстрелять и прекратить разговоры населения о том, чтобы не говорили, “где большевики”… Военно-следственной комиссии подчинялись все, как контрразведка, жандармерия, полиция, а также и следователи уголовные… Суд “Защиты Дона” сам мог расстреливать беспощадно, но однако должен был утверждать приговор в военно-полевом суде, но они этого не дожидались… Из рапортов я лично видел, что всегда в тюрьме сидит 6-7 тысяч человек, и расстреливали от 50 до 120 ч. в сутки. Из этих рапортов можно было понять, что расстреляли не менее 7000 человек и сама следственная комиссия, и полевой суд, и суд “Защиты Дона”. Что же касается станичных судов, то они сами расстреливали без всяких дистанций, а после отчитывались» [24].

Для борьбы с большевистским подпольем и увеличивающейся преступностью приказом № 1567 от 19 ноября 1918 г. военно-полевые суды были учреждены в Ростовском-на-Дону и Таганрогском градоначальствах.

В марте 1919 г. Донской атаман А.П. Богаевский объявил, что в связи с усилившимся хищением электрических проводов и уличных электрических лампочек, он изымает это преступление из общей подсудности и передает его на рассмотрение полевых судов [25].

Донскому атаману до 1919 г. подчинялись, кроме Донской армии, Южная, Астраханская и Русская народная армии. Численно они были очень небольшими, но создавали свои контрразведывательные структуры. С контрразведкой Южной армии связана следующая история. 22 ноября (5 декабря) 1918 г. в Ростове в Анатомическом театре Николаевской больницы была арестована курсистка 2-го курса женского медицинского института Ревекка Ильяшевна Альбам, которая призывала к забастовке протеста против расстрелов студентов в Киеве [26, л. 19].

Там в это время студентов расстреливали петлюровцы, которые считались врагами и Деникина, и Краснова. Объявлять забастовку на территории, враждебной петлюровцам, было бессмысленно. Да и забастовка против петлюровских расстрелов не носила антикрасновского или антиденикинского характера. Тем не менее студентку арестовали. Альбам, отсидев три недели в участке Ростово-Нахичеванской городской стражи, обратилась в Ростовское градоначальство с прошением разобраться в ее деле. На беду Альбам при ее аресте была обнаружена большевистская листовка с призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Градоначальник полковник Греков издал приказ, в котором иронически удивлялся, зачем пролетариям всех стран соединяться именно в Ростове, где и так тесно, и распорядился выслать студентку из пределов Всевеликого войска Донского. Негласно, видимо, было приказано отправить ее в Кантемировку, в распоряжение контрразведки Южной армии. 22 декабря (4 января) Альбам была отправлена в Кантемировку «под конвоем чинов отряда войскового старшины Икаева», а 24 декабря (6 января) ее труп обнаружили в поле в полуверсте от кантемировского вокзала [26, л. 20].

Донские и «деникинские» спецслужбы не были объединены, что создавало параллелизм и временами конкуренцию. Контрразведывательные пункты «добровольцев», находящиеся на донской территории, руководствовались в своих отношениях с местным населением законами Всевеликого войска Донского.

По характеру добываемой информации разведка делилась на «чисто военную, военно-статистическую (и военно-географическую), экономическую и политическую (дипломатическую и внутреннюю) [9, с. 239]. По способу получения сведений – на агентурную, войсковую, авиационную, радиотелеграфную, документальную (изучение трофейных документов, прессы, литературы). Больше всего надежд возлагалось на агентурную разведку.

Агенты засылались в тыл противника, прилагали усилия для выявления стратегических планов высшего военного командования, численности РККА и других вооруженных формирований, следили за перебросками воинских соединений и частей красных с одного фронта на другой) [9, с. 63]. Однако значительная

часть агентов была малоподготовлена и проваливалась из-за своей неопытности [9, с. 176].

Одним из первых засланных к большевикам агентов был подпоручик В.Т. Татаринов. Вместе с офицером Гольевым его направили в 1918 г. в Астрахань, где они оба встретили ранее посланного туда полковника Леуса. «В течение целых трех месяцев, устроившись на службе в Красной армии, подпоручик Татаринов пересылал из Красной Астрахани в Ростов через женщину полковнику Басову добываемую им информацию о состоянии Красной армии» [12, с. 502].

Создавались школы разведчиков. Одна из них – в Евпатории. На обучение агентов, в частности, в Кавказской армии белых отводилось всего 84 часа [9, с. 177].

Лучше всего была налажена разведывательная работа радиотелеграфа. «С 1918 по 1920 год белогвардейцы читали почти все шифрованные военные и дипломатические сообщения Советской России. По данным некоторых исследователей, в штабе армии П.Н. Врангеля в 1920 году буквально через час после перехвата читали все телеграммы М.В. Фрунзе (командующий войсками Южного фронта. – *А.В.*)» [9, с. 244]. Видимо, благодаря этому, Врангелю удалось вовремя вывести Русскую армию из Таврии в Крым, спасти ее от окружения.

Проявили себя в работе и профессионалы – военные агенты старой школы за рубежом, что помогло Деникину отсрочить развал белого фронта в 1919 г. В октябре того же года казачьи представители за границей идут на контакт с Советской властью. 26 октября Политбюро рассмотрело «предложение северокавказских казацких (Дон, Кубань, Терек) республик, переданное через Ф. Лорио» [27]. Пока большевики проводили консультации по поводу этого сообщения, А.И. Деникин нанес удар по кубанским самостийникам.

Поводом к обострению конфликта послужил договор, подписанный кубанской делегацией с Меджлисом горских народов в Париже в июле 1919 г., о котором Деникин якобы узнал из тифлисской газеты [28]. На самом деле договор появился в екатеринодарской печати в середине октября [29], затем последовал запрос Деникина кубанскому атаману по поводу этого договора [30]. В итоге конфликта Кубанская рада была разогнана, и большевикам не с кем было вести переговоры и заключать перемирие.

Оценка настроений населения очень часто давала сбои. Агенты постоянно сообщали, что население в Центральной России недовольно Советской властью, что настрой на Северном Кавказе антибольшевистский. «Наша разведка уяснила себе положение в стане противника с большим опозданием», – признавал А.И. Деникин [18, т. 3, с. 368]. «Прогнозы оказались неверными – мы убедились в этом скоро, ведя тяжелые, кровопролитные бои на Северном Кавказе», – писал он впоследствии [18, т. 3, с. 349].

Не оправдались в 1920 г. надежды П.Н. Врангеля на массовую поддержку казаками его десантов из Крыма на Дон и Кубань. «Сведения нашей разведки с Кубани и Дона были благоприятны. В целом ряде станиц казаки восставали против Советской власти», – писал П.Н. Врангель [31, ч. 2, с. 214]. Но Дон оказался пуст (боеспособные казаки были мобилизованы в Красную Армию и отправлены на Польский фронт), а на Кубани сработали последствия самостийнической пропаганды.

Крупные успехи разведки белых правительств Юга России имели место, когда удавалось установить связь с подпольными организациями в крупных городах или штабах Красной Армии. Так, полковник А.Л. Носович, командир лейб-гвардии Уланского Его Величества полка в мае 1918 г. с одобрения Московской подпольной организации Добровольческой армии вступил в Красную Армию, получил назначение на должность начальника штаба Северо-Кавказского военного округа, помощника командующего Южным фронтом. 11 октября 1918 г. он, имея точные данные о предстоящем наступлении войск фронта, а также коды и шифры, бежал к белым. В результате наступление красных было сорвано рядом ударов на стыках фронтов 8-й, 9-й и 10-й армий.

«Действовавшие в советских штабах белогвардейские разведчики не имели постоянной связи со своим руководством, что значительно осложняло передачу секретных сведений о силах и средствах противника, планах его командования, поэтому они в основном сосредоточили усилия на дезорганизации работы органов управления красных войск» [9, с. 353].

В Царицыне действовала тайная офицерская организация во главе с полковником Адамсом, которая передавала собранные разведывательные данные особому отделению отдела Генштаба Военного управления ВСЮР [9, с. 348]. Выходя к Царицыну летом 1919 г., командующий Кавказской добровольческой армией П.Н. Врангель имел подробную информацию о

силах противостоящего ему противника [31, ч. 1, с. 256, 266].

Планируемое на 15 августа 1919 г. наступление войск советского Южного фронта в двух направлениях – на Нижний Дон и на Харьков – сорвалось отчасти потому, что белой разведке стал известен приказ председателя РВСР Л.Д. Троцкого об этом наступлении.

10 августа белое командование бросило в тыл противника 4-й Донской конный корпус генерала К.К. Мамонтова, который захватил г. Козлов, где находился штаб Южного фронта красных, что сильно повлияло на ход событий.

Примерно в то же время начальник штаба Донской армии генерал Кельчевский послал агентов в формирующийся в Саранске корпус красных казаков Миронова (корпус формировался из мобилизованных красными хоперских казаков – около 5 тыс. чел.), поскольку получил сведения об антибольшевистских настроениях в нем. Кроме того, агенты были посланы в Пензенские леса, где скрывались от мобилизации тысячи крестьян. Агенты должны были связать и «мироновцев» и дезертиров с Мамонтовым «для совместных действий». Мамонтов обещал вооружить дезертиров и не вмешиваться в их «внутренний распорядок» [32].

Во время рейда к Мамонтову из Саранска, из формируемого красного казачьего корпуса Миронова прибыла группа офицеров – есаул Попов, сотники Орлов и Низельщиков. Они сообщили, что Миронов решил бороться с большевиками. Кроме того, к Мамонтову с тем же сообщением «проездом из Орла», где он получал седла для корпуса Миронова, прибыл сотник Марков [33]. Как известно, корпус Миронова восстал и самовольно двинулся на фронт. Коннице Буденного пришлось его разоружать.

Подготовка очередного наступления большевиков на Юге тоже не была тайной для белых, «разведка смогла предупредить белогвардейское командование о концентрации сил красных и вероятном направлении удара их армий» [9, с. 358]. Белая разведка знала о заключенном между большевиками и поляками соглашении, на основании которого большевики снимали войска с Польского фронта и перебрасывали их против Деникина [9, с. 363].

Контрразведывательная служба тоже приносила плоды. Таганрогский центр в декабре 1918 – январе 1919 г. дал информацию о скрытой борьбе между большевистскими и петлюровскими организациями на соседней Украине.

В апреле 1919 г., когда большевики подходили к Ростову, силами двух контрразведок (донской и добровольческой) по распоряжению генерала Врангеля в городе был произведен ряд арестов и сорвано выступление большевиков. «Имелись сведения о прибытии в город целого ряда большевистских агентов и намерении… вызвать ряд выступлений в городе. В распоряжении обеих контрразведок имелся ряд сведений об отдельных агентах большевиков.

Я приказал в ту же ночь арестовать всех намеченных контрразведкой лиц… В ту же ночь было арестовано до 70 человек. Среди них занимавший довольно видное положение в городе присяжный поверенный Ломатидзе. Последнего в числе шести наиболее видных большевистских деятелей я немедленно придал военно-полевому суду, приговорившему их к смертной казни… Через день после ареста приговор был приведен в исполнение. Решительность, проявленная властью, несомненно возымела действие. Ни в эти дни, ни после, никаких выступлений не было» [31, ч. 1, с. 210–211].

Итак, генерал Врангель на донской территории приказал провести аресты и придал арестованных суду без производства дознания и следственного акта, что было нарушением законов Всевеликого войска Донского. Прокуратуру тоже проигнорировали. Но Врангель уехал на фронт и работа вновь пошла в законном русле.

В мае 1919 г. контрразведка Кавказской добровольческой армии захватила в Ростове подпольную типографию газеты «Донская беднота» и подпольный комитет на конспиративной квартире по адресу 6-я улица, № 153.

Выявленные и арестованные подпольщики после дознания были переданы в судебно-следственную комиссию Кавказской добровольческой армии, та передала дело в Ростовскую окружную судебно-следственную комиссию, а та – в военно-полевой суд Ростова и Нахичевани-на-Дону.

8 человек были приговорены к расстрелу, 5 получили 10 лет каторги, 1 – 6 лет каторги, 9 человек оправданы [12, с. 154]. Приговоренным к расстрелу смертную казнь заменили каторжными работами [12, с. 209].

И все же «отсутствие системы подбора кадров, коррупция во всех эшелонах власти способствовали проникновению в белогвардейские органы безопасности авантюристов, мошенников, жуликов, промышлявших шпионажем личностей, зачастую являвшихся агентами

нескольких спецслужб» [9, с. 191–192]. «Много большевиков, т.н. подпольщиков, нанимались в контрразведку в качестве агентов наружного наблюдения, имея возможность предупреждать свою брашку о предстоящем аресте и давать неправильные сведения. Еще за это получать жалование» [12, с. 186].

В итоге донская контрразведка допустила ряд крупных просчетов. Агентурная разведка красных, работавшая в штабе Донской армии в Миллерово, предупредила командование Красной Армии о втором рейде Мамонтова [34], имевшее, как явствует из документов, план наступления Донской армии. 22 сентября (5 октября) главком телеграфировал командованию Юго-Восточного фронта красных: «Я не успел выяснить, какие меры вами приняты после вашего ознакомления с директивой противника. Со своей стороны нахожу необходимым…» [17, с. 512].

Во время операции в Задонье в феврале 1920 г., согласно воспоминаниям одного из участников боев, красное командование знало пароль и отзыв белых донских казаков. В темноте красные столкнулись с обходной колонной белых. «Глухо звучат слова пропуска и отзыва. При гробовом молчании мы начинаем проходить у головы неприятельской колонны» [35, с. 218].

Тяжелое материальное положение на разоренном Гражданской войной Юге, инфляция, невыплата жалования по два-три месяца – вот условия, в которых приходилось работать белым контрразведчикам.

Сам Деникин в «Очерках русской смуты» признавал: «Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густой сетью территорию Юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Киева, Харькова, Одессы, Ростова (донская)» [18, т. 4, с. 173].

В частности, в октябре 1919 г. все чины Одесской портовой контрразведки были арестованы за взяточничество.

Особенно тяжелой ситуация стала, когда белые были выдавлены в Крым. Перебежчик от белых давал такие показания: «При разведывательном отделе собралась публика, которая только получает деньги, кутит, занимается казнокрадством. Люди, посылаемые в Россию, ненадежны, ибо мало офицеров, которые верили бы в дело Врангеля. Организаторы труд агентов не оплачивают, а деньги присваивают себе на случай отплытия» [15, т. 1, кн. 1, с. 115].

После разгрома армии Врангеля в Крыму осталось более 300 лиц, так или иначе связанных с контрразведкой [36, с. 105].

Однако значительная часть сотрудников белых спецслужб продолжили борьбу и в эмиграции, используя для этого структуры Русского общевоинского союза (РОВС).

В целом органы разведки и контрразведки, организованные антибольшевистскими структурами на Юге России, не смогли эффективно решать ставящиеся перед ними задачи, поскольку донские военные структуры не имели соответствующего опыта и опирались на привлеченные со стороны элементы, на «русских» (неказачьих) офицеров, а командование Добровольческой армии по идейным соображениям отказалось привлекать к указанной деятельности кадры, наиболее подготовленные к ней своей прежней службой.

Литература

1. Чекисты Дона : очерки / сост. М.Н. Ровенский, К.Н. Хохульников. Ростов н/Д. : Рост. книжное изд-во, 1983. 144 с.

2. На страже Отечества : документы, воспоминания, очерки. Ростов н/Д. : Юг, 1998. 248 с.

3. Чекисты Дона : очерки, интервью. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2003. 164 с.

4. На страже Отечества : очерки, статьи, интервью, документы. Ростов н/Д. : Омега-принт, 2008. 496 с.

5. *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка (1914–1920): организационное строительство. М. : Крафт+, 2004. 240 с.

6. *Иванов А.А*. Рожденная контрреволюцией. Борьба с агентами врага. М. : ЭКСМО, 2009. 44 с.

7. Государственная безопасность России: история и современность. М. : РОССПЭН, 2004. 814 с.

8. *Кудряков А.Ю., Нетесов А.В.* История Донского жандармского управления : в 3 т. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. Т. 1. 176 с.

9. *Кирмель Н.С*. Спецслужбы белого движения. 1918–1922. М. : Вече, 2013. 400 с.

10. *Бортневский В.Г.* Белая разведка и контрразведка на Юге России во время Гражданской войны // Отечественная история. 1995. № 5.

11. *Цветков В.Ж*. Спецслужбы (разведка и контрразведка) белого движения в 1917–1922 годах // Вопросы истории. 2001. № 10.

12. *Селезнев Ю.В*. Кракелюр парсун (компаратив) к истории Всевеликого войска Донского. Ростов н/Д., 2007. 553 с.

13. *Венков А.В*. Донская армия. Организационная структура и командный состав 1917–1920 гг. Вып. 1. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 422 с.

14. *Сидоров В.С.* Крестная ноша. Трагедия казачества. Ростов н/Д. : Гефест, 1994. 512 с.

15. Русская военная эмиграция 20–40-х годов : документы и материалы. Т. 1–5. М. : Гея, 1998–2010.

16. Документы героических лет. 1917–1920 гг. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1987. 334 с.

17. Директивы главного командования Красной Армии. М. : Воениздат, 1969. 884 с.

18. *Деникин А.И*. Очерки русской смуты. Т. 1–5. Минск : Харвест, 2002.

19. *Врангель П.Н*. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Т. 1–2. М. : Терра, 1992.

20. *Турло С.С., Залдат И.П.* Шпионаж // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М. : Кучково поле, 2007. 640 с.

21. *Галин В.В.* Запретная политэкономия. Красное и белое. М. : Алгоритм, 2006. 608 с.

22. *Волков С.В*. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб. : Нева, ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 672 с.

23. *Зданович А.А*. Свои и чужие – интриги разведки. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 317 с.

24. Архив УФСБ РО. Д. П-63162. Т. 1. Л. 135.

25. Вечернее время. 1919. № 215. 9 марта.

26. Архив УФСБ РО. Д. П-53378. Т. 1.

27. *Ленин В.И.* Биографическая хроника. Т. 7. С. 602.

28. Приазовский край. 1919. 26 окт. (11 нояб.).

29. . Приазовский край. 1919. 1 (14) нояб.; 20 окт. (2 нояб.).

30. Архив русской революции : в 22 т. Т. 5. Берлин : Слово, 1922. С. 358.

31. *Врангель П.Н.* Южный фронт. Ч. 1–2. М. : Терра, 1992.

32. *Падалкин А*. Дополнение к труду Е. Ковалева // Родимый край. 1960. № 31. С. 5.

33. Родимый край. 1955. № 37. С. 24.

34. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 31. Л. 5.

35. Боевой путь блиновцев: история боев и походов 5-й Ставропольской им. тов. Блинова кавалерийской дивизии. 1919–1929. Ставрополь : Северный Кавказ, 1930. 235 с.

36. *Литвин А*. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М. : ЭКСМО, 2004. 505 с.

References

1. *Chekisty Dona* [Don Chekists]. Essays. Com. by M.N. Rovenskii, K.N. Khokhul'nikov. Rostov-on-Don: Rost. knizhnoe izd-vo, 1983, 144 p.

2. *Na strazhe Otechestva* [On the Watch of the Fatherland]. Documents, Memoirs, Essays. Rostov-on-Don: Yug, 1998, 248 p.

3. *Chekisty Dona* [Don Chekists]. Essays, Interviews. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 2003, 164 p.

4. *Na strazhe Otechestva* [On the Watch of the Fatherland]. Articles, Intervews, Documents. Rostov-on-Don: Omega-print, 2008, 496 p.

5. Zdanovich A.A. *Otechestvennaya kontrrazvedka (1914–1920): organizatsionnoe stroitel'stvo* [Domestic Counterintelligence (1914-1920): Organizational Construction]. Moscow: Kraft+, 2004, 240 p.

6. Ivanov A.A. *Rozhdennaya kontrrevolyutsiei. Bor'ba s agentami vraga* [Born by Counterrevolution. Fighting of Enemy Agents]. Moscow: EKSMO, 2009, 44 p.

7. *Gosudarstvennaya bezopasnost' Rossii: istoriya i sovremennost'* [State Security of Russia: History and Modernity]. Moscow: ROSSPEN, 2004, 814 p.

8. Kudryakov A.Yu., Netesov A.V. *Istoriya Donskogo zhandarmskogo upravleniya* [History of the Don Gendarmerie]: in 3 vol. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2017, vol. 1, 176 p.

9. Kirmel' N.S. *Spetssluzhby belogo dvizheniya. 1918–1922* [Special Services of White Movement. 1918-1922]. Moscow: Veche, 2013, 400 p.

10. Bortnevskii V.G. Belaya razvedka i kontrrazvedka na Yuge Rossii vo vremya Grazhdanskoi voiny [White Intelligence and Counterintelligence in the South of Russia during the Civil War]. *Otechestvennaya istoriya*. 1995, No. 5.

11. Tsvetkov V.Zh. Spetssluzhby (razvedka i kontrrazvedka) belogo dvizheniya v 1917–1922 godakh [Special Services (Intelligence and Counterintelligence) of the White Movement in 1917-1922]. *Voprosy istorii*. 2001, No. 10.

12. Seleznev Yu.V. *Krakelyur parsun (komparativ) k istorii Vsevelikogo voiska Donskogo* [Craquelure Parsun (Comparative) to the History of the All-Great Don Army]. Rostov-on-Don, 2007, 553 p.

13. Venkov A.V. *Donskaya armiya. Organizatsionnaya struktura i komandnyi sostav 1917–1920 gg.* [The Don Army. Organizational Structure and Command Structure 1917-1920]. Iss. 1. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2014, 422 p.

14. Sidorov V.S. *Krestnaya nosha. Tragediya kazachestva* [The Burden of the Cross. The Tragedy of the Cossacks]. Rostov-on-Don: Gefest, 1994, 512 p.

15. *Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-kh godov* [Russian Military Emigration of the 20-40s]. Documents and Materials. Vol. 1-5. Moscow: Geya, 1998-2010.

16. *Dokumenty geroicheskikh let. 1917–1920 gg*. [Documents of Heroic Years. 1917-1920]. Rostov-on-Don: Rostizdat, 1987, 334 p.

17. *Direktivy glavnogo komandovaniya Krasnoi Armii* [Directives of the Red Army Main Command]. Moscow: Voenizdat, 1969, 884 p.

18. Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty* [Essays on the Russian Troubles]. Vol. 1-5. Minsk: Kharvest, 2002.

19. Vrangel' P.N. *Vospominaniya generala barona P.N. Vrangelya* [Memories of General Baron P.N. Wrangel]. Vol. 1-2. Moscow: Terra, 1992.

20. Turlo S.S., Zaldat I.P. [Espionage]. *Antologiya istorii spetssluzhb. Rossiya. 1905–1924* [Anthology of the History of Special Services. Russia. 1905-1924]. Moscow: Kuchkovo pole, 2007, 640 p.

21. Galin V.V. *Zapretnaya politekonomiya. Krasnoe i beloe* [Forbidden Political Economy. Red and White]. Moscow: Algoritm, 2006, 608 p.

22. Volkov S.V. *Beloe dvizhenie. Entsiklopediya Grazhdanskoi voiny* [White Movement. Encyclopedia of the Civil War]. Saint Petersburg: Neva, OLMA-PRESS, 2003, 672 p .

23. Zdanovich A.A. *Svoi i chuzhie – intrigi razvedki* [Own and Others' - Intelligence Intrigue]. Moscow: OLMA-PRESS, 2002, 317 p.

24. *Arkhiv UFSB RO* [Archive UFSB PO]. D. P-63162. Vol. 1. L. 135.

25. *Vechernee vremya*. 1919, No. 215, March 9.

26. *Arkhiv UFSB RO* [Archive UFSB PO]. D. P-53378. Vol. 1.

27. Lenin V.I. *Biograficheskaya khronika* [Biographical Chronicle]. Vol. 7, p. 602.

28. *Priazovskii krai*. 1919, Oct. 26 (Nov. 11).

29. *Priazovskii krai.* 1919, Nov. 1 (14); Oct. 20 (Nov. 2).

30. *Arkhiv russkoi revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution]: in 22 vol. Vol. 5. Berlin: Slovo, 1922, p. 358.

31. Vrangel' P.N. *Yuzhnyi front* [Southern Front]. Ch. 1-2. M Moscow: Terra, 1992.

32. Padalkin A. Dopolnenie k trudu E. Kovaleva [Supplement to the Work of E. Kovalev]. *Rodimyi krai*. 1960, No. 31, pp. 5.

33. *Rodimyi krai*. 1955, No. 37, p. 24.

34. *TsDNIRO*. Fund 12. In. 3. File 31. L. 5.

35. *Boevoi put' blinovtsev: istoriya boev i pokhodov 5-i Stavropol'skoi im. tov. Blinova kavaleriiskoi divizii. 1919–1929* [Combat Way Pannevtsy: the History of Battles and Campaigns of the 5th Stavropol named after Comrade Blinov Cavalry Division. 1919-1929]. Stavropol: Severnyi Kavkaz, 1930, 235 p.

36. Litvin A. *Krasnyi i belyi terror v Rossii. 1918–1922 gg*. [Red and White Terror in Russia. 1918-1922]. M Moscow: EKSMO, 2004, 505 p.

Поступила в редакцию / Received ***30 января 2018 г. / January 30, 2018***

УДК 94(100)"1939/45" DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-86-93

СИСТЕМА ПОБУДИТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ И СТРАТЕГИЙ ВЫЖИВАНИЯ «ВОСТОЧНЫХ РАБОЧИХ» В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ (В СВЕТЕ ТЕОРИИ Э. ФРОММА)

© 2018 г. Н.А. Гаражa[a], Г.Э. Ирицян[a]
[a] Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Новороссийск, Россия

THE SYSTEM OF INCENTIVES AND STRATEGIES FOR THE SURVIVAL OF THE "EASTERN WORKERS" IN THE THIRD REICH (IN THE LIGHT OF E. FROMM'S THEORY)

N.A. Garazha[a], G.E. Iritsyan[a]
[a] Novorossiysk Branch, Financial University under the Government of the Russian Federation, Novorossiysk, Russia

Гаражa Наталия Алексеевна –
кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой информатики,
математики и общегуманитарных наук,
Новороссийский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
ул. Видова, 56, г. Новороссийск, 353907, Россия.
E-mail: ngarazha@yandex.ru

Nataliia A. Garazha -
Candidate of History, Associate Professor,
Head of the Department of Informatics,
Mathematics and Humanities,
Novorossiysk Branch, Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Vidova St., 56, Novorossiysk, 353907, Russia.
E-mail: ngarazha@yandex.ru

Ирицян Гурген Эдмондович –
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры информатики,
математики и общегуманитарных наук,
Новороссийский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
ул. Видова, 56, г. Новороссийск, 353907, Россия.
E-mail: girits@yandex.ru

Gurgen E. Iritsyan -
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor, Department of Informatics, Mathematics and Humanities,
Novorossiysk Branch, Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Vidova St., 56, Novorossiysk, 353907, Russia.
E-mail: girits@yandex.ru

Исследуются детерминанты поведения миллионов советских граждан, чей подневольный труд использовала нацистская Германия в годы Великой Отечественной войны, а также местного гражданского населения Третьего рейха, которое в процессе совместного труда и организации быта с «восточными рабочими» формировало свое отношение к ним, утверждаясь или противореча пропагандистским клише.

В качестве основных гипотез используются теория Э. Фромма о социальной обусловленности личности человека и современный этологический подход, делающий акцент на наследственных, биологических основах поведения людей. Анализ поведенческих реакций и ценностных установок участников процесса принудительного трудоиспользования советских граждан показал, что окончательные выводы об истинности посылов Э. Фромма и ложности Д. Свааба преждевременны. Человек в искусственно создаваемых условиях несвободы может ориентироваться как на образцы поведения, заимствуемые ситуативно или из предшествующего социального опыта, так и быть последовательно консервативным в своих реакциях на происходящее вокруг.

Ключевые слова: *«восточные рабочие», остарбайтеры, Эрих Фромм, Великая Отечественная война, свобода.*

The article explores the determinants of millions of Soviet citizens' behavior whose servitude was used by Nazi Germany during the Great Patriotic War as well as the local civilian population of the Third Reich, who, in the process of joint labor and organization of everyday life with the «eastern workers», formed their own attitude about them, contrary to propaganda statements.

As the main hypotheses, E. Fromm's theory about the social conditioning of the person's personality and the modern ethological approach is used, which emphasizes the hereditary, biological foundations of people's behavior. The analysis

of behavioral reactions and values attitudes of participants in the process of forced labor utilization of Soviet citizens showed that the final conclusions about the truthfulness of E. Fromm's messages and the falsity of D. Swaab are premature. A man in artificially created conditions of lack of freedom can be guided either by behavioral patterns borrowed from situational or from previous social experience, and be conservative in his often unconscious reactions to what is happening around.

Keywords: *«Eastern workers», Ostarbeiters, Erich Fromm, Great Patriotic War, freedom.*

В период Великой Отечественной войны порядка 5 млн советских граждан было вывезено в Третий рейх с целью трудоиспользования («восточные рабочие», или остарбайтеры), не считая военнопленных, которые также активно привлекались на работы, в том числе на производства военно-промышленного комплекса. Вопросы, связанные с доставкой, нахождением советских граждан на территории рейха и репатриацией, освещены в работах представителей европейской, советской и постсоветской исторических школ. На настоящий момент можем выделить таких авторов, как У. Герберт (Германия), В. Земсков, П. Полян (Россия), Т. Пастушенко и Г. Гринченко (Украина) [1–5]. Тем не менее исследовательское поле по проблеме нельзя назвать вполне освоенным: вопросы, связанные с процессом адаптации в Германии и последующей ресоциализацией, условия взаимодействия с местным населением, влияние нацистской пропаганды на «восточных рабочих» и другие, требуют глубокого осмысления, в том числе с привлечением новых источников. Сама специфика проблемы подразумевает особое значение источников личного происхождения. Именно они дают богатый материал о субъективном восприятии процессов окружающей военной действительности, а в зависимости от уровня образования и глубины рефлексирования авторов высвечивают ординарное и уникальное, доминирующее или случайное в жизни авторов и их окружения в конкретной исторической ситуации. Можем отметить, что данная проблема насыщена подобными свидетельствами, которые в последнее время активно вводятся в научный оборот [6–8].

Но историк нуждается в определенном мировоззренческом ориентире, в социально-философской поддержке для более полного понимания хрупких механизмов человеческих побудительных мотивов и поведенческих реакций. Речь идет не о подмене исторического исследования философским или психологическим, а о возможном диалоге, союзе межпредметного благоприятствования интенсификации и расширения знания, в частности – о пережитом опыте миллионами советских граждан, оказавшихся на территории Третьего рейха и занятых во всех отраслях промышленности, сельском хозяйстве, домашнем услужении.

Ситуация пребывания в состоянии неволи и принудительного труда, сопровождавшегося в большинстве случаев насилием и унижением, риском для жизни приводила к поискам новых «психодуховных ориентаций». Именно любовь, по мнению Э. Фромма, дает единственно верный и «удовлетворительный ответ на проблему человеческого существования» [9, с. 83–84]. Обращение к любви способствовало устранению оторванности «восточных рабочих» друг от друга, преодолению дихотомий существования, восстановлению гармонии с социальной группой и обществом в целом.

Анализируя материал писем и воспоминаний остарбайтеров, мы приходим к выводу о широкой трактовке понятия «любовь», включавшего в себя дружбу, привязанность, уважение коллективных интересов – всего, что позволяло человеку сохранять связь с родиной и прошлой жизнью, а также надежду на будущее. Характерными были маленькие дружеские коллективы, формируемые по месту работы, проживания и по общности интересов, поведенческих стереотипов, уровню образования. Мы находим множество примеров взаимопомощи и поддержки даже малознакомых людей. Участие в любой форме особенно высоко ценилось в экстремальной ситуации неволи («…на войне, когда жизнь человека так дешева, так быстро привыкаешь к тому, кто относится к тебе с вниманием…» [10, л. 24]).

Через любовь и в любви, по мнению В. Франкла, могло наступить освобождение для невольников концлагерей, рабочих лагерей и команд, в способности «последним взлетом чувства собственного достоинства противопоставить себя действительности». Пусть не много, но были люди, которые делились последними крохами хлеба, говорили ближним добрые слова сочувствия и поддержки. Именно их пример подтверждает, что в концлагере у человека можно отнять все, кроме последнего – человеческой свободы. Именно от человека зависел выбор:

стать сильнее обстоятельств или сломаться, сохранить внутреннюю свободу или раствориться в массе [11, с. 76–79, 99–106].

Тему любви в качестве романтических отношений между мужчиной и женщиной бывшие «восточные рабочие» не любят обсуждать даже по прошествии десятилетий. Крайне редки были внутригрупповые брачные союзы, сохранившиеся и после освобождения, информация же об отношениях с немцами в целом табуируется. Последнее было связано либо с репрессиями после репатриации в СССР за связь с врагом, либо частыми ситуациями насилия в Германии, что подтверждено исследователями [12, с. 385], иногда несмело фиксировалось самими «восточными рабочими».

Еще раз подчеркнем, что в исследуемой нами проблеме логично наличие существенного исключения: в ареал конструирования социально комфортного окружения не попадали немцы в силу напряжения, вызванного войной, антисоветской и антирусской пропагандой и отданности судеб советских граждан на произвол хозяев ферм и предприятий, которые не всегда рачительно относились к легко приобретаемой рабочей силе. И даже в случае налаживания отношений – партнерских или приятельских – дистанция четко соблюдалась, сохранялся определенный статус отчужденности.

Далее Э. Фромм в своих рассуждениях восходит к другой дефиниции – «экзистенциальные потребности человека», понимая под ней то, что человек – единственное живое существо, для которого собственное существование является проблемой [13, с. 244]. Конечным этапом решения проблем человека выступает смерть, которая ограничивает реализацию человеческих возможностей. Таким образом, философ превратил отчуждение в вечное свойство человеческого существования, а самого человека – в объект воздействия неведомых сил [14, с. 48]. В этом контексте мы обращаем внимание на частые размышления остарбайтеров о смерти. Некоторые постоянно находили в себе признаки ее приближения, другие, несмотря ни на что, радовались каждому прожитому мгновению и старались сделать его более насыщенным, были те, кто в порыве отчаяния желали смерти.

Советские граждане в Германии, особенно те, кто содержался в лагерях, усваивая опыт организации своей жизни в них, четко знали признаки наступающей смерти: и физиологические, и психологические («…Еще вчера. Когда принес картошку, я уже не чувствовал ни рук, ни ног, наступал период смерти» [15, с. 216]). Но каждый мог делать персональный выбор: бороться или сдаться. Далее следовал выбор границ допустимого в этой борьбе за жизнь. При этом ни у одного человека не было уверенности ни в чем, ее лишали сразу же, как только люди попадали во власть Третьего рейха [16]. Так, Василий Пахомов свой дневник назвал «Сегодня жив, а завтра не знаю…» [16, с. 400–401]; а майкопчанин Федор Даренский письма маме заканчивал фразой «остаюсь жив» [17].

Мечта о возвращении на Родину, к любимым людям, к своей довоенной жизни, пусть и видимой в более мягких и романтичных красках прорастает в рассуждении Э. Фромма о том, что богатство человека заключено в максимальной его открытости жизни, всем ее веяниям, перипетиям, интересным встречам, внезапностям и закономерностям. Поэтому оптимистично настроенные люди, стремящиеся из любой ситуации извлечь опыт, и не только негативный, были наиболее адаптивны в Германии («…Тяжелая жизнь во время войны. Кончится война и все радостное вернется и там достичь все можно. Хозяйством управлять научилась. Были бы только все живы здоровы…» [18, л. 59]).

Таким образом, тот факт, что вся жизнь человека заключена в поддержании инстинкта жизни, говорит о человеке как об активном субъекте своей судьбы, учитывая стремление к постоянной социализации. Поэтому глубинный смысл существования человека Э. Фромм видит в различных способах решения основной проблемы, заключающейся в противоречии между свободой и безопасностью. В поисках безопасности люди порой добровольно жертвуют свободой – бременем, которое трудно даже осознать [19, с. 84]. Свобода может и должна характеризоваться не только отсутствием внешнего принуждения, но и внутреннего. Точнее, она должна быть детерминирована силой и твердостью воли, быть нравственно обусловленной и сопровождаться свободой выбора жизненной позиции и принципов.

Человек свободен, когда волит бытие самим собой, когда желает и следует желанию быть самим собой. Свобода и несвобода – не контрадикторные, а контрарные противоположности. Внутреннее, волевое ощущение и понимание свободы побуждало к бесстрашному сопротивлению врагу даже в столь жестких условиях. Что

выражалось в различных формах: от индивидуального отказа работать [20, с. 33] до организованного саботажа и актов вредительства на рабочем месте. Во многих лагерях действовали организованные группы, которые ставили перед собой задачи помощи и поддержки товарищей, вели пропагандистскую и подрывную работу. Планировали побеги и даже восстания. Например, в лагере советских военнопленных № 4 б в городе Мюльберге-на-Эльбе с июля 1943 по апрель 1945 г. действовала нелегальная организация ВКП(б), ее участники пытались скрыть как можно больше людей, особенно специалистов, которых немцы хотели отправить на предприятия в Германию. Для этой цели использовалась санитарная часть лагеря. Одновременно пользуясь слабой медицинской подготовкой врачей, обслуживавших лагерь, сотни здоровых военнопленных получили справки на инвалидность [21, л. 5–5 об.].

Примечателен также пример летчика Валентина Ситнова, который прятал свою Звезду Героя в Освенциме: в кулаке, за щекой, в бинтах, с помощью товарища, и даже не был при этом выдан старшим по блоку. «Мы, мужчины, уже пережили немало, видели смерть и кровь и не были сентиментальны. Немногим людям в лагере была показана Золотая Звезда, но каков бы ни был человек: пожилой или молодой, сдержанный или порывистый, закаленный или еще неискушенный и неопытный – никто не мог, увидев золотой символ Родины, сдержать слез», – вспоминал его товарищ по лагерному бараку [22, с. 13]. Это замечательный пример противостояния унижениям, оскорблениям и насилию, но в большей степени – это пример противодействия настойчивым стремлениям уничтожить связь человека с Родиной, деперсонифицировать его, лишив надежды и веры в себя.

Свобода в этом случае феноменологически представляет собой некоторое базовое состояние, относящееся более к возможности, чем к акту ее осуществления, конкретному событию. Если я испытал свободу, то тем самым уже обрел ее. «Свобода производит... свободу» [23, с. 365]. Этот тезис подтверждался в действиях, в образе жизни и мышлении многих наших граждан, оказавшихся на работах в Германии. Свобода выбора – это иногда предпочтение меньшего.

Свобода нашего выбора есть действие, обусловленное нашей волей, которая склонна к чувственным благам, отречение и жертва оказываются весьма трудными и на нее способны только редкие натуры. Возможно поэтому строгая самодисциплина для многих советских людей, оказавшихся в условиях насильственного трудоиспользования на самых сложных и тяжелых работах, переживавших бытовые неудобства и насилие, стала фактором сохранения себя. Эта стратегия выживания требовала качеств, являющихся доминантами характеристик свободы – силы воли, цельности характера и твердости духа. Л.П. Мушникова в своих воспоминаниях об Освенциме тонко подмечает это, говоря о том, что именно люди, «внутренне готовые к борьбе», могли преодолевать чувство подавленности, которое страшнее холодного душа, и старались выжить, общаться с товарищами [24, с. 60]. Люди же, опускавшиеся, не следившие за собой, своей одеждой, быстро погибали. Теряя интерес к жизни, отрываясь от реальности, не отвлекаясь от переживаний и монотонной тяжелой работы, они утрачивали адекватное восприятие реальности, а с душевными силами уходили и физические. В подобной экзистенциальной пограничной ситуации в непосредственной близости от смерти, в состоянии страдания человек открывает свою сущность. Самые неожиданные колебания судьбы вскрывают его потаенные, но всегда присутствующие потенции.

В целом перед нами предстает картина, когда люди, принадлежащие к разным возрастным, этническим и социальным группам, волею судеб оказавшиеся в Германии, оторванные от своего дома и сложившегося уклада жизни, не просто принимали новую жизненную ситуацию, смирялись или пытались в ней адаптироваться, но осмысливали себя в ней. Поэтому мы вправе гордиться людьми, которые сохранили веру в себя, веру в человека и человечность, не превратились всего лишь в «механизм рефлексов», справились со своими «экзистенциальными потребностями», приобретя жизненный опыт взаимодействия в группе, сохраняя силы духа, концентрацию на положительных эмоциях и получение радости от мини-событий.

Также нам представляется интересным выявить палитру мотивов населения Германии воспринимать советских граждан в качестве людей с ограниченными правами или без прав, причины распространения насильственных методов в «работе» с гражданским населением оккупированных территорий при вербовке их на работы через призму идей Э. Фромма.

Обосновывая общественно-историческую обусловленность характера и личности человека,

Э. Фромм вводит понятие «социального характера» как связующего звена между психикой индивида и социальной структурой общества. Бессознательные психологические механизмы, регулирующие отношения человека и общества, могут приобретать деструктивные стремления человека разрушать мир, и даже автоматический конформизм, позволяющий принимать чуждые ценности и убеждения. При этом «цена, которую платит человек, велика — это потеря самого себя» [19, с. 201]. Так, превращение нацистского режима во все более откровенную форму преступной системы происходило в намерении связать всю нацию с режимом чудовищными преступлениями, привить людям сознание сообщников [24, с. 203]. Наведение порядка и лозунги об утверждении справедливости – социальной, национально-государственной – стали своеобразной платой за происходящее.

Когда населению Германии активно транслировались характеристики граждан СССР, как, например, «их души такие же убогие, как и их одежда, бесчувственные и тупые, как их лица» [25, л. 37], они в большинстве своем закреплялись в сознании людей. Правильно выстроенные механизмы воздействия на массовое сознание активизировали побудительные или запретительные рычаги выбора человеком его линии поведения в повседневной жизни. Так, например, оберфельдфебель Ниггеман Отто, служивший при штабе верховного командующего Украины, давал впоследствии показания об отсутствии каких-либо распоряжений, в которых немецким военным приказывалось бы плохо обходиться с военнопленными: «Где проявлялись перегибы, грубое обхождение и зверства против военнопленных, так это войска делали сами от себя. Мое объяснение – большинство солдат, преимущественно молодых, было затуманено нацистской геббельсовской пропагандой и нацистскими воспитательными методами, которыми молодые люди были сознательно приучены к грубости» [26, л. 4 об].

Более того, причина в потакании всему происходящему при нацизме заключалась в восприятии немцами в качестве аксиомы авторитета государства, особенно всесильного национального государства. Еще Г.В.Ф. Гегель, рассуждая о смысле развития мировой истории, писал, что именно германский мир венчает всю историю [27, с. 366–455]. Далее идеи германского национализма стабильно вошли в политический и даже повседневный дискурс. По определению Э. Фромма, германский народ сам готов был расстаться со свободой [28, с. 540–541] и следовать заданному ему курсу. Ответственность за свою судьбу, связанная с личной свободой, порою – невыносимая ноша для многих. Как человек реагирует на преобразования внешней обстановки тем, что изменяется сам, так и немцы приспосабливались из чувства самосохранения или воспринимали предлагаемое новое качество жизни как нормальное. К. Ясперс приводит пример студента, принимавшего участие в еврейском погроме. На вопрос, верит ли он в справедливость и оправданность происходящего, молодой человек произнес: «Нет, я в это не верю, но в это надо верить» [29, с. 498]. Очевидно, что даже бесчеловечная, самая иррациональная ориентация, когда ее разделяет значительное число людей, дает индивиду чувство единства, определенной безопасности и стабильности. «Нет ничего такого уж злого и иррационального, что не могло бы давать какого-то комфорта, когда это разделяется группой», – писал Э. Фромм [30, с. 165].

Таким образом, на конкретном историческом материале находит свое подтверждение ключевая в учении Э. Фромма идея социальной обусловленности поведения человека и в целом процесса формирования личности. Утверждение основано на принципе, что структура личности среднего индивида и социально-экономическая система общества теснейшим образом взаимообусловлены. Социальная среда для личности оказывается более значимой, чем ее инстинкты, в том числе инстинкт пола. По мнению ученого, поведение человека нельзя объяснить на основе раскрытия только биологических механизмов, извечно присущих людям. В частности именно представители инстинктивизма, к которым ученый относит З. Фрейда и К. Лоренца, активно критиковались им в ряде работ.

В связи с этим надо отметить, что творческая активность Э. Фромма пришлась на 40–70-е гг. прошлого века, эпоху, когда научной парадигмой было убеждение в социальной обусловленности человеческого поведения и характера. Так, цитируемая в данной статье книга «Анатомия человеческой деструктивности» вышла в 1973 г., а другие приводимые здесь его работы были написаны еще раньше. С тех пор прошло более 40 лет, и маятник научной парадигмы о детерминантах человеческого поведения вновь качнулся в сторону биологизаторства. Например, один из ведущих современных нейробиологов голландец Д. Свааб пишет по поводу возможности свободной воли у

человека следующее: «Ясно, что наше поведение в значительной степени заложено в нас с момента рождения. Этот взгляд диаметрально противоположный господствовавшей в 1960-х гг. вере в формируемость человека, получил название нейрокальвинизма». В конце главы о возможности свободной воли у людей Д. Свааб задается риторическим вопросом: «Не будет ли наилучшим выходом считать, что полностью свободная воля всего лишь иллюзия?» [31, с. 435, 449].

То, какими мы можем стать, наши потенциональные способности и характер закладываются еще в утробе матери, считают современные биологи, а окружающая среда в виде общества остается во многом только фоном, который существенным образом не влияет на человека. Конечно, общественная среда может благоприятствовать или, наоборот, препятствовать раскрытию тех или иных способностей и наклонностей, но конструировать из индивида что-либо, чего не было в его наследственности, социум не способен. «Генетические задатки и многочисленные факторы, воздействующие на формирование мозга в утробном периоде накладывают на нас внутренние ограничения; мы не свободны в принятии решений по изменению своей гендерной идентичности, сексуальной ориентации, уровня нашей агрессивности, нашего характера, религии или родного языка». Но в то же время нейрокальвинисты, анализируя процесс развития отдельного человека, полностью не отрицают и влияние среды: «Мозг младенца раскрывается под влиянием теплой, безопасной и стимулирующей окружающей среды, в процессе продолжающегося обучения, благодаря воздействию родного языка и запечатлению религиозных воззрений ближайшего окружения. И при этом речь идет, так же как и во время пребывания в матке, не о мозге или об окружении, но о тесном взаимодействии между тем и другим» [31, с. 510–512], – пишет тот же Д. Свааб.

Не стоит утверждать и то, что Э. Фромм усматривает детерминанты поведения людей исключительно и только в социокультурных факторах. Он считает, что надо избегать изолированного анализа только биологического, только психического или только социального, поскольку в человеке все сплетено как в уникально едином существе. Фромм в частности поясняет по поводу человеческого характера и социального процесса: «Иными словами, социальные условия влияют на идеологические явления через социальный характер, но этот характер не является результатом пассивного приспособления к социальным условиям; социальный характер – это результат динамической адаптации на основе неотъемлемых свойств человеческой природы, заложенных биологически либо возникших в ходе истории» [19, с. 216].

Поэтому считаем вопрос о мотивах, которыми руководствовались все стороны повседневного процесса принудительного трудоиспользования советских граждан в Третьем рейхе, открытым, также как о характере поведенческих реакций, причинах выбора между жизнью и смертью, борьбой и смирением, насилием и помощью людям, оказавшимся в сложнейшей ситуации неволи и рабского труда.

Литература и примечания

1. *Herbert U.* Hitler’s Foreign Workers: Enforced Foreign Labor in Germany under the Third Reich. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 529 p.

2. *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М.: Ин-т российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 424 с.

3. *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М.: Ваш выбор; ЦИРЗ, 1996. 442 с.

4. *Пастушенко Т.* Остарбайтери з КиЇвщини: вербування, примусова праця, репатриація (1942−1953). Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. 282 с.

5. *Grinchenko G.* (Re)Constructing Suffering: «Fascist Captivity» in Soviet Commemorative Culture // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2013. Vol. 35.

6. *Анваер С.* Кровоточит моя память. Из записок студентки-медички / ред.-сост. Л. Кокин. М.: РОССПЭН, 2005. 208 с.

7. *Михалева А.И.* Где вы, мои родные?... Дневник остарбайтера. М.: АСТ, 2015. 477 с.

8. *Солоухина-Заседателева Р., Карпов Н.* На задворках Победы. Маленький Ostarbeiter. М.: РОССПЭН, 2008. 272 с.

9. *Фромм Э.* По ту сторону порабощающих нас иллюзий: как я столкнулся с Марксом и Фрейдом. Дзен-буддизм и психоанализ. М.: АСТ, 2010. 288 с.

10. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.Р-807. Оп. 1. Д. 65. Л. 24. Из письма В.Н. Антонова-Смульского.

11. *Франкл В.* Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн, 2009. 239 с.

12. *Эванс Р.* Третий рейх. Дни войны. 1939–1945. Екатеринбург; Москва: У-Фактория; Астрель, 2011. 942 с.

13. *Лишин О.В*. Психология деструктивной личности в исследованиях Э. Фромма в свете современной органической психологии в контексте XXI в. // Мир психологии. 2006. № 2. С. 239–248.

14. *Любутин К.Н., Коряковцев А.А.* Гуманистический психоанализ Э. Фромма в контексте концепции самоотчуждения К. Маркса // Философия и общество. 2010. № 2. С. 42–59.

15. *Пахомов В.* Дневник военнопленного и остарбайтера (3 сентября – 23 октября 1943 г.) // «Нам запретили белый свет…» : альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. П. Полян, Н. Поболь. М.: РОССПЭН, 2006. 416 с.

16. *Красноженова Е.Е*. Немецко-фашистская оккупация и движение Сопротивления в Европе в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Астраханского гос. ун-та. 2015. № 15. С. 104–117.

17. Национальный музей Республики Адыгея. АОМ. № 9992/6.

18. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф.Р – 4602. Оп. 1. Д. 4.

19. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Sweden, Nyköping: Philosophical arkiv, Nyköping (Sweden), 2016. 233 с.

20. Они победили смерть. М.: Изд-во политической литературы, 1966. 104 с. Значительная часть узниц лагеря Равенсбрюк была представлена советскими женщинами и девушками, насильственно вывезенными в Германию и отказавшимися работать на производстве или в сельском хозяйстве.

21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 553. Оп. 2. Д. 2.

22. Люди, победившие смерть. Воспоминания бывших узников фашистских лагерей. Л.: Лениздат, 1968. 416 с.

23. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. 416 с.

24. *Фест И.К.* Гитлер. Биография. Т. 3. Пермь: Алетейя, 1993. 544 с.

25. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 125. Д. 38.

26. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф.Р-961. Оп. 1. Д. 200.

27. *Гегель Г.В.Ф*. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 479 с. Ч. 4 : Германский мир.

28. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э.М. Телятникова, Т.В. Панфилова. Мн.: АСТ, 1999. 635 с.

29. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политическая литература, 1991. 530 с.

30. *Фромм Э*. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. 396 с.

31. *Свааб Д.* Мы – это наш мозг: от матки до Альцгеймера / пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. 544 с.

References

1. Herbert U. *Hitler's Foreign Workers: Enforced Foreign Labor in Germany under the Third Reich*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, 529 p.

2. Zemskov V.N. *Vozvrashchenie sovetskikh peremeshchennykh lits v SSSR. 1944–1952 gg* [The Return of Soviet Displaced Persons Back to the USSR. 1944-1952]. Moscow: In-t rossiiskoi istorii RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016, 424 p.

3. Polyan P.M. *Zhertvy dvukh diktatur. Ostarbaitery i voennoplennye v Tret'em reikhe i ikh repatriatsiya* [Victims of Two Dictatorships. Ostarbeiters and Prisoners of War in the Third Reich and Their Repatriation]. Moscow: Vash vybor; CIRZ, 1996, 442 p.

4. Pastushenko T. *Ostarbaiteri z KiЇvshchini: verbuvannya, primusova pratsya, repatriatsiya (1942-1953)*. Kiiv: Institut istoriї Ukraïni NAN Ukraïni, 2009, 282 p.

5. Grinchenko G. (Re) Constructing Suffering: «Fascist Captivity» in Soviet Commemorative Culture. *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 2013, vol. 35.

6. Anvaer S. *Krovotochit moya pamyat'. Iz zapisok studentki-medichki* [My Memory Bleeds. From the Notes of a Female Medical Student]. Ed.-col. L. Kokin. Moscow: ROSSPEN, 2005, 208 p.

7. Mikhaleva A.I. *Gde vy, moi rodnye?... Dnevnik ostarbaytera* [Where are you, my Family? ... Diary of an Ostarbeiter]. Moscow: AST, 2015, 477 p.

8. Soloukhina-Zasedateleva R., Karpov N. *Na zadvorkakh Pobedy. Malen'kii Ostarbeiter* [In the Backyard of the Victory. Little Ostarbeiter]. Moscow: ROSSPEN, 2008, 272 p.

9. Fromm E. *Po tu storonu poraboshchayushchikh nas illyuzii: kak ya stolknulsya s Marksom i Freidom. Dzen-buddizm i psikhoanaliz* [On the Other Side of the Enslaving Illusions: How I Came Across Marx and Freud. Zen Buddhism and Psychoanalysis]. Moscow: AST, 2010, 288 p.

10. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK)* [The State Archives of Krasnodar Region (SAKR)]. Fund R-807. In. 1. File 65. L. 24. Iz pis'ma V.N. Antonova-Smul'skogo [From the Letter of Antonov-Smul'sky].

11. Frankl V. *Skazat' zhizni «Da!»: psikholog v kontslagere* [Say "Yes!" To Life: a Psychologist in a Concentration Camp]. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2009, 239 p.

12. Evans R. *Tretii reikh. Dni voiny. 1939–1945* [Third Reich. The Days of War. 1939-1945]. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel', 2011, 942 p.

13. Lishin O.V. Psikhologiya destruktivnoi lichnosti v issledovaniyakh E. Fromma v svete sovremennoi organicheskoi psikhologii v kontekste XXI v. [Psychology of the Destructive Personality in the Studies of E. Fromm in the Light of Modern Organic Psychology in the Context of the XXI Century]. *Mir psikhologii*. 2006, No. 2, pp. 239-248.

14. Lyubutin K.N., Koryakovtsev A.A. Gumanisticheskii psikhoanaliz E. Fromma v kontekste kontseptsii samootchuzhdeniya K. Marksa [E. Fromm's Humanistic Psychoanalysis in the Context of Karl Marx's Concept of Self-alienation]. *Filosofiya i obshhestvo*. 2010, No. 2, pp. 42-59.

15. Pakhomov V. [Diary of a Prisoner of War and an Ostarbeiter (September 3 - October 23, 1943)]. *«Nam zapretili belyi tsvet…»: Al'manakh dnevnikov i vospominanii voennykh i poslevoennykh let* ["We were Banned from the White Colour ...": Almanac of diaries and memoirs of the war and post-war years]. Col. P. Polyan, N. Pobol'. Moscow: ROSSPEN, 2006, 416 p.

16. Krasnozhenova E.E. Nemetsko-fashistskaya okkupatsiya i dvizhenie Soprotivleniya v Evrope v period Vtoroi mirovoi voiny (1939–1945 gg.) [The German-fascist Occupation and the Resistance Movement in Europe during the Second World War (1939-1945)]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni Astrakhanskogo gos. un-ta*. 2015, No. 15, pp. 104-117.

17. *Natsional'nyi muzei Respubliki Adygeya* [National Museum of Republic Adygeya]. AOM. No. 9992/6.

18. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archives of the Republic of Crimea (SARC)]. Fund R 4602. In. 1. File 4.

19. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Sweden, Nyköping: Philosophical arkhiv, Nyköping (Sweden), 2016, 233 p.

20. *Oni pobedili smert'* [They Defeated Death]. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury, 1966, 104 p. Znachitel'naya chast' uznits lagerya Ravensbryuk byla predstavlena sovetskimi zhenshhinami i devushkami, nasil'stvenno vyvezennymi v Germaniyu i otkazavshimisya rabotat' na proizvodstve ili v sel'skom hozyaistve [A Significant Part of the Prisoners of the Ravensbrück Camp was Represented by Soviet Women and Girls Forcibly Exported to Germany and Refused to Work in Production or in Agriculture].

21. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH)]. Fund 553. In. 2. File 2.

22. *Lyudi, pobedivshiye smert'. Vospominaniya byvshikh uznikov fashistskikh lagerei* [People who Conquered Death. Memoirs of Former Prisoners of Fascist Camps]. Leningrad: Lenizdat, 1968, 416 p.

23. Mamardashvili M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [As I Understand Philosophy]. Moscow: Progress, 1992, 416 p.

24. Fest I.K. *Gitler. Biografiya* [Hitler. Biography]. Vol. 3. Perm: Aleteya, 1993, 544 p.

25. *RGASPI* [RSASPH]. Fund 17. In. 125. File 38.

26. *Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti (GAOO)* [State Archives of Orlov Region (SAOR)]. Fund R 961. In. 1. File 200.

27. Gegel' G.V.F. *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History]. Saint Petersburg: Nauka, 1993, 479 p. Part 4. German World.

28. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti* [Anatomy of Human Destructiveness]. Tr. from Engl. by E.M. Telyatnikov, T.V. Panfilov. Minsk: AST, 1999, 635 p.

29. Yaspers K. *Smysl i naznacheniye istorii* [Meaning and Purpose of History]. Moscow: Politicheskaya literatura, 1991, 530 p.

30. Fromm E. [Psychoanalysis and Religion]. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow: Politizdat, 1989, 396 p.

31. Svaab D. My – eto nash mozg: ot matki do Altsgeimera [We are our Brain: From the Uterus to Alzheimer]. Tr. from Dutch by D.V. Sil'vestrov. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakh, 2014, 544 p.

Поступила в редакцию / Received ***18 декабря 2017 г. / December 18, 2017***

УДК 323:297 (575.3) DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-94-98

ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМИЗАЦИИ КАРАХАНИДОВ (IX – XI ВЕКА)

© 2018 г. С.К. Джамоли [a]
[a] *Курган-Тюбинский государственный университет имени Н. Хусрава, Курган-Тюбе, Таджикистан*

FEATURES OF ISLAMIZATION OF KARA-KHANID (IX - XI CENTURY)

S.K. Jamoli [a]
[a] *Khusraw Kurgan-Tube State University, Kurgan-Tube, Tajikistan*

Джамоли Самариддин Кудбиддин-заде – аспирант, кафедра истории таджикского народа, Курган-Тюбинский государственный университет имени Н. Хусрава, ул. Айни, 67, г. Курган-Тюбе, 735140, Таджикистан. E-mail: Jamoli1@mail.ru

Samariddin K. Jamoli - Postgraduate, Department of History of the Tajik People, Khusraw Kurgan-Tube State University, Ayni St., 67, Kurgan-Tube, 735140, Tajikistan. E-mail: Jamoli1@mail.ru

Рассматривается распространение ислама на землях карлуков на территории Семиречья и восточного Туркестана. После взятия Мавераннахра арабами указанные земли ими не были завоеваны, понадобилось двести лет для распространения ислама на эти территории. Карлуки как воинственное племя более двух веков противостояли армии арабо-мусульман. Мусульманские источники дают развернутые сведения о распространении ислама среди карлуков на востоке Сайхуна (Сирдаря), а также о противостоянии карлуков арабо-мусульманским войскам. Во второй половине XI в. земля карлуков была окончательно исламизирована. Этот процесс шел постепенно и разными путями: через миссионерскую деятельность купцов, политическую связь с саманидским государством, деятельность отдельных мусульманских проповедников. Он был сложным, противоречивым, часто сопровождался конфликтами, и это происходило до тех пор, пока не наступило преобладание исламской культуры над местными древними религиозными традициями.

Ключевые слова: *ислам, исламизация, карлуки, Караханиды, Кашгар, Семиречье, Восточный Туркестан, халифат.*

The spread of Islam on the lands of the Karluks on the territory of the Semirechie and Eastern Turkestan is considered. After the capture of Maverannahr by the Arabs, these lands were not conquered by them, it took two hundred years for the spread of Islam to these territories. Karluks as a warlike tribe for more than two centuries confronted the army of Arab-Muslims. Muslim sources give detailed information about the spread of Islam among the Karluks in the east of Sayhoun (Sirdar), as well as the confrontation of the Karluks with the Arab-Muslim forces. In the second half of the XI century the land of the Karluks was finally islamized. This process proceeded gradually in various ways: through the missionary activity of merchants, political ties with the Samanid state, the activities of individual Muslim preachers. It was difficult, contradictory, often accompanied by conflicts, and it happened so long until it was the predominance of Islamic culture over local ancient religious traditions.

Keywords: *distribution of Islam, Karluks, Qarakhanids, Kashgar, Semirechie, Eastern Turkestan, caliphate*.

Исследование политики Хорасана и Мавераннахра в IX – XI вв. и рассмотрение их социально-экономического формирования не имеет смысла без учета религиозного фактора во всей его многогранности, двойственности и динамичности. Сегодня сведения об истории изучаемого периода стали более доступными, наступило благоприятное время для обстоятельного научного изучения событий IX – XI вв., объективного установления функций и влияния религии на политику и общественную жизнь указанного региона. Ислам внес коррективы в традиции и нравы насе-

ления, а также изменил культурную жизнь Хорасана и Мавераннахра. Данный регион в X в. представляется как территория, которая населена правоверными мусульманами. Этот период характерен проявлением и распространением ислама среди тюркских племён и коренной модификацией социальной жизни, а также как эпоха максимального расцвета культуры и религии Хорасана и Мавераннахра.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать особенность распространение ислама среди карлуков (караханидов) в контексте религиозно-политической ситуации.

Ислам среди тюркских племен (Семиречье, Восточный Туркестан), исповедовавших шаманизм, стал проникать только с 900 г., это сопряжено с миссионерской деятельностью мусульманских учёных, сопровождавших караваны. Во время правления аббасидского халифа Ал-Муктадир Биллаха важнейшим направлением его религиозной политики было оказание воздействия на принятие ислама тюрками. Несколько позже болгарские тюрки, уйгурский хан, исповедовавшие манихейство, хазарский хан, исповедующий иудаизм, обратились к Ал-Муктадир Биллаху с просьбой оказать содействие им мусульманского духовенства в принятии ислама. Халифом была отправлена делегация во главе с Ибн Фадланом [1].

Важность военной и политической деятельности тюркских племён в Иране и арабских странах явилась причиной принятия их на военные должности при дворе халифа, в Месопотамии и других исламских государствах. Укрепив свои военно-политические позиции, тюрки постепенно входят в руководящий состав армии Аббасидского халифата. Они стали занимать и правительственные должности. Этот процесс был явно заметен при халифате Муътасиме [2].

Воздействия Саманидского государства на исламизацию Караханидов. В конце IX в. в государстве Саманидов происходят междоусобные войны за овладение престолом. Отдельные исторические источники упоминают о побеге Насра ибн Мансура Саманида через Семиречье в Кашгар к правительственному двору карлукского повелителя Огулчака, потерпевшего неудачу в междоусобных распрях в конце IX в. Сам Огулчак не исповедовал мусульманскую религию. Но он принял выдворенного вождя саманидов [3]. Бывший государь Мавераннахра прибыл со своей свитой: в страну карлуков иммигрировала большая группа бухарцев, исповедовавших ислам – это были приверженцы и родственники эмира.

Наравне с принятием ислама болгарскими тюрками основным событием в те времена считается принятие ислама в 960 г. многочисленными тюркскими племенами (более 20 000 шатров) во главе с Сатук Абдулкарим Богра-ханом. Впоследствии он стал нарекаться мусульманским именем Абдулкарем по прозвищу Харун Шахабудавла [4, 5]. Он основал первую мусульманско-тюркскую державу в Мавераннахре и стал первым караханидским государем, принявшим ислам. Этот процесс мирного перехода в ислам проходил главным образом через пропаганду и культурно-цивилизованное воздействие Саманидского государства.

Однако имело место и то, что хан Огулчак оказывал сопротивление исламизации своего народа, поэтому карлуки-мусульмане обращались за помощью к Саманидам. Источник сообщает: «Они призвали своих новых друзей по вере против неверующего великого кагана» [6].

Согласно преданию Алхаками Нишапури, о котором писал Самъани, мусульманские миссионеры прибывали к карлукам [7]. Факты позволяют признать, что огромная масса тюрков приняла исламскую религию в Караханидском государстве. И в этом деле главную роль сыграли среднеазиатские и иранские проповедники, отличавшиеся активностью и последовательностью в своей миссионерской деятельности. Они воспользовались и помощью со стороны тюркских правителей. Одним из них был Абу-л-Хасан Мухаммад ибн Суфайн ал-Калимати – коренной житель Нишапура (северо-восточный Иран). Однако ал-Калимати оставил Иран в 951–952 гг. Некоторое время он живет в Бухаре, затем по приглашению переходит на службу к «хану ханов» (Сатуку), где впоследствии и умирает (примерно в 961 г.) [8]. По мнению В.В. Бартольда, а также отдельных современных исследователей, именно благодаря его влиянию караханиды приняли ислам [8, с. 316].

В трактате «Тазкираи Бугрохони» сообщается и о другом мусульманском ученом Абунасре Самани, он был направлен на распространение ислама среди карлуков в Кашгаре. Прибыв туда в качестве купца, Абунасре долгие 7 лет распространял ислам, умер он в 972 г. [9]. Абунаср ас-Самани был глубоко верующим мусульманином, утверждается, что однажды ему во сне является пророк Мухаммед, сообщивший о благоприятном известии: на него возложена почетная мис-

сия воззвания в ислам Сатука в Туркестане – будущего борца за вероисповедание, но «пока в образе неверного». Пророк Мухаммед велел: «Восстань. Он родился. Иди и ищи». После этого обращения Абунаср Самани-ходжа направляется в Туркестан и встречает в Кашгаре Сатука [10].

Вполне допустимо, что наравне с саманидским принцем на убеждения Сатука значительное воздействие оказал и Калимати, живший при дворе тюркского кагана. По этому поводу Ибн Забир заявляет о присутствии другого религиозного мужа среди карлуков, что происходило до 949 г. По-видимому, его усердие и труд также способствовали принятию ислама карлуками [11].

Таким образом, именно стараниями потомков Сатука Богрохана исламская религия еще крепче укореняется среди тюрков. Во времена Мусы, сына Сатука, который унаследовал престол в 955 г., государственной религией каганата официально был провозглашен ислам. В период его правления жители Жетысу полностью приняли религию ислам. Сын Сатука Муса Арслан-хан имел почетный титул «Шихаб ад-дауля ва захир ад-да'ва» (Свет державы и опора призыва к вере). Исследователь О. Прицак указывает, что Муса постоянно вел религиозную борьбу с язычниками. Отзвуки об этом нашли свое отражение в песнях, которые собраны в «Диван-и лугат аттурк» Махмуда Кашгари.

Шиитское духовенство и Караханиды. Наряду с суннитскими духовными миссионерами к карлукам присоединилось и шиитское духовенство. Шииты были настроены решительно к халифату и по этой причины преследовались властями и были вынуждены бежать в дальние края. Восток Мавераннахра считался более безопасным для шиитов, поэтому здесь, избегая преследования халифа, они могли заниматься распространением шиизма и вести соответствующие войны среди карлуков. Карлуки предоставили пристанище противникам халифата, а потому шииты, как радикально настроенные к халифу, также были приняты у карлуков. Пиком присутствия шиитов у карлуков можно считать приход Яхья ибн Абдуллы с 170 шиитами [12].

Симпатии карлуков к шиитам [13, с. 441–442], уважение к алавидским эмиссарам на земле карлуков [14, с. 95–97], формирование шиизма в областях восточного Мавераннахра, а именно в Фергане [15, с. 2–3], расширенная деятельность исмаилитов в восточных областях [16, 17], нарекание именами шиитских имамов со стороны карлукских ханов своих детей [18], а также невнимательность карлукских ханов к Аббасидскому халифату, даже после образования государства, свидетельствует о том, что распространению исламской религии среди карлуков огромную роль могли сыграть шииты [8, 19, 20].

Территория карлуков на востоке Сайхуна в связи с его географическим расположением была недосягаема для арабов, что определяло распространение ислама ненасильственными средствами. Другая особенность – земля карлуков находилась на торговом пути между Ираном, Индией и Китаем, поэтому многие мусульманские купцы вынуждены были останавливаться здесь. Через взаимодействие с мусульманскими купцами карлукская степь ознакомилась с культурой ислама. Политические, дипломатические связи с мусульманскими правителями перемирие, предоставление убежища мусульманским оппозиционерам также способствовали распространению ислама среди карлуков. Наравне с суннитским течением ислама шииты как группа настроенная оппозиционно к Аббасидскому халифату преследовались и были вынуждены перемещаться к дальним областям, а у карлуков они нашли своих последователей и убежище для более спокойной жизни.

В итоге религиозные и торгово-экономические факторы привели к распространению ислама среди карлуков. Этому процессу способствовало принятие ислама Сатуком Абдулкаримом Богра-ханом, а также целенаправленная религиозная политика его сыновей. Таким образом, Саманидское государство внесло огромный вклад в исламизацию тюркских племен, что стало основой для исламизации будущих тюркских государств.

Литература

1. *Ихтияри Маъсума*. Вступительный процесс тюрков в Иран (Преобразование и его итог) с начала и до конца Селджукидов. Исламский ун-т Азад, 1385. С. 41 (на персидском).

2. *Байхаки Абуфадль*. Таърихи Байхаки // Саид Нафиси. Санои. Тегеран, 1995. С. 3 (на персидском).

3. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X – XIX вв. Ташкент: Изд-во ФАН Узбекской ССР, 1988. 413 с.

4. Ибн Асир Иззудди́н Абуль-Ха́сан А́ли ибн Мухаммад аль-Джазири. Аль-камиль фи т-тари́х / пер. Хамидреза Ожир. Асотир. Тегеран, 1383. С. 35–36 (на персидском).

5. История Казахстана в арабских источниках. Извлечения из сочинений XII – XVI веков. Т. 3. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 272 с.

6. *Pritsak O*. Von den Karluk zu den Karakhaniden // Studies in Medieval Euroasian History by O. Pritsak. London, 1981.

7. *Самъани Абдулкарим ибни Мухаммад*. Ал-нисаб. Изучение Абдулла Умар Алборуди. Дор-ал-джанон. Бейрут, 1409. Т. 5. С. 89.

8. *Бартольд В. В*. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Собр. соч. : в 9 т. М.: Наука, 1963. Т. 1. 763 с.

9. *Тазкираи Бугрохони*. С поправкой Мухаммад Мунири Олим. Центр исследование Ирана и Пакистана, Исламабад, 1374. Т. 1. С. 86–91 (на персидском).

10. *Валиханов Ч.Ч*. Самани // Собр. соч. : в 5 т. Т. 4. Алма-Ата : Гл. редакция Казахской сов. энциклопедии, 1985. 461 с.

11. *Ибни Забир Кази Рашид.* Захоир вал-тахаф. Хакака Мухаммад Хамидаллах. Матбаъа. Ал-хамкамуя. Кувейт, 1984. С. 140 (на персидском).

12. *Хасани Ахмед ибн Ибрагим*. Ал-масобех. Ахбор ал-аъмат ал-зайдия. Исследование Вилфард Модлунаг. Дор-ал-нашр. Бейрут, 1987. С. 170 (на персидском).

13. *Шихабуддин Абу Абдуллах Якут ибн Абдуллах аль-Хамави*. Муджам аль-булдан. С поправкой Фердинанд Вастанфулд. Дор ас-содот. Бейрут, 1409. Т. 5. С. 441–442 (на персидском).

14. *Паритсак Омелиян.* Падение империи Огуз-Ябгу // Исторический исследовательский журнал / пер. Мухсен Рахмати. Изд. 4. Исламский университет Азад, 1385. С. 95–97 (на персидском).

15. *Ибни Бобуя Абу Джафар Мухаммад ибн Али ас-Садук аль-Кумми*. «Ман ла йахдуруху-ль-факих». Исследование Ал-саид Адмусави Алхуросон. Дор саъаб ва дор-ал-таъориф. Бейрут, 1410. Т. 1 (на персидском).

16. *Абу́ Мансу́р Абдул-Ка́хир ибн Та́хир аль-Багда́ди аль-Фарк бейна аль-фирак*. Исследование и поправка Мухаммадзахид ибн Ал-Хасан ал- Кусари. Бито. Каир, 1367–1948 (на персидском).

17. *Наджмудди́н Абу́ Хафс У́мар ибн Мухáммад ан-Насафи́*. ал-Канд фи тарих улама Самарканд. Исследование Юсуф Алхади. Письменное наследие. Тегеран, 1378. С. 47, 84, 533 (на персидском).

18. *Davidovich E.A.* The Karakhanids // History of civilizations of Central Asia. Vol 4. Part one / ed. by Asimov and Bosworth. UNESCO Publishing, 1998.

19. *Абуль-Хусейн Хилал ибн аль-Мухассин ибн Абу Исхак Ибрахим ибн Хилал ибн Захрун ас-Саби аль-Харрани*. Китаб ал-вузара. Матба ал-бои ал-суйин. Бейрут, 1904 (на персидском).

20. Lane Poole Stanley, Catalogue of oriental Coins in the british Museum Printed By Order of Trustee. London, 1881–1889. Vol. 2. P. 120.

References

1. Ikhtiyari Ma"suma. *Vstupitel'nyi protsess tyurkov v Iran (Preobrazovanie i ego itog) s nachala i do kontsa Seldzhukidov* [The Entrance Process of Turks in Iran (Transformation and its outcome) from the Beginning to the End of the Seljuks]. Islamskii un-t Azad, 1385, p. 41 (in Persian).

2. Baikhaki Abufadl'. [Tarihi of Baykhaki]. *Said Nafisi. Sanoi* [Sayid Nafisi. Sanoi]. Tegeran, 1995, p. 3 (in Persian).

3. *Materialy po istorii Srednei i Tsentral'noi Azii X – XIX vv.* [Materials on the History of Central Asia from the 10th to the 19th Centuries]. Tashkent: Izd-vo FAN Uzbekskoi SSR, 1988, 413 p.

4. *Ibn Asir Izzuddín Abul'-Khásan Áli ibn Mukhámmad al'-Dzhaziri. Al'-kamil' fi t-tarikh* [Ibn Asher Izzuddin Abul-Hasan Ali ibn Muhammad al-Jazeera. Al-Camille Fit T-Tar]. Tr. Khamidrez Ozhir. Asotir. Tegeran, 1383, pp. 35-36 (In Persian).

5. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. Izvlecheniya iz sochinenii XII – XVI vekov* [History of Kazakhstan in Arab Sources. Extracts from the Works of the XII - XVI Centuries]. Vol. 3. Almaty: Daik-Press, 2006, 272 p.

6. Pritsak O. Von den Karluk zu den Karakhaniden. *Studies in Medieval Euroasian History* / O. Pritsak. London, 1981.

7. Sam"ani Abdulkarim ibni Mukhammad. *Al-nisab. Izuchenie Abdulla Umar Alborudi. Dor-al-dzhanon* [Al-Nisab. The study of Abdullah Umar Alborudi. Dor al-janon]. Beirut, 1409, vol. 5, p. 89.

8. Bartol'd V.V. [Turkestan in the Era of the Mongol Invasion]. *Sobr. soch.* [Col. of works]: in 9 vol. Moscow: Nauka, 1963, vol. 1, 763 p.

9. Tazkirai Bugrokhoni. *S popravkoi Mukhammad Muniri Olim* [With the Amendment of Muhammad Muniri Olim]. Center for the Study of Iran and Pakistan, Islamabad, 1374, vol. 1, pp. 86-91 (in Persian).

10. Valikhanov Ch.Ch. [Samani]. *Sobr. soch.* [Col. of works]: in 5 vol. Vol. 4. Alma-Ata: Gl. redaktsiya Kazakhskoi sov. entsiklopedii, 1985, 461 p.

11. Ibni Zabir Kazi Rashid. *Zakhoir val-takhaf. Khakaka Mukhammad Khamidallakh. Matba"a. Al-khamkamuya* [Zahoir val-tahaf. Hakakah Muhammad Hamidal Lah. Matbaa. Al-hamkamuya]. Kuwait, 1984, p. 140 (in Persian).

12. Khasani Akhmed ibn Ibragim. *Al-masobekh. Akhbor al-a"mat al-zaidiya. Issledovanie Vilfard Modlunag. Dor-al-nashr* [Al-Masobeh. Ahbor al-aamat al-Zaydiya. Research Wilfard Modlunag. Dor al-Nashir]. Beirut, 1987, p. 170 (in Persian).

13. Shikhabuddin Abu Abdullakh Yakut ibn Abdullakh al'-Khamavi. *Mudzham al'-buldan. S popravkoi Ferdinand Vastanfuld. Dor as-sodot* [Mujam al-Buldan. With the amendment Ferdinand Vastanfeld. Dor As Sodot]. Beirut, 1409, vol. 5, pp. 441-442 (in Persian).

14. Paritsak Omeliyan. Padenie imperii Oguz-Yabgu [Collapse of Empire of Oguz-Yabgu]. *Istoricheskii issledovatel'skii zhurnal* / tr. Mukhsen Rakhmati. Ed. 4. Islamskii universitet Azad, 1385, pp. 95-97 (in Persian).

15. Ibni Bobuya Abu Dzhafar Mukhammad ibn Ali as-Saduk al'-Kummi. «*Man la iakhdurukhu-l'-fakikh». Research Al-said Admusavi Alkhuroson. Dor sa"ab va dor-al-ta"orif* ["Man la yahduruhu-l-faqih." The study of Al-Said Admusavi Alhuroson. Dor sa'ab wa Dor-al-taorif]. Beirut, 1410, vol. 1 (in Persian).

16. Abú Mansúr Abdul-Kákhir ibn Tákhir al'-Bagdádi al'-Fark beina al'-firak. *Issledovanie i popravka Mukhammadzakhid ibn Al-Khasan al-Kusari* [Research and amendment Muhammadzhahid ibn al-Hasan al-Kusari]. Bito. Kair, 1367-1948 (in Persian).

17. Nadzhmuddín Abú Khafs Úmar ibn Mukhámmad an-Nasafí. *al-Kand fi tarikh ulama Samarkand. Isledovanie Yusuf Alkhadi. Pis'mennoe nasledie* [al-Kand fi tari Ulama Samarkand. Exploration of Yusuf Alhadi. Written heritage]. Tegeran, 1378, pp. 47, 84, 533 (in Persian).

18. Davidovich E.A. The Karakhanids. *History of civilizations of Central Asia*. Vol. 4. Part one / ed. by Asimov and Bosworth. UNESCO Publishing, 1998.

19. Abul'-Khusein Khilal ibn al'-Mukhassin ibn Abu Iskhak Ibrakhim ibn Khilal ibn Zakhrun as-Sabi al'-Kharrani. *Kitab al-vuzara. Matba al-boi al-suiin* [Kitab al-Husar. Matba al-bobi al-suiyin]. Beirut, 1904 (in Persian).

20. Lane Poole Stanley. *Catalogue of oriental Coins in the british Museum Printed By Order of Trustee*. London, 1881-1889, vol. 2, p. 120.

Поступила в редакцию / Received ***20 января 2018 г. / January 20, 2018***

УДК 947.084 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-99-106

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ АДАПТАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ИММИГРАНТОВ А. А. ШТЕРНФЕЛЬДА И Р. Л. БАРТИНИ В ПЕРИОД ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

© 2018 г. А.С. Казанцев [а]
[а] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROCESSES OF ADAPTATION TO SCIENTIFIC AND TECHNICAL IMMIGRANTS A. A. SHTERNFELD AND R. L. BARTINI IN THE PERIOD OF THEIR ACTIVITIES IN THE SOVIET UNION

A.S. Kazantsev [а]
[а] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Казанцев Александр Сергеевич –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: Sasha.Kazantseff2014@yandex.ru

Aleksandr S. Kazantsev -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: Sasha.Kazantseff2014@yandex.ru

Исследуются сходство и различие процессов адаптации научно-технических иммигрантов А. А. Штернфельда и Р. Л. Бартини в период их деятельности в Советском Союзе. Изучаются причины, затруднявшие их профессиональную реализацию на различных этапах творческого пути. Прослеживается ход адаптации этих ученых к чрезвычайно неблагоприятно складывающимся условиям их работы. Устанавливается зависимость от определенных исторических событий, влияние этих событий на быт и сложности творческой деятельности ученых. Выясняются общие закономерности, характерные для процессов адаптации обоих иммигрантов в определенные исторические периоды. Анализируется взаимосвязь этих закономерностей с политикой государства в отношении научно-технических иммигрантов. Делается вывод об искусственно созданных препятствиях для их творческой реализации, за исключением краткого периода до 1937 г., доказывается положительное влияние работ обоих ученых на развитие отечественной науки и техники вопреки этим препятствиям.

Ключевые слова: *научно-технические иммигранты, процесс адаптации, большая волна репрессий, реорганизация, расформирование, авиационная промышленность, космические исследования, освоение космоса, борьба с космополитизмом.*

In the article the author examines the similarities and differences of the adaptation processes of scientific and technical immigrants A. A. Sternfeld and R. L. Bartini in the period of their activities in the Soviet Union. The author considers the reasons that hindered their adaptation to different stages of their career. The course of adaptation of these scientists to extremely unfavorable conditions of their work is traced. The dependence on certain historical events, the influence of these events on everyday life and the complexity of the creative activity of scientists is established. The way of their adaptation through professional development to bypass existing barriers; determining what relationship data paths from certain events of the historical process, proved the decisive influence of these events on the specificity of adaptation stated personalities. The interrelation of these laws with the policy of the state regarding scientific and technical immigrants is analyzed. The conclusion is made about artificially created obstacles for their creative realization, with the exception of a brief period until 1937, but the positive influence of the works of both scientists on the development of Russian science and technology in spite of these obstacles is proved.

Keywords: *scientific and technical immigrants, adaptation process, big wave of repression, reorganization, disbandment, aviation industry, space research, outer space exploration, fight against cosmopolitanism.*

В современном мире, в условиях жесткой конкуренции между странами за приоритет в различных областях науки и техники, на фоне усиливающихся миграционных процессов все большее значение приобретают исследования процессов адаптации к новым условиям научно-технических мигрантов. Свободная миграция научно-технических специалистов очень важна для России, так же как и создание благоприятных условий для их профессиональной реализации. В этой связи представляются актуальными исследования закономерностей этих процессов в нашей стране в различные периоды ее существования. В частности, весьма интересен сравнительный анализ процессов адаптации научно-технических иммигрантов на примере А.А. Штернфельда и Р.Л. Бартини в период их деятельности в Советском Союзе, т. е. 1923–1980 гг., что и обусловило хронологические рамки исследования. Характерные особенности индивидуальной адаптации данных персоналий изучались автором в предыдущих работах [1, 2].

При поэтапном анализе исследование показывает, что для приехавших в Советский Союз по идейным соображениям А. А. Штернфельда и Р. Л. Бартини период до 1937 г. был благоприятен для творческой адаптации. Бартини в 1923–1930 гг. хорошо приспособился к условиям жизни в СССР и показал быстрый карьерный рост от старшего лаборанта аэрофотограммометрии до главного конструктора [3], руководя испытаниями самолетов и технической подготовкой самолета АНТ-4 «Страна Советов» к полету над Тихим океаном, а также создавая проекты летающих лодок. Наряду с практическим самолетостроением он занимался и научно-исследовательской работой. Большое внимание он уделял построению аэродинамических контуров [4–6], облегчению веса конструкций и вопросам подбора оптимальных сталей и сплавов [7, 8]. В 1932 г. был построен первый самолет конструкции Р. Л. Бартини «Сталь-6» – пионер советской скоростной авиации [9]. В 1935–1937 гг. Бартини спроектировал и построил дальний арктический разведчик – «ДАР», войдя в историю авиации как автор «эффекта Бартини» [10], а в 1939 г. его экспериментальный самолет «Сталь-7» поставил международный рекорд скорости на 5000 км [11, 12]. Во время этого рекордного перелета конструктор уже давно сидел в тюрьме по ложному доносу.

У А.А. Штернфельда, ученого с мировым именем, принесшего в дар Советскому Союзу свою монографию «Введение в космонавтику» [13], получившую от Французского астрономического общества Международную премию по астронавтике, благоприятный период его деятельности в СССР был совсем коротким. После приезда в Советский Союз в 1935 г. он поступил работать в Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ), где два года плодотворно трудился в отделе С. П. Королева, решая проблемы реактивного движения. Летом 1937 г. он взял временный отпуск, чтобы приступить к разработке робота своей системы в ЦНИИМАШ, однако в конце 1937 г. был уволен из РНИИ, а в апреле 1938 г. – отчислен из ЦНИИМАШ. Все усилия устроиться на работу в какой-нибудь научно-исследовательский институт Академии Наук остались без результата [14]. Всю дальнейшую жизнь ученый вынужден был работать в одиночку, лишенный материальной базы.

Таким образом, короткий благоприятный период адаптации к жизни в Советском Союзе у иммигранта Штернфельда сменился долгим и тяжелым периодом борьбы с непреодолимыми препятствиями. Сравнительный анализ процессов адаптации к условиям в нашей стране иммигрантов Бартини и Штернфельда показывает, что данный перелом наступил у них практически в одно время. Причем у Штернфельда, приехавшего гораздо позже Бартини, благоприятный период длился всего два года. Но в отличие от Бартини, оказавшегося в заключении, он остался на свободе, хотя без работы и без надежды ее получить.

Рассмотрим теперь, какого рода препятствия стояли перед обоими иммигрантами во время неблагоприятного периода, и какие пути они выбрали для своей адаптации.

Во время большой волны репрессий 1937–1938 гг. власть целенаправленно избавлялась в первую очередь от независимо мыслящих интеллектуалов, представлявших собой, по ее мнению, потенциальную опасность для ее существования. Весьма вероятно, что все эти осужденные специалисты были бы уничтожены, если бы реальная угроза в виде Второй мировой войны не заставила собрать уцелевших ученых и конструкторов в тюремные КБ (так называемые «шараги»), чтобы противодействовать этой угрозе. Изъятые из лагерей специалисты таким образом получили некоторые шансы для дальнейшей адаптации. Практически, весь цвет отечественной науки оказался тогда в заключении [15]. Судьбу Бартини разделили будущий создатель космических ракет С. П. Королев, авиаконструкторы А. Туполев, В. Петляков, В. Мясищев, В. Чижевский,

А. Черемухин, А. Изаксон и масса других выдающихся специалистов, которую «выкачали органы из авиапромышленности». Общее количество специалистов, извлеченных «триумвиратом Ягода – Ежов – Берия» из НКАП, Кербер оценивает в 450–500 чел., обращая внимание, что в авиационной промышленности, кроме Туполевской «шараги», функционировали еще две: двигателестроительная и ракетная. 300 человек работало в «шарагах», 100 – в лагерях и 50–70 были уничтожены. Любопытен социологический анализ списка. В нем академиков – 6, главных конструкторов – 17, начальников конструкторских бюро – 4, профессоров, докторов наук – 12, директоров заводов, главных инженеров и главных технологов – 16, начальников конструкторских бригад – 12, начальников цехов – 5, военных инженеров, начальников отделов – 4, инженеров – 26. Таким образом, судьба Р. Л. Бартини в данный период оказалась типичной для передовой советской технической интеллигенции. Его рекордный самолет «Сталь-7» был перепроектирован в дальний бомбардировщик ДБ-240, названный впоследствии Ер-2. Он строился серийно и применялся на фронтах Великой Отечественной войны, в том числе принимал участие в первом налете на Берлин в августе 1941 г. [16, 17]. По иронии судьбы, это была единственная машина Бартини, пошедшая в серию, и она носила имя другого конструктора.

Находясь в заключении в «шарагах» НКВД, Бартини продолжал создавать проекты самолетов, намного опередившие свое время. Это были проекты реактивных истребителей Р и 114Р, а также проект первого отечественного широкофюзеляжного самолета Т-117, отличающегося смелостью технических решений [18]. Передовые идеи Бартини «подпитывали» развитие отечественной авиации, что, безусловно, сыграло решающую роль в его адаптации к условиям данной конкретно-исторической обстановки, так как прослеживается тесная взаимосвязь для технического специалиста, попавшего в сталинские лагеря, между возможностью выжить и пользой, которую он мог принести, работая по специальности на оборону.

После освобождения из заключения в 1948 г. и в последующие годы адаптация Бартини была крайне осложнена многочисленными проблемами. Документы свидетельствуют не только о ценности Бартини для авиапромышленности, но и об отсутствии возможности сосредоточиться на разработке и воплощении в реальность своих проектов, о нервозности и дискомфорте из-за многочисленных перемещений и переездов, о замалчивании достижений и третировании по служебной линии [19]. Ему урезают зарплату в два раза, сокращают трудовой стаж до 6 лет, изолируют от испытаний создаваемого им самолета. Поскольку для нас представляет большую сложность проследить все перемещения, реорганизации, переименования и расформирования, проведения работ параллельно на разных заводах, можно предположить, как трудно было конструктору жить и творить в такой обстановке, постоянно переезжая и вновь организовывая работу в Таганроге, Новосибирске, Казани, Люберцах, Москве и снова в Таганроге. Однако, несмотря на борьбу с искусственно созданными препятствиями, Бартини продолжал плодотворно трудиться, создавая свои гениальные проекты и ведя большую научно-исследовательскую работу, что и составляло его способ адаптации – бороться со сложностями окружающей действительности путем погружения в творческую работу.

В годы после освобождения он работает над проблемой управления пограничным слоем, над проектом сверхзвукового стратегического бомбардировщика типа «летающее крыло», над определением транспортного коэффициента полезного действия самолетов и факторов увеличения эффективности бомбардировочных самолетов, размышляет об ускорении прогресса, о транспорте и художественном конструировании в самолетостроении, занимается исследованием структуры пространства-времени [20].

Аналогично адаптация в тот же период проходила у А. А. Штернфельда – путем погружения в творческую работу, но с поправкой на его специфические условия – дома, за пишущей машинкой, в одиночку, отдавая все свои силы для популяризации идеи освоения космоса.

Отлученный от научных исследований, он привлек к осуществлению своей мечты целое поколение читателей научно-популярных журналов «Техника – молодежи», «Наука и жизнь», «Вокруг света», «Крылья Родины», «Знание – сила» и др. Он терпеливо и вдумчиво работал с читательскими массами, учил их думать, приучал к мысли о космических полетах в ближайшем будущем. Опубликовал в периодической печати множество статей, в которых просто и ясно объяснил сложнейшие понятия и проблемы. Провел громадную работу по подготовке общества к восприятию космических исследований и воспитанию талантливых кадров для этих исследований. Сумел увлечь

молодежь захватывающими перспективами, показывая в своих статьях множество аспектов проблемы освоения космоса [21–28].

За много лет до космических полетов Штернфельд объясняет в своих статьях массовому читателю, что такое невесомость и перегрузка, как человек будет дышать и питаться в таких условиях, как будет функционировать весь его организм ; излагает историю русской ракеты, раскрывает характерные особенности ракетных двигателей, рассуждает, с помощью каких технических средств можно попасть в космос, как наладить там систему связи, доказывает реальность полетов в космос в недалеком будущем, анализирует преимущества различных видов ракет и высчитывает наиболее экономичные траектории полета, тем самым приучая массового читателя к мысли, что освоение космоса – дело недалекого будущего.

Это будущее наступило 4 октября 1957 г., когда на околоземной орбите появился первый в мире спутник, который был создан в нашей стране. Прорыв Советского Союза в космос целесообразно рассматривать как стык двух временных периодов процесса адаптации Штернфельда в нашей стране – периода непризнания и периода торжества его идей. Его книга «Искусственные спутники Земли» [29], изданная буквально накануне космической эры, после запуска первого спутника вызвала необыкновенный ажиотаж, так как в ней об искусственных спутниках все говорилось очень подробно и понятно, а в мире ничего подобного ей не было. Популярны были и другие книги Штернфельда [30–32].

Полет в космос первого космонавта Юрия Гагарина окончательно подтвердил правоту Штернфельда. Его огромный вклад в дело освоения космического пространства первым признал Нансийский университет, удостоив его звания доктора наук honoris causa – по совокупности заслуг, без защиты диссертации. Затем он стал лауреатом международной премии Галабера по астронавтике за 1962 г. После этого Советский Союз, наконец, признал заслуги ученого, присвоив ему звание доктора технических наук honoris causa Академии наук СССР и заслуженного деятеля науки и техники РСФСР [33]. Однако и после всех этих почестей Штернфельд не получил возможности практической работы по созданию ракетно-космической техники, в отличие от Бартини, который даже в заключении имел возможность работать по специальности. Исследователь жизни и деятельности Штернфельда В.И. Прищепа во вступительной статье к его книге «Парадоксы космонавтики» [34] высказывает интересную мысль, почему выдающемуся теоретику космонавтики пришлось годами работать вне коллектива: «Штернфельду, как бывшему иностранцу, закрыт был доступ к секретности. И не только в 30-е годы, но и в последний период, особенно в годы так называемой борьбы с космополитизмом».

Рассмотрим теперь, в каких условиях работал главный конструктор Бартини в 60-е гг. Несмотря на награждение Орденом Ленина [35] и другие награды, свидетельствующие о признании его заслуг, реальные факты доказывают, что нормальные человеческие условия для работы ему созданы не были. В ситуации, когда СССР оказался практически беззащитным перед вышедшими на боевое патрулирование американскими атомными подводными лодками, вооруженными баллистическими ракетами «Поларис», способными, подойдя к нашим берегам, нанести удар колоссальной разрушительной силы, Бартини, выполняя важнейшее правительственное задание, разработал проект амфибии ВВА-14, представляющей собой целый комплекс необычных технических решений – совершенно новое направление в авиации. К сожалению, целый ряд документов [36] свидетельствует о создании безобразной обстановки дискриминации Главного конструктора Бартини, игнорировании и третировании его, «чтобы он не был в состоянии вести работу и выполнить возложенное на него Правительством задание». Из переписки Бартини с его заместителем В. Бирюлиным и с министерством авиационной промышленности следует, что работа над проектом противолодочной амфибии систематически оттеснялась на второй план и всеми способами буквально изживалась с предприятия, что экспертиза не содержит ни научных, «ни технических аргументов …, а является лишь субъективным полемическим изречением недоказанных истин». Упоминаются здесь и аналогичные случаи: история с самолетом «Сталь-7», когда после успешных госиспытаний Бартини сразу же был арестован; история с ликвидацией организованного им в заключении КБ сразу после успешной разработки его проекта сверхзвукового перехватчика Р-114, история с ликвидацией ОКБ-86 в 1948 г. сразу после того, как постройка самолета Т-117 успешно подходила к концу; история с ликвидацией возглавляемого им проектного отдела СибНИА в 1956 г. сразу

после того, как стало известно о разрабатываемой по его инициативе новой схеме сверхзвукового самолета – летающего крыла. Из писем В. Бирюлина можно установить, что даже в последние годы жизни, лежа в больнице, Бартини занимался делом, выполняя свою работу и принимая решения, при том что «это уже четвертая реорганизация за последнее время», после которой «в часы рухнул коллектив» в очередной раз.

В значительной степени проливают свет на все эти подковерные интриги и закулисную борьбу воспоминания Н. А. Погорелова [37], который с 1970 г. был заместителем Бартини. Н.А. Погорелов сообщает много реальных фактов, свидетельствующих о травле Бартини в 1960–1970-е гг. и препятствиях на пути его творческой реализации. В частности, он описывает необычную отрицательную реакцию министра П. В. Дементьева на успешные летные испытания ВВА-14 и его возмущение, что его заместители допустили, чтобы самолет Бартини полетел. По мнению Погорелова, «в то время были очень хорошие отношения с компартией Италии, а Роберт Людовигович хорошо знал многих ее руководителей». Поэтому делали вид, будто помогают Бартини, а тему неофициально закрыли. Таким образом, к сожалению, следует признать, что и в последний, казалось бы, благоприятный период признания их заслуг, ни Штернфельд, ни Бартини не получили возможности для полноценной творческой реализации.

Итак, в связи с вышеизложенным имеются основания сделать вывод, что в СССР, за исключением краткого периода до 1937 г., когда страна крайне нуждалась в помощи иностранных специалистов, отсутствовали условия для полноценной творческой реализации научно-технических иммигрантов даже такого масштаба, как А.А. Штернфельд и Р. Л. Бартини. В самом деле, если в начальный период своей деятельности в Советском Союзе они имели возможность плодотворно трудиться, воплощая в жизнь свои творческие проекты, то во второй половине 1930-х гг. у них возникли большие проблемы с адаптацией. Они приехали в Советский Союз, вдохновленные великими идеями, условия труда и быта имели для них второстепенное значение, а главным приоритетом была возможность творческой реализации на благо своей новой Родины. Бартини за полтора десятка лет показал прекрасный карьерный рост от старшего лаборанта аэрофотограммометрии до главного конструктора опытного отдела Авиапрома; в конце этого замечательного периода создал свой рекордный самолет «Сталь-7», после чего сразу был арестован по ложному доносу. Штернфельд после двух лет работы в РНИИ в отделе С. П. Королева над проблемами реактивного движения и разработки робота своей конструкции в ЦНИИМАШ оказался уволенным из обоих учреждений, и всю оставшуюся жизнь решал проблемы освоения космоса дома, в одиночку.

Причины проблем, возникших с 1937 г., были в основном обусловлены разраставшимися в стране политическими репрессиями. Власть видела потенциальную угрозу своему существованию в лице независимо мыслящих интеллектуалов и целенаправленно от них избавлялась. Если бы Вторая мировая война не заставила собрать уцелевших ученых и конструкторов в «шараги», все они были бы уничтожены. Следует отметить, что в «шарагах», кроме Бартини, оказался весь цвет отечественной науки, и там он продолжал создавать проекты своих самолетов, намного опередившие свое время. Как правило, его самолеты не строились, а техдокументацию передавали в другие КБ. Таким образом, Бартини «подпитывал» своими идеями развитие советской авиации, в то время как начальство даже в последние годы его жизни постоянно срывало ему творческий процесс перемещениями, расформированиями, переименованиями, проведениями работ на разных заводах и т. д.

Оставшийся на свободе, но без работы, Штернфельд избрал другой путь для своей творческой адаптации. Своими статьями он увлек за собой целое поколение читателей научно-популярных журналов, терпеливо и вдумчиво работая с массами как пропагандист и популяризатор науки освоения космического пространства.

Таким образом, имеются основания утверждать, что и Бартини, и Штернфельд, каждый своим специфическим путем борясь с искусственно создаваемыми препятствиями для их творческой деятельности, все-таки нашли возможность в значительной степени адаптироваться даже в чрезвычайно неблагоприятных условиях и добились максимально возможной в тех условиях своей профессиональной самореализации.

Следует отметить, что в последний период жизни Штернфельду и Бартини, несмотря на внешнее признание их заслуг (правительственные награды), продолжали создавать те же препятствия для работы, следуя некой «установке

сверху», что дает основание предполагать существование определенной государственной политики в отношении иммигрантов, даже ученых такого уровня.

Однако, исходя из анализа творческого наследия обоих ученых, имеющего несомненную научную ценность, можно утверждать, что вопреки всем препятствиям работы А. А. Штернфельда и Р. Л. Бартини положительно повлияли на развитие отечественной науки и техники, хотя при отсутствии личной свободы их потенциал не был раскрыт до конца.

Литература

1. *Казанцев А.С.* А. А. Штернфельд – один из основоположников и теоретиков современной космонавтики // Рубикон : сб. науч. работ молодых ученых. 2013. Вып. 62. С. 80–95.

2. *Казанцев А.С.* Р.Л. Бартини – гениальный авиаконструктор – иммигрант, «генератор идей», намного опережающих свое время // Рубикон : сб. науч. работ молодых ученых. 2013. Вып. 62. С. 96 – 120.

3. Научно-мемориальный музей проф. Н.Е. Жуковского. ФГУП «ЦАГИ». Выставочные материалы; Фонд Бартини Р. Л. Д. 5267/147; Д. 5267/146. Л. 1–24.

4. *Юрьев Б. Н., Лесникова Н. П.* Аэродинамические исследования // Труды Центрального аэро-гидродинамического института. 1928. Вып. 33. С. 107.

5. *О.Бартини Р.* Аналитическое построение аэродинамических контуров // Лицом к технике. 1931. № 1. С. 36–47.

6. *О.Бартини Р.* Схемы гидросамолетов. Ч. I // Лицом к технике. 1931. № 2. С. 42–46; ч. II // Лицом к технике. 1931. № 4. С. 37–40.

7. *Бартини Р.* Перспективы стального самолетостроения // Гражданская авиация. 1932. № 5. С. 11.

8. *О'Бартини.* О перспективах технической реконструкции гражданского воздушного флота // Гражданская авиация. 1933. № 2. С. 28.

9. Под знаком борьбы за «С-6» // Стальной самолет. 1932. № 1.

10. *Остославский И. В., Матвеев В. Н.* О работе винта, помещенного в кольце // Труды ЦАГИ. 1935. Вып. № 248.

11. Новый рекорд скорости на 5 000 километров // Известия. 1939. 4 сент. № 205 (6975). С. 1.

12. Архив научно-мемориального музея Н.Е. Жуковского. Фонд Бартини Р. Л. Д. 5267/232. Справка самолетного отдела НИИ ГВФ № 370 от 30 марта 1948 г.

13. *Штернфельд А.Я.* Введение в космонавтику. М., Л. : Главная редакция авиационной литературы, 1937. ОПИ ПМ Ф. 24. 28406/1.

14. Письмо А. А. Штернфельда И. В. Сталину от 16 мая 1939 г. ОПИ ПМ Ф. 24 25312/538.

15. *Кербер Л.* Туполевская шарага // Техника и наука. 1990. № 2–3. С. 34–38.

16. Рекордный перелет на самолете «Сталь-7» // Советская авиация. 1959. 4 сент. Архив научно-мемориального музея Н. Е. Жуковского. Фонд Бартини Р.Л. Д. 5267/232.

17. Ночью на Берлин (перевод) // Air Enthusiast. 1972. № 4. С. 2–3, 4–6, 7, 14–16. Архив научно-мемориального музея Н.Е. Жуковского. Фонд Бартини Р.Л. Д. 5267/234.

18. Архив научно-мемориального музея Н.Е. Жуковского. Фонд Бартини Р.Л. Д. 5267/198; Д. 5267/ 199. Л. 1-14; Д. 5267/236.

19. Приказ Министра Авиационной Промышленности СССР № 273/К от 27 апреля 1948 г. «О назначении инженера Бартини Р. Л. Главным конструктором ОКБ-86». Архив научно-мемориального музея Н.Е. Жуковского. Фонд Бартини Р. Л. Д. 5267/150; Д. 5267/159. Л. 1–24; Д. 5267/153; Д. 5267/154; Д. 5267/155. Л. 1,2; Д. 5267/157; Д. 5267/158; Д. 5267/161; Д. 5267/162.

20. Архив научно-мемориального музея Н.Е. Жуковского. Фонд Бартини Р.Л. Д. 5267/201; Д. 5267/ 202. Л. 1–3; Д. 5267/203; Д. 5267/205; Д 5267/206; Д. 5267/384; Д. 5267/385; Д. 5267/387.

21. *Штернфельд А. А.* Межпланетные путешествия и физиология человека // Наука и жизнь. 1938. № 11–12. С. 42–49.

22. *Штернфельд А. А.* Из истории русской ракеты // Наука и жизнь. 1940. № 2. С. 45–47.

23. *Штернфельд А. А.* Парадоксы ракеты // Техника – молодежи. 1940. № 1. С. 14–17.

24. *Штернфельд А.* Космический полет // Техника – молодежи. 1941. № 6. С. 54–56.

25. *Штернфельд А.* Межпланетная сигнализация // Наука и жизнь. 1941. № 5. С. 2–4.

26. *Штернфельд А.* Маршруты межпланетных кораблей // Техника – молодежи. 1952. № 5. С. 18–23.

27. *Штернфельд А.* Накануне космического полета // Техника – молодежи. 1953. № 2. С. 31–35.

28. *Штернфельд А.* Орбитальные корабли // Техника – молодежи. 1955. № 5. С. 28–31.

29. *Штернфельд А.* Искусственные спутники Земли. М. : Гостехтеориздат, 1956. 180 с.

30. *Штернфельд А.* Полет в мировое пространство. М.; Л.: Государственное изд-во технико-теоретической литературы, 1949. 140 с.

31. *Штернфельд А.* Межпланетные полеты. 2-е изд. М. : Гостехтеориздат, 1956. 48 с.

32. *Штернфельд А.* От искусственных спутников к межпланетным полетам. М. : Гостехтеориздат, 1957. 126 с.

33. ОПИ ПМ Ф. 24. 22703/8.

34. *Штернфельд А. А*. Парадоксы космонавтики. М. : Наука, 1991. С. 18.

35. Известия. 1967. 8 авг.

36. Архив научно-мемориального музея Н.Е. Жуковского. Фонд Бартини Р.Л. Д. 5267/171; Д. 5267/174. Л. 6–10; Д. 5267/175; Д. 5267/188. Л. 4, 10.

37. *Погорелов Н.* Ненужный самолет // Авиация и время. 2005. № 5. С. 32–35.

References

1. Kazantsev A.S. A.A. Shternfel'd – odin iz osnovopolozhnikov i teoretikov sovremennoi kosmonavtiki [A. A. Sternfeld - One of the Founders and Theorists of Modern Space Exploration]. *Rubikon*. Col. art. of young scientists. 2013, Iss. 62, pp. 80-95.

2. Kazantsev A.S. R.L. Bartini – genial'nyi aviakonstruktor – immigrant, «generator idei», namnogo operezhayushchikh svoe vremya. [R.L. Bartini - a Brilliant Aircraft - Immigrant, "Generator of Ideas", Far Ahead of His Time]. *Rubikon*. Col. art. of young scientists. 2013, Iss. 62, pp. 96-120.

3. Nauchno-memorial'nyi muzei prof. N.E. Zhukovskogo [Zhukovsky Scientific Memorial Museum]. FGUP «TsAGI». Exhibition materials; Bartini R. L. Fund. File 5267/147; File 5267/146. L. 1-24.

4. Yur'ev B. N., Lesnikova N. P. Aerodinamicheskie issledovaniya [Aerodynamic Study]. *Trudy Tsentral'nogo aero-gidrodinamicheskogo instituta*. 1928, Iss. 33, p. 107.

5. O.Bartini R. Analiticheskoe postroenie aerodinamicheskikh konturov [Analytical Construction of the Aerodynamic Contours]. *Litsom k tekhnike*. 1931, No. 1, pp. 36-47.

6. O.Bartini R. Skhemy gidrosamoletov. Ch. I [Scheme of Seaplanes. Part I]. *Litsom k tekhnike.* 1931, No. 2, pp. 42-46; ch. II [Part II]. *Litsom k tekhnike.* 1931. No. 4, pp. 37-40.

7. Bartini R. Perspektivy stal'nogo samoletostroeniya [Prospects of Steel Aircraft]. *Grazhdanskaya aviatsiya*. 1932, No. 5, p. 11.

8. O'Bartini. O perspektivakh tekhnicheskoi rekonstruktsii grazhdanskogo vozdushnogo flota [On the Prospects of the Technical Reconstruction of the Civil Air Fleet]. *Grazhdanskaya aviatsiya*. 1933, No. 2, p. 28.

9. Pod znakom bor'by za «S-6» [Under the Sign of Struggle for "S-6"]. *Stal'noi samolet*. 1932, No. 1.

10. Ostoslavskii I. V., Matveev V. N. O rabote vinta pomeshchennogo v kol'tse [On the Work of the Screw Placed in the Ring]. *Trudy TsAGI*. 1935, Iss. 248.

11. Novyi rekord skorosti na 5.000 kilometrov [New Record Speed for 5000 Kilometers]. *Izvestiya.* 1939, Sept. 4, № 205, p. 1.

12. *Arkhiv nauchno-memorial'nogo muzeya N.E. Zhukovskogo* [Archive of Zhukovsky Scientific Memorial Museum]. Fund Bartini R. L. File 5267/232. Reference from the aircraft department of the GWF No. 370, March 30, 1948.

13. Shternfel'd A.Ya. *Vvedenie v kosmonavtiku* [Introduction to the Space Science]. Moscow, Leningrad: Glavnaya redaktsiya aviatsionnoi literatury, 1937. OPI PM Fund 24. 28406/1.

14. *Pis'mo A. A. Shternfel'da I. V. Stalinu ot 16 maya 1939 g* [The Letter of Shternfeld to Stalin]. OPI PM Fund 24 25312/538.

15. Kerber L. Tupolevskaya sharaga [Tupolev Sharaga]. *Tekhnika i nauka*. 1990, No. 2-3, pp. 34-38.

16. Rekordnyi perelet na samolete «Stal'-7» [Record Flight on the Aircraft "Steel-7"]. *Sovetskaya aviatsiya*. 1959, Sept 4. Arkhiv nauchno-memorial'nogo muzeya N.E. Zhukovskogo [Archive of Zhukovsky Scientific Memorial Museum]. Fund Bartini R. L. File 5267/232.

17. Noch'yu na Berlin (perevod) [Night on Berlin (translation)]. *Air Enthusiast*. 1972, No. 4, pp. 2-3, 4-6, 7, 14-16. Arkhiv nauchno-memorial'nogo muzeya N.E. Zhukovskogo [Archive of Zhukovsky Scientific Memorial Museum]. Fund Bartini R. L. File 5267/234.

18. *Arkhiv nauchno-memorial'nogo muzeya N.E. Zhukovskogo* [Archive of Zhukovsky Scientific Memorial Museum]. Fund Bartini R. L. File 5267/198; File 5267/ 199. L. 1-14; File 5267/236.

19. Prikaz Ministra Aviatsionnoi Promyshlennosti SSSR № 273/K ot 27 aprelya 1948 g. «O naznachenii inzhenera Bartini R. L. Glavnym konstruktorom OKB-86» [Order of the Minister of Aviation Industry of the USSR No. 273 / K of April 27, 1948 "On the Appointment of Engineer Bartini RL as Chief Designer OKB-86"]. *Arkhiv nauchno-memorial'nogo muzeya N.E. Zhukovskogo* [Archive of Zhukovsky Scientific Memorial Museum]. Fund Bartini R. L. File 5267/150; File 5267/159. L. 1-24; File 5267/153; File 5267/154; File 5267/155. L. 1,2; File 5267/157; File 5267/158; File 5267/161; File 5267/162.

20. *Arkhiv nauchno-memorial'nogo muzeya N.E. Zhukovskogo* [Archive of Zhukovsky Scientific Memorial Museum]. Fund Bartini R. L. File 5267/201; File 5267/202. L. 1-3; File 5267/203; File 5267/205; File 5267/206; File 5267/384; File 5267/385; File 5267/387.

21. Shternfel'd A. A. Mezhplanetnye puteshestviya i fiziologiya cheloveka [Interplanetary Travel and Human Physiology]. *Nauka i zhizn'*. 1938, No. 11-12, pp. 42-49.

22. Shternfel'd A. A. Iz istorii russkoi rakety [From the History of Russian Missiles]. *Nauka i zhizn'*. 1940, No. 2, pp. 45-47.

23. Shternfel'd A. A. Paradoksy rakety [Paradoxes of Missiles]. *Tekhnika - molodezhi*. 1940, No. 1, pp. 14-17.

24. Shternfel'd A. Kosmicheskii polet [Space Flight]. Tekhnika - molodezhi. 1941, No. 6, pp. 54-56.

25. Shternfel'd A. Mezhplanetnaya signalizatsiya [Interplanetary Alarm]. *Nauka i zhizn'*. 1941, No. 5, pp. 2-4.

26. Shternfel'd A. Marshruty mezhplanetnykh korablei [The Routes of Interplanetary Ships]. *Tekhnika - molodezhi.* 1952, No. 5, pp. 18-23.

27. Shternfel'd A. Nakanune kosmicheskogo poleta [On the Eve of Space Flight]. *Tekhnika - molodezhi*. 1953, No. 2, pp. 31-35.

28. Shternfel'd A. Orbital'nye korabli [Orbital Ships]. *Tekhnika - molodezhi.* 1955, No. 5, pp. 28-31.

29. Shternfel'd A. *Iskusstvennye sputniki Zemli* [Artificial Earth Satellites]. Moscow: Gostekhteorizdat, 1956, 180 p.

30. Shternfel'd A. *Polet v mirovoe prostranstvo* [Flight in World Space]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoi literatury, 1949, 140 p.

31. Shternfel'd A. *Mezhplanetnye polety* [Interplanetary Flights]. 2nd ed. Moscow: Gostekhteorizdat, 1956, 48 p.

32. Shternfel'd A. *Ot iskusstvennykh sputnikov k mezhplanetnym poletam* [From Artificial Satellites to Interplanetary Flights]. Moscow: Gostekhteorizdat, 1957, 126 p.

33. *OPI PM* Fund 24. 22703/8.

34. Shternfel'd A.A. *Paradoksy kosmonavtiki* [Paradoxes of Space Science]. Moscow: Nauka, 1991, p. 18.

35. *Izvestiya*. 1967, Aug. 8.

36. *Arkhiv nauchno-memorial'nogo muzeya N.E. Zhukovskogo* [Archive of Zhukovsky Scientific Memorial Museum]. Fond Bartini R. L. File 5267/171; File 5267/174. L. 6-10; File 5267/175; File 5267/188. L. 4, 10.

37. Pogorelov N. Nenuzhnyi samolet [Unnecessary Plane]. *Aviatsiya i vremya.* 2005, No. 5, pp. 32-35.

Поступила в редакцию / Received ***25 декабря 2017 г. / December 25, 2017***

УДК 433 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-107-111

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СВЕТСКИХ МЕТОДОВ КУЛЬТУРНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: НА ПРИМЕРЕ «РЕФОРМЫ ВЕСЕЛЬЯ» ПЕТРА I

© 2018 г. М.Е. Попов [а]
[а] Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

EXPERIENCE IN APPLYING SECULAR METHODS OF CULTURAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN STATE: THE EXAMPLE OF THE REFORM OF PETER I IN THE FIELD OF ENTERTAINMENT CULTURE IN THE EARLY XVIII CENTURY

M.E. Popov [а]
[а] Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russia

Попов Максим Евгеньевич –
магистрант,
Горно-Алтайский государственный университет,
ул. Ленкина, 1, г. Горно-Алтайск, 649000, Россия.
E-mail: mr.popov1234@list.ru

Maxim E. Popov -
Master Student,
Gorno-Altaisk State University,
Lenkina St., 1, Gorno-Altaisk, 649000, Russia.
E-mail: mr.popov1234@list.ru

Рассматриваются реформы Петра I в области развлечений. Актуальность изучения исторического опыта культурных преобразований в России начала XVIII в. заключается в том, что данная реформа является ярким примером применения светских методов идеологического воздействия российского государства на население. Она значительно способствовала секуляризации русской культуры, наложила глубокий отпечаток на менталитет русского человека и повлияла на дальнейший ход истории России. Подчёркивается характер влияния реформы на состояние экономики страны в период правления Петра I. Анализируются указы Петра I, нацеленные на регламентацию поведения участников культурных мероприятий. Они отражают насильственный характер приобщения дворян к светскому образу жизни.

Реформа внесла изменения в общественный уклад, повлияла на быт и образ жизни дворян, на формирование у них новых культурных запросов; способствовала культурному обогащению, упрощению традиций, а также избавлению от замкнутости и предрассудков прежних времён. В результате реформы и секуляризации российской культуры светские собрания, развлечения и танцы, сопровождаемые культурным обменом, стали непременным атрибутом многих увеселительных мероприятий при дворе.

Ключевые слова: *культурная политика, Петр I, реформа веселья, быт, образ жизни, ассамблеи, указ, маскарад.*

The article is devoted to the consideration of the reform of Peter I in the field of entertainment. The urgency of studying the historical experience of cultural transformations in Russia at the beginning of the XVIII century the example of the reform of Peter I is that this reform is a vivid example of the use of secular methods of ideological influence of the Russian state on the population. It greatly contributed to the secularization of Russian culture, left a deep imprint on the mentality of the Russian people and influenced the further course of Russian history. The work emphasizes the nature of the reform impact on the state of the country's economy during the reign of Peter I. The author undertakes an analysis of the decrees of Peter I aimed at regulating the behavior of students of cultural events. It is noted that these decrees reflect the violent nature of the involvement of nobles in a secular way of life.

The author comes to the conclusion that the reform has made changes in the social structure, influenced the way of life, and the way of life of noblemen, on the formation of new cultural requests; facilitated cultural enrichment, simplification of traditions and also getting rid of the seclusion and prejudices of former times. As a result of the reform and secularization of Russian culture, secular gatherings, entertainment and dances, accompanied by cultural exchange, have become an indispensable attribute of many amusements at the court.

Keywords: *cultural policy, Peter I, reform of fun, way of life, lifestyle, assemblies, decree, masquerade.*

Так называемая «реформа веселья», проводимая Петром, была задумана после его заграничных путешествий 1697–1698 гг. Она являлась важной составной частью культурной политики Петра I и выражалась в заимствовании некоторых элементов у западных стран, в частности учреждении различных собраний для увеселений, балов, карнавалов и практики личных приёмов для высоких гостей. В связи с этим реформа в первую очередь затрагивала верхи общества, поскольку именно они воспринимали культурные новшества в той мере, которая сформировала у них особые предпочтения и вкусы. К тому же в их среде были сосредоточены все контакты с иностранцами в области политики, экономики и культуры. Как правило, гости из Европы взаимодействовали только с дворянами, купцами и учёными, знающими иностранные языки. Проводя эту реформу, Пётр пытался привить вкус к светской жизни у русского дворянства, культурно обогатить его, надеялся укрепить отношения с западными странами. Он приглашал иностранных гостей и послов на устраиваемые им увеселительные мероприятия, демонстрируя общность культурных интересов и запросов.

По оценке О.Г. Агеевой, такого рода политика носила «варварский» характер, подразумевала заимствование культурных стереотипов Запада и подавление потенции развития национальной культуры [1, с. 6]. Увеселения двора начала XVIII в. отражали «высокие образцы» европейской культуры, но вместе с тем способствовали росту неумеренного пьянства, которого не было ранее. Пётр принуждал пить всех, в том числе и дам. Иностранные гости свидетельствовали, что женщин заставляли пить не только вино, но и водку. Действительно первоначально приобщение придворных к культурным новшествам носило принудительный характер, пиры, приёмы и веселья проходили в обязательном порядке, царь сам нередко их организовывал. Отметим, что отношение Петра ко всякого рода увеселениям было крайне позитивным. Например, как сообщает исследователь петровской эпохи С.А. Князьков, очевидцы говорили, что Пётр, видя из своего дома торжество и пиршество в доме Меншикова, всегда с удовольствием говорил: «Вот как Данилыч веселится» [2, с. 684]. Устраивать подобные развлечения обязаны были и другие сановники царя. Особым размахом и постоянством отличались приёмы именно у приближенных Петра. Граф Апраксин так втянулся в это занятие, что у него каждый день был накрытый стол для званых и незваных гостей, без большого стакана царской водки к столу графа никого не подпускали [2, с. 687]; генерал-прокурор Ягужинский также имел обыкновение задавать балы и проявлял в этом большой опыт, он старался ввести у себя дома вельможный тон и манеры французского дворянства. Отношение к увеселениям не было одинаковым у приближенных Петра, и некоторые имели особый подход к приёму и развлечению гостей. В частности не любил устраивать у себя приёмы канцлер Головкин, за что его звали скрягой. В свою очередь князь-кесарь Ромодановский хранил заветы старого хлебосольства, вызывающего порой неприятие. В частности, гостей Ромодановского встречал ручной медведь, умевший ходить на задних лапах и держащий поднос с большим стаканом данцигской водки в передних [2, с. 687]. Кроме того, князь-кесарь отмечался тем, что на праздники и маскарады переодевался в старомосковские царские наряды, что было напрямую связано с его титулом, который давал такое право. [3, с. 62]. К примеру, на свадьбе шута Шанского Ромодановский был облачён в одеяние русского царя XVII в. [4, с. 157].

Сам Пётр был неразборчив на развлечения: грубая попойка с матросами сочеталась с балами у Ягужинского. Судя по всему, к тому и другому Пётр относился одинаково. Гостям он запрещал расходиться даже в том случае, если сам отправлялся спать.

25 ноября 1718 г. Петр I издал указ «О достоинстве гостевом, на ассамблеях быть имеющем» об ассамблеях, которые произвели коренной перелом в городских развлечениях. Верхи столичного общества не только развлекались на них, но и обсуждали дела и вели переговоры. Пётр придавал им значение школы светского воспитания. Помимо предписаний перед приёмом: умыться, побриться, не наедаться, каким образом одеться, указ содержал правила поведения в самом разгаре праздника касательно обхождения с дамами, танцев и приёма пищи. По замыслу Петра на первых порах ассамблеи должны были проводиться по инструкции в указе до тех пор, пока они не войдут в обычай [5]. В частности определялось, каким чинам необходимо на них присутствовать. Ассамблеи распределялись между чиновными лицами без какой-либо очереди. Обычно сам государь назначал, в чьём доме должна быть первая ассамблея,

потом объявлялось, где будет следующая. Распределялись они таким образом, чтобы в течение зимы каждый знатный придворный провёл хотя бы одно собрание [1, с. 9]. На ассамблеи приглашалось избранное общество; вместе с жёнами и детьми туда должны были являться высшие офицеры, вельможи, чиновники, корабельные мастера, знатные купцы, учёные. Несколько по-другому описывал ассамблеи П. Г. Брюс в «Дневнике камер-юнкера Берхгольца». На них «свободно допускались господа всех званий, русские и иностранцы, с их жёнами и дочерьми» [6, с. 690]. Хозяева-устроители балов освобождались от обязанности провожать и встречать гостей. Но они должны были предоставить в их распоряжение помещение, сладости, табак, трубки, напитки и столы для игры в шахматы.

По свидетельству современников, на мероприятиях наблюдалась постепенная раскрепощённость присутствующих. Самые грубые шутки были в ходу и никого не стесняли. Пётр нередко проводил время в беседе с шутами, чтобы расслабиться после напряжённых занятий [6, с. 247]. Датский посланник Юст Юль в 1709 г. писал о том, что шуты сидели и ели за одним столом вместе с царём [7, с. 159]. К 1720 г. такие явления в присутствии царя были уже редкостью. Прежние дураки и шуты вывелись, и их заменили шутники и остроумцы по призванию. На петровских ассамблеях всех потешал некий поручик гвардии, обладающий способностью громко и долго смеяться так, что, глядя на него, принимались хохотать все [2, с. 689].

Ассамблеи проводились и в Москве, подобно Петербургским, они устраивались по единому организационному принципу. Барабанным боем созывали гостей со всего города, после мероприятия полицмейстер сообщал, где будет собрание в следующий раз. Следует отметить, что внедрение ассамблей в Москве было более жёстким, Пётр принуждал явиться всех вельмож, в том числе и дам, старше 10 лет, не пришедшие подвергались тяжкому наказанию, тем самым указание Петра распространялось и на девочек-подростков [8, с. 139–140].

Позднее Пётр вовлёк в это светское мероприятие и чёрное духовенство. С 1723 г. учреждались ассамблеи в московских монастырях, что незамедлительно вызвало неодобрение церковных лиц, однако не всех. В частности казанский митрополит Сильвестр об ассамблеях, которые проводил Новгородский архиепископ Феодосий Яновский сообщал о крайней озабоченности Феодосия насчет увеселений, который, «оставив церковные службы, устраивал ассамблеи с музыкой, играл в карты и шахматы с таким увлечением, что велел своему послужнику продать старые колокола на московском подворье, чтобы они не мешали ему спать днём после ночной игры [9].

Ассамблеи также способствовали тому, что Пётр лучше узнавал своих приближённых, специально подпаивая их, он прислушивался к непринуждённым разговорам. Помимо этого Петр обсуждал практические вопросы государственных дел, а также различные планы. С.А. Князьков отмечал, что в данных беседах и речах Петра, сохранившихся в воспоминаниях современников, происходила оценка деятельности самого царя и его предшественников, вскрывались те побуждения и идеи, которые легли в основу его дальнейшей деятельности [2, с. 696].

П. Г. Брюс упоминал что «это нововведение чрезвычайно понравилось дамам, поскольку освобождало их от суровых жизненных ограничений. Ранее им не разрешалось появляться в обществе, посредством же ассамблей они научились одеваться и вести светскую беседу» [2, с. 697]. Таким образом, введение ассамблей положило конец затворнической жизни столичных женщин.

Постепенно ассамблеи становились вечерами-балами по европейскому культурному образцу. Балы открыли новую форму общения людей. Они значительно потеснили прежние пирушки [1, с. 13].

Ассамблеи были не единственным местом, где верхи общества учились вести светский образ жизни и оттачивать «изящные» манеры. В летнее время таким местом был Летний сад, где сосредоточивалось всё веселье столичной жизни. Там же проходил день именин царя и отмечался день «преславной виктории». Вечером ворота сада запирались, на главную аллею выходила процессия, гренадёры несли ушаты хлебной водки, за солдатами шли майоры гвардии и предлагали всем выпить по большой чарке за здоровье царя, к этому обязывали и дам, упирающимся лили вино на голову, пока те не соглашались на угощения [10, с. 330]. На берегу Невы проходили танцы, а на лугу разгорался фейерверк, составляемый самим Петром, страшно любившим эту огненную потеху. Следует подчеркнуть, что с тех пор фейерверк стал непременной особенностью любого празднества и веселья.

Отдыхающие в Летнем саду наряду с увеселениями могли заниматься познавательным чтением, на скамейках располагались книги с баснями Эзопа [10, с. 330].

Одним из любимых удовольствий Петра в его «парадизе» было катание по Неве, которое также предусматривалось указом и происходило по особому регламенту. Жителям Петербурга «для увеселения народа, наипаче же для лучшего обучения и искусства по водам и смелости в плавании» [6, с. 109], из казны были розданы парусные и гребные суда «безденежно», после чего в определённые дни вывешивались сигнальные флаги и морской штандарт на флагштоке крепости, что означало приглашение всех жителей к выезду на судах по Неве [11, с. 560]. Не явившиеся платили штраф. Очевидцы рассказывали, что удовольствие от прогулки было всеобщим, все вельможи имели с собой музыкальные инструменты, в конце прогулки все выходили на берег, и на рощице их ждал большой стол с холодными закусками [6, с. 109].

Помимо всего прочего у Петра была страсть к торжественным шествиям, аллегорическим процессиям и маскарадам, в особенности он любил свадьбы, приглашение на которые происходило определённым образом. В частности, по требованию царя перед свадьбой Н. Зотова четверо «величайших» заик должны были ходить по домам и оповещать о приглашении; за его непринятие грозил гнев царя [6, с. 173]. Так, описывал свадьбу Меншикова Ю. Юст: «На свадьбе было весело; танцевали все вперемежку, господа и дамы, девки и слуги. Царь, как уже много раз бывало на подобных собраниях, неоднократно являл мне знаки великой и особливой своей милости. Вечером он сам сопровождал молодых домой. По пути, на улицах, пили и весело плясали под звуки музыки» [7, с.160].

В день свадьбы князя Бутурлина был устроен маскарад, в котором участвовала тысяча человек, имевших самые разнообразные костюмы. Среди подданных Петра многие одевались в платья иностранных министров: венецианских, венгерских, немецких, японских, индийских, китайских [12, с. 50]. Иные облачались как римские воины с шлемами и цветами на головах или как епископы, прелаты, капуцины, иезуиты и доминиканцы; наконец, многие были наряжены как корабельщики и рудокопы [6, с. 172].

По прихоти царя самые рослые гайдуки были одеты как дети, их водили на помочах два карлика, наряжённые стариками с длинными седыми бородами. Некоторые щеголяли в костюме бояр и ездили на ручных медведях [6, с. 172]. Затем все отправлялись в здание коллегии, где для них были приготовлены столы с угощениями. Вечером все дома в городе были иллюминированы, и оставались таковыми во всё время маскарада, который продолжался и следующий день [6, с. 172].

Такого рода маскарады имели и образовательное значение, поскольку участвующими в них представлялись костюмы разных культур и народов, своего рода публичное разнообразие мира.

Для простой публики также были доступны некоторые увеселения. Для неё устраивались гуляния по торжественным датам с процессиями, красочными фейерверками и маскарадами. На площадях выставлялись угощения. Кроме того, в 1702 г. был сооружён театр «комедиальная храмина», все представления имели публичный характер и были доступны всем желающим [12, с. 51]. В театре нередко ставились пьесы, отражавшие события современности. По замыслу Петра театр должен был иметь воспитательную и образовательную функции, разъяснять народу «истинный смысл деяний преобразований» и прославлять Российское государство [13, с. 141].

Однако театр не получил широкой популярности среди населения, вероятно потому, что представления были оторваны от реалий русской жизни.

«Реформа веселья», безусловно, имела ряд важных последствий. Молодые люди, побывавшие за границей и вкусившие всех её прелестей, видели цель всякого собрания лишь в том, чтобы всласть поужинать и здорово выпить, но помимо этого они также учились танцевать и старались проявлять галантность в обращении с дамами. Для этих молодых людей Пётр велел перевести и напечатать руководство по приличному поведению «Юности честное зерцало». Это назидание являлось своего рода попыткой Петра сгладить негативный оттенок «реформы веселья», оно содержало рекомендации, касающиеся правил поведения в общественных местах и за столом.

Влияние реформы имело последствия для экономики страны, поскольку для того чтобы давать балы и держать открытый стол, необходимо было иметь соответствующие погреб, кухню и обстановку, заграничные инструменты, оркестр, выписывать голландскую анисовую водку, любимую царём, «Гданьскую», вина «Эрмитаж», венгерское, бургонское и шампанское [2, с. 688].

Что сопровождалось соответствующими затратами и накладывало дополнительную нагрузку на труд крепостных крестьян.

Резкое насильственное приобщение к культуре Запада способствовало в дальнейшем обособлению господствующего класса от коренных культурных традиций русского народа.

Тем не менее реформа привела к ряду важных культурных изменений. С момента её реализации увеселения стали неотъемлемой и важной частью придворной жизни. Зародилась традиция праздновать знаменательные даты: дни военной победы, дни рождения, свадьбы. Она способствовала некоторой консолидации общества, возникновению общности культурных запросов, культурному обогащению и упрощению традиций и избавлению от замкнутости и предрассудков прежних времён.

Литература

1. *Агеева О.Г.* Увеселения русского двора от Петра I до Екатерины Великой // Отечественная история. 2006. № 5. С. 3–15.

2. *Князьков С.А.* Время Петра Великого. М. : Планета, 1991. 709 с.

3. *Мухин О.Н.* Феномен «Игры в царя» в политической культуре России раннего нового времени: психосоциальные корни // Вестн. Томского гос. ун-та. 2010. № 339. С. 62–69.

4. *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избр. труды : в 3 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 1 : Семиотика истории, семиотика культуры. С. 142–183.

5. Указ Петра I «О достоинстве гостевом, на ассамблеях быть имеющем». URL: http://rus-biography.ru (дата обращения: 24.09.2017).

6. *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца : в 4 ч. Ч. 1–2. М. : Типография Каткова, 1858.

7. *Юст Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М. : Университетская типография, 1899. 613 с.

8. *Комиссаренко С.С.* Культурные традиции русского общества. СПб. : СПбГУП, 2003. С. 124–140.

9. Петровские ассамблеи. URL: http:// statehistory.ru (дата обращения: 24.09.2017).

10. *Павленко Н.И.* Пётр I. М. : Молодая гвардия, 2003. 426 с.

11. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. № 3193.

12. *Литвинцева Г.Ю.* Новые направления культурно-досуговой деятельности в Петровскую эпоху // Вестн. Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. 2010. № 1. С. 48–56.

13. *Тихонравов Н.С.* Русские драматические произведения 1672–1722 гг. СПб., 1874. 510 с.

References

1. Ageeva O.G. Uveseleniya russkogo dvora ot Petra I do Ekateriny Velikoy [The Amusements of the Russian Court from Peter the Great to Catherine the Great]. *Otechestvennaya istoriya*. 2006, No. 5, pp. 3-15.

2. Knyaz'kov S.A. *Vremya Petra Velikogo* [The Time of Peter the Great]. Moscow: Planeta, 1991, 709 p.

3. Mukhin O.N. Fenomen «Igry v tsarya» v politicheskoy kul'ture Rossii rannego novogo vremeni: psikhosotsial'nye korni [The Phenomenon of "Tsar Games" in the Political Culture of Russia in the early Modern Era: Psychosocial Roots]. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta*. 2010, No. 339, pp. 62-69.

4. Uspenskiy B.A. [Tsar and Impostor: Imposture in Russia as a Cultural and Historical Phenomenon]. *Izbrannye trudy* [Selected works]: in 3 vol. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1996, vol. 1, pp. 142-183.

5. *Ukaz Petra I «O dostoinstve gostevom, na assambleyakh byt' imeyushchem»* [Peter I Decree "On the Dignity of the Guest, at the Assemblies to Have"]. Available at: http://rus-biography.ru (accessed 24.09.2017).

6. Berkhgol'ts. F.V. *Dnevnik kamer-yunkera Berkhgol'tsa* [Diary of the Chamber-Junker Berkhgolts]: in 4 ch. Ch. 1-2. Moscow: Tipografiya Katkova, 1858.

7. Yust Yu. *Zapiski Yusta Yulya, datskogo poslannika pri Petre Velikom (1709-1711)* [Notes Justus Julia, the Danish Envoy under Peter the Great (1709-1711)]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1899, 613 p.

8. Komissarenko S.S. *Kul'turnye traditsii russkogo obshchestva* [Cultural Traditions of Russian Society]. Saint Petersburg: SPbGUP, 2003, pp.124-140.

9. *Petrovskie assamblei* [Peter Assemblies]. Available at: http://statehistory.ru (accessed 24.09.2017).

10. Pavlenko N.I. Petr I [Peter I]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2003, 426 p.

11. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, 1830, No. 3193.

12. Litvintseva G.Yu. Novye napravleniya kul'turno-dosugovoy deyatel'nosti v Petrovskuyu epokhu [New Directions of Cultural and Leisure Activities in the Petrine Era]. Vestn. Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta kul'tury i iskusstv. 2010, No. 1, pp. 48-56.

13. Tikhonravov N.S. Russkie dramaticheskie proizvedeniya 1672–1722 gg. [Russian Dramatic Works of 1672-1722]. Saint Petersburg, 1874, 510 p.

Поступила в редакцию / Received ***8 ноября 2017 г. / November 8, 2017***

УДК 94(38).09 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-112-116

ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ: МАРК АНТОНИЙ, АРМЕНИЯ И МИДИЯ АТРОПАТЕНА В 35–33 ГГ. ДО Н.Э.

© 2018 г. Е.В. Смыков [а]
[а] Саратовский государственный университет, Саратов, Россия

AFTER THE DEFEAT: MARK ANTONY, ARMENIA AND MEDIA ATROPATENE IN 35-33 BC

E.V. Smykov [a]
[a] Saratov State University, Saratov, Russia

Смыков Евгений Владимирович –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра древнего мира,
Институт истории и международных отношений,
Саратовский государственный университет,
ул. Астраханская, 83, г. Саратов, 410012, Россия.
E-mail: Smykov61@list.ru

Eugeny V. Smykov -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Ancient World,
Institute of History and International Relations,
Saratov State University,
Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russia.
E-mail: Smykov61@list.ru

Рассматривается политика триумвира М. Антония после неудачного парфянского похода 36 г. до н.э. Так как Великая Армения оказалась ненадежным союзником, Антоний воспользовался возможностью заключить союз против Парфии с царем Мидии Атропатены. При этом царем Армении планировалось сделать Александра Гелиоса, сына Антония и Клеопатры, который вступал в брак с дочерью мидийского царя, а часть территории Армении передавалась Атропатене. При помощи этих мер Антоний рассчитывал прочно укрепить римское влияние на северо-западной границе Парфии, обеспечить при необходимости удобный путь для вторжения в центральные районы Парфии и обезопасить границу по Евфрату. Этот внешнеполитический проект был вполне реален и завершил бы формирование системы безопасности на римско-парфянской границе, но его реализации помешало возобновление борьбы с Октавианом и поражение Антония.

Ключевые слова: *Марк Антоний, Артавазд, Армения, Парфия, Мидия Атропатена.*

The article reviews the policy of the triumvir M. Antony after the unsuccessful Parthian campaign of 36 BC. Since Great Armenia proved to be an unreliable ally, Antony took the opportunity to conclude an alliance against Parthia with the king of the Media Atropatene. At the same time, it was planned to make the king of Armenia Alexander Helios, the son of Antony and Cleopatra, who married the daughter of the Median king, and part of the territory of Armenia was passed to Atropatene. With the help of these measures, Antony expected to strengthen firmly Roman influence on the northwestern border of Parthia, to provide, if necessary, a convenient path for invading the central regions of Parthia and secure the border along the Euphrates. This foreign policy project was quite realistic and would complete the formation of a security system on the Roman-Parthian border, but its implementation was prevented by the resumption of the struggle with Octavian and the defeat of Antony.

Keywords: *Mark Antony, Artavazdes, Armenia, Parthia, Media Atropatene.*

Когда говорят о парфянской политике Антония, обычно концентрируют внимание на его походе 36 г. до н.э. и последующих действиях против обвиненного в измене армянского царя Артавазда. Вопрос о целях Антония при этом не ставится, молчаливо предполагается, что он стремился к «завоеванию Парфии» с тех самых пор, как прибыл на Восток [1–4]. Однако события 35–33 гг. представляют не меньший интерес, являясь частью внешнеполитического проекта, который выдвигал на ключевую роль в римско-парфянском противостоянии совершенно нового союзника – Мидию Атропатену.

Мидия Атропатена (она же именуется в античных источниках Атропатенская Мидия, просто Атропатена, или Малая Мидия) – государство, расположенное за Евфратом и не имевшее общей границы с Римом, до поры до времени не

представляла интереса для римской политики. Тем не менее ей не удалось остаться в стороне во время третьей Митридатовой войны: на помощь Тиграну Великому пришли цари мидийцев и адиабенцев (Plut. Luc. 26.4), а в событиях 67 г. до н.э. участвовал «другой Митридат», зять Тиграна, царь Мидии (Cass. Dio. XXXVI.14.2). Хотя источник не уточняет, какая именно Мидия имеется в виду, очевидно, что в данном случае речь идет об Атропатене [5, с. 2207]. Позже, в 65 или 65/64 г. [6, с. 296], Помпей действовал против Дария, царя мидийцев (App. Mithr. 106.497; ср.: App. Mithr. 117.576; Diod. XL.4), видимо, преемника умершего или погибшего к тому времени Митридата.

Договор Помпея с парфянами сделал главным союзником Рима в регионе Армению, служившую буферным государством между двумя державами [7, с. 129]. При этом северо-западная Месопотамия, которую Помпей передал Тиграну II, оставалась спорной территорией между Арменией и Парфией, и ок. 58–57 г. парфяне вновь ее отвоевали [8, с. 168]. Таким образом, сложилась ситуация, когда армянский царь Артавазд остро нуждался в римской военной помощи, чтобы вернуть утраченные области. В 54/53 г. он попытался убедить М. Лициния Красса принять проходивший через Армению маршрут вторжения в Парфию, надеясь при этом отторгнуть у парфян спорные территории. Однако Красс, уже начавший подготовку к походу на Селевкию, не принял предложений армянского царя.

В сущности тот же самый план действий Артавазд предложил М. Антонию через семнадцать лет в 36 г. [9, S. 82]. Маловероятно, чтобы Антоний в данном случае просто поверил его уговорам; скорее они просто совпали с его собственными намерениями. Предположение, что он вообще планировал войну не против Парфии, а против Мидии [10, p. 55–56], едва ли соответствует действительности. Так или иначе, но Артавазд оказался очень ненадежным союзником. Если даже обвинение в измене, предъявленное ему Антонием, не вполне справедливо [11, S. 106], очевидно, что действовал он исключительно в своих интересах. Возможно, он просто не был готов к тому, чтобы участвовать в военных действиях не только против мидийцев, но и против Парфии [9, S. 82].

Итак, две кампании против парфян продемонстрировали, что твердо рассчитывать на содействие армянского царя не приходится, и в затруднительных обстоятельствах он предпочтет свои интересы союзническому долгу. Однако они приоткрыли и новые возможности для создания прочной базы для наступления на Парфию. Присмотримся внимательнее к плану и целям похода Антония, которые тщательно реконструированы в трудах немецких военных историков [12, S. 70–104; 13, S. 53–56; 14]. Для настоящей статьи важно иметь в виду сам замысел триумвира – удар с севера в сердце парфянской державы. Как развивалось бы наступление в дальнейшем, трудно сказать, здесь возможны разные направления [14, S. 31–32; 15, p. 251], однако в любом случае речь может идти о захвате Ктесифона, столицы империи Аршакидов, и других ее важнейших центров к востоку от Тигра. Опыт дальнейших войн с Парфией показывает, что наибольших успехов можно было достигнуть именно при наступлении с севера, либо же комбинируя наступление с севера и с запада. Однако такие действия были возможны только при наличии надежного тыла. Антоний после неудачного похода вовсе не отказался от планов войны с Парфией, и именно в этом кроется главная причина его действий, предпринятых против Артавазда Армянского [16, S. 45]. Вопрос о том, был ли последний в сговоре с Фраатом, вторичен [17, p. 142], его «измена» была лишь поводом для того, чтобы достаточно радикально перестроить систему отношений в римско-парфянской пограничной зоне.

Если свести данные Плутарха и Кассия Диона воедино, картина получается достаточно любопытная. Уже в 35 г., когда Антоний активно восстанавливал силы после неудачного похода, вспыхнул «раздор между царем Мидии и Фраатом Парфянским, начавшийся, как рассказывают, из-за римской добычи и внушивший мидийцу подозрение и страх, что Фраат покушается на его престол» (Plut. Ant. 52.1). Кассий Дион излагает причину раздора более конкретно: мидийский царь разгневался из-за того, что он «не получил ни значительной доли добычи, ни других почестей» (XLIX.33.1). В целом события можно реконструировать так. Артавазд Мидийский был реальным победителем – источники не упоминают какого-либо конкретного участия парфянского царя в боевых действиях [10, p. 56]. Вероятно, победа над римлянами, которую одержал вассальный царь – а такая победа не могла не вызвать роста его престижа! – испугала Фраата, и опасения Артавазда за свою власть были вполне реальными, если вспомнить, например, печальную судьбу Сурены, победителя Красса. Поэтому Артавазд был заинтересован в союзе с Римом, который

мог обеспечить ему безопасное правление. Посредником выступил Полемон, царь Понта, попавший в плен к мидийцам при разгроме легионов Статиана – его Артавазд отправил в Египет к Антонию с предложением дружбы и союза (Cass. Dio. XLIX.33.2).

Это предложение, несомненно, было для Антония до крайности важным. По словам Плутарха, триумвир, «возымев большую надежду, … уже готовился еще раз пройти через Армению, чтобы, соединившись с мидийцем у реки Аракса, открыть военные действия» (Plut. Ant. 52.3. Пер. С.П. Маркиша, с изменениями). Как представляется, Плутарх здесь несколько опережает события. Безусловно, военные действия против Парфии в перспективе намечались, но в 35 г. первоочередная задача была другой. То, что атропатенский Артавазд жаждал отомстить армянскому царю за организованное последним вторжение римлян в Мидию (Cass. Dio. XLIX.33.1), очень вероятно. Но Антоний вряд ли стал бы действовать по навязанному ему сценарию. При этом несомненно, Антоний, заключивший союз с Мидией Атропатеной, был опасен для армянского царя. Теперь Антоний, вознамерься он совершить новое вторжение в Парфию, оставлял у себя за спиной властителя, который вполне мог перейти к откровенно враждебным действиям. Таким образом, у новоявленных союзников ближайшие интересы касались не столько Парфии, сколько Армении, и потому Антоний в первую очередь попытался решить армянскую проблему.

Действия, которые он предпринял против армянского царя, уже римскими авторами оценивались как вероломные (Liv. Per. 131; Vell. II.82.3; Oros. VI. 19.3); правда, при этом нужно иметь в виду, что обвинения восходят к враждебной Антонию пропаганде (Cass. Dio. L.1.4). На самом деле действия против армянского Артавазда имели несколько этапов. Антонию пришлось, во-первых, привлечь на свою сторону какую-то часть армянской знати, тех «друзей» царя, которые и убедили его явиться в лагерь триумвира (Cass. Dio. XLIX.39.4); далее, не раскрывая своих планов и опираясь на авторитет Артавазда, он попытался завладеть царскими сокровищницами (ibid. 39.5), и лишь после того, как недовольные объединились вокруг Артаксия, приказал заковать царя в цепи (ibid. 39.6). В конечном счете это была успешная операция: Армения перешла под римский контроль, хотя говорить о том, что она была обращена в провинцию, как это иногда делают [15, p. 273; 18–21], оснований нет. Как подчеркивает А.Н. Шервин-Уайт, Антоний не был сторонником аннексии, предпочитая использовать в качестве инструмента римской политики зависимых царей [22, p. 321].

Видимо, именно в это время происходили переговоры о союзе между Антонием и мидийским царем, о которых сообщает Плутарх. Последовательность событий в его изложении такова: после возвращения Антония из похода происходит ссора Артавазда Мидийского и Фраата; Антоний получает предложение союза и намеревается встретиться с Артаваздом на Араксе; Октавия отправляется на Восток с подкреплениями для его армии; Клеопатра, пустив в ход свое женское обаяние, заставляет Антония отправиться вместе с ней в Александрию; «несколько позже» Антоний все-таки встречается с Артаваздом. Сразу же бросается в глаза, что среди событий 35 г. Плутарх ни словом не обмолвился о появлении в Азии разбитого Октавианом Секста Помпея, сведя причины бездействия Антония на «восточном фронте» исключительно к личным мотивам. Между тем появление в сфере его влияния возможного претендента на власть и недостаток обученных войск вполне объясняют то, что Антоний предпочел отложить новый поход [19, p. 265]. Кроме того, в 35 г. им активно велась дипломатическая игра с целью обеспечения надежного тыла в Армении. Только после того как Секст погиб, а Артавазд был пленен, Антоний приступил к реализации своих мидийских планов.

Плутарх рассказывает: «Он все-таки посетил Мидию, заключил с царем дружественный договор, помолвил одну его дочь, еще совсем маленькую, за одного из своих сыновей от Клеопатры» (Ant. 53.6; ср.: Cass. Dio. XLIX.40.2). Оба автора в данном случае говорят о помолвке детей Антония и Артавазда, однако это отнюдь не означает, что состоялась их личная встреча. Скорее всего, этой встречи и не было, поскольку ни о каких конкретных политических обязательствах пока речь не шла, была достигнута лишь принципиальная договоренность, публичной манифестацией которой стала связанная с Александром Гелиосом часть «александрийских дарений».

Кассий Дион лаконично сообщает, что Антоний обещал дать Александру «Армению и все прочие земли по ту сторону Евфрата вплоть до Индии» (XLIX.41.3). Плутарх с его страстью к живописным подробностям дает более полную информацию: Антоний «Александру назначил Армению, Мидию и Парфию (как только эта страна

будет завоевана)… Александра Антоний вывел в полном мидийском уборе, с тиарою и прямою китарой… Это был наряд … царей Мидии и Армении. … (Его) окружили телохранители-армяне…» (Ant. 54.4-6). Итак, мальчик, в жилах которого текла кровь Птолемеев, выступал как царь Армении, связанный родственными узами с мидийским царским домом, и потенциально претендующий на власть в Парфии. Это была достаточно искусная династическая конструкция, которая должна была лечь в основу дальнейших действий.

Завершением всех этих политических маневров было заключение договора с мидийским царем. Ради этого в 33 г. Антоний вновь совершил поход к Араксу, где и было оформлено соглашение. Две стороны договорились помогать друг другу, Антоний Артавазду против парфян, а Артавазд Антонию против Октавиана; в знак этого союза они обменялись воинскими контингентами – видимо, каждый получил то, чего ему недоставало: Артавазд – легионеров, а Антоний – мидийскую конницу. Мидийский царь получил часть территории Армении – возможно, ту пограничную местность, которую Страбон (XI. 523) называет Симбака [23, p. 95], а Антонию были возвращены орлы легионов, захваченные во время разгрома Статиана, что, несомненно, являлось крупным достижением дипломатии Антония [24, с. 119]. После заключения договора царская дочь Иотапа отправилась к своему жениху, Александру Гелиосу.

Таким образом, едва ли прав В. Гардтхаузен, который в свое время писал, что в распоряжениях Антония на Востоке не стоит искать какой-либо принцип или концепцию, кроме чисто личных мотивов [25, S. 339]. Скорее следует признать, что действия Антония достаточно искусно обезопасили восточную границу римских владений, поскольку парфяне вряд ли решились бы на вторжение в Сирию, имея римских союзников на своих северных границах [26, p. 207]. Антонию таким образом удалось добиться гораздо большей стабильности на границе с восточным соседом, чем это было ранее, после восточных распоряжений Помпея [15, p. 278].

Литература

1. *Машкин Н.А.* Принципат Августа. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 686 с.

2. *Утченко С.Л.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. М. : Наука, 1969. 324 с.

3. *Lindsay J.* Marc Antony. His World and his Contemporaries. L. : Routledge, 1936. 342 p.

4. *Bengtson H.* Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients. München, 1977. 327 S.

5. *Geyer F.* Mithridates (17) // Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1932. Bd. 15. Sp. 2207.

6. *Sullivan R.D.* Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B. C. Toronto; Buffalo; London: Univ. of Toronto Pr., 1990. XXVII. 523 p.

7. *Смыков Е.В.* Рим и Парфия: путь к договору (Гн. Помпей и парфяне) // Античность: общество и идеи. Казань : КГУ, 2001. С. 118–129.

8. *Литовченко С.Д.* Великая Армения в системе международных отношений в середине 50-х гг. I в. до н.э. // Древности 2004. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков : ХИАО, 2004. С. 167–172.

9. *Buchheim H.* Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius: ihre Voraussetzungen, Entwicklung und Zusammenhang mit den politiken Ereignissen in Italien. Heidelberg : Winter, 1960. 127 S.

10. *Jones K.R.* Marcus Antonius' Median War and the Dynastic Politics of the Near East // J.M. Schlude, B.B. Rubin (eds). Arsacids, Romans and Local Elites: Cross-Cultural Interactions of the Parthian Empire. Oxford : Oxbow books, 2017. P. 51–64.

11. *Prantl H.* Artavasdes II. Freund oder Feind der Römer? // A. Coşkun (hg.). Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jahrhundert v. Chr. 1. Jahrhundert n. Chr.). Frankfurt-am-Main : Lang, 2008. S. 91–108.

12. *Kromayer J.* Der Partherzug des Antonius // Hermes. 1896. Bd. 31. S. 70–104.

13. *Günter A.* Beiträge zur Geschichte der Kriege zwischen Römern und Parthern. Berlin : Schwetschke, 1922. 136 S.

14. *Bengston H.* Zum Partherfeldzug des Antonius. Münich : Beck, 1974. 48 S.

15. *Roberts A.* Mark Antony. His life and his time. Worchestershire : Malvern, 1988. LXVIII. 361 p.

16. *Schippmann K.* Gründzuge der partischen Geschichte. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchsgesselschaft, 1980. 132 S.

17. *Wolski J.* L'empire des Arsacides. Louvain : Peeters, 1993. VII. 218 p.

18. *Tarn W.W., Charlesworth M.P.* The War of the East against the West // CAH. 1934. Vol. X. P. 66–111.

19. *Syme R.* The Roman revolution. Oxford : Clarendon Pr., 1939. 568 p.

20. *Huzar E.G.* Mark Antony. A Biography. Minneapolis Univ. of Minnesota Pr., 1978. X. 348 p.

21. *Reinhold M.* From Republic to Principate: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta : Scholars Press, 1988. XXII. 261 p.

22. *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign policy in the East, 168 B.C. to A.D. 1. London : Duckworth, 1984. VII. 352 p.

23. *Patterson L.E.* Antony and Armenia // Transaction of American Philological Association. 2015. Vol. 145. P. 77–105.

24. *Парфенов В.Н.* От Цезаря до Августа. Саратов : СГУ, 1987. 148 с.

25. *Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. Leipzig : Teubner, 1891. Bd. 1.1. X. 481 S.

26. *Rawlinson G.* The sixth Great Oriental Monarchy, or the Geography, History, Antiquities of Ancient Parthia. N. Y. : Dodd, Mead and Company, 1873. XV, 458 p.

References

1. Mashkin N.A. *Printsipat Avgusta.* [The Principate of Augustus]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948, 686 p.

2. Utchenko S.L. *Drevnii Rim. Sobytiya. Lyudi. Idei* [Ancient Rome. Facts. People. Ideas]. Moscow: Nauka, 1969, 324 p.

3. Lindsay J. Marc Antony. *His World and his Contemporaries*. London: Routledge, 1936, 342 p.

4. Bengtson H. *Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients*. München, 1977, 327 S.

5. Geyer F. Mithridates (17). *Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1932, Bd. 15, Sp. 2207.

6. Sullivan R.D. *Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B. C.* Toronto; Buffalo; London: Univ. of Toronto Pr., 1990, XXVII, 523 p.

7. Smykov E.V. [Rome and Parthia: the path to the treaty (Gn. Pompey and the Parthians)]. *Antichnost': obshchestvo i idei* [Antiquity: Society and Ideas]. Kazan: KGU, 2001, pp. 118-129.

8. Litovchenko S.D. [Great Armenia in the Iinternational Relations in the mid-50's. of the 1st Century BC]. *Drevnosti 2004* [Antiquities 2004]. Kharkov Historical and Archaeological Yearbook. Kharkov: KhIAO, 2004, pp. 167-172.

9. Buchheim H. *Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius: ihre Voraussetzungen, Entwicklung und Zusammenhang mit den politiken Ereignissen in Italien*. Heidelberg: Winter, 1960, 127 S.

10. Jones K.R. *Marcus Antonius' Median War and the Dynastic Politics of the Near East*. J.M. Schlude, B.B. Rubin (eds). Arsacids, Romans and Local Elites: Cross-Cultural Interactions of the Parthian Empire. Oxford: Oxbow books, 2017, pp. 51-64.

11. Prantl H. Artavasdes II. Freund oder Feind der Römer? A. Coşkun (hg.). *Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jahrhundert v. Chr. 1. Jahrhundert n. Chr.)*. Frankfurt-am-Main: Lang, 2008, pp. 91-108.

12. Kromayer J. Der Partherzug des Antonius. *Hermes*. 1896, Bd. 31, pp. 70-104.

13. Günter A. *Beiträge zur Geschichte der Kriege zwischen Römern und Parthern*. Berlin: Schwetschke, 1922, 136 S.

14. Bengston H. *Zum Partherfeldzug des Antonius*. Münich: Beck, 1974, 48 S.

15. Roberts A. *Mark Antony. His life and his time*. Worchestershire: Malvern, 1988, LXVIII, 361 p.

16. Schippmann K. *Gründzuge der partischen Geschichte*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchsgesselschaft, 1980, 132 S.

17. Wolski J. *L'empire des Arsacides*. Louvain: Peeters, 1993, VII, 218 p.

18. Tarn W.W., Charlesworth M.P. The War of the East against the West. *CAH*. 1934, vol. X, pp. 66-111.

19. Syme R. *The Roman revolution*. Oxford: Oxford: Clarendon Pr., 1939, XII, 568 p.

20. Huzar E.G. *Mark Antony. A Biography*. Minneapolis, 1978, X, 348 p.

21. Reinhold M. *From Republic to Principate: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 49-52 (36-29 B.C.).* Atlanta: Scholars Press, 1988, XXII, 261 p.

22. Sherwin-White A.N. Roman Foreign policy in the East, 168 B.C. to A.D. 1. London: Duckworth, 1984, VII, 352 p.

23. Patterson L.E. Antony and Armenia. *Transaction of American Philological Association*. 2015, vol. 145, pp. 77-105.

24. Parfenov V.N. *Rim ot Tzezarya do Avgusta* [Rome from Caesar to Augustus]. Saratov: SGU, 1987, 148 p.

25. Gardthausen V. *Augustus und seine Zeit*. Leipzig: Teubner, 1891, Bd. 1.1, X, 481 S.

26. Rawlinson G. *The sixth Great Oriental Monarchy, or the Geography, History, Antiquities of Ancient Parthia*. N. Y.: Dodd, Mead and Company, 1873, XV, 458 p.

Поступила в редакцию / Received ***28 января 2018 г. / January 28, 2018***

УДК 930.1(099) DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-117-123

О ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ КРЫМА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Е.А. ВЕКИЛОВОЙ

© 2017 г. А.В. Черкасов [a]

[a] Филиал Государственного морского университета им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, Севастополь, Россия

ON THE PRIMITIVE ARCHEOLOGY OF CRIMEA IN THE CREATIVE HERITAGE OF E.A. VEKILOVA

A.V. Cherkasov [a]

[a] Sevastopol Branch, Ushakov State Maritime University, Sevastopol, Russia

Черкасов Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Филиал Государственного морского университета им. адмирала Ф.Ф. Ушакова в г. Севастополь, ул. Героев Севастополя, 11, г. Севастополь, 299009, Россия.
E-mail: lakets2006@meta.ua

Alexey V. Cherkasov - Candidate of History, Associate Professor, Head of Department of Social and Humanitarian Disciplines, Sevastopol Branch, Ushakov State Maritime University, Geroev Sevastopolya St., 11, Sevastopol, 299009, Russia.
E-mail: lakets2006@meta.ua

Рассматриваются основные направления и результаты научной деятельности отечественного археолога Е.А. Векиловой, относящиеся к крымскому периоду биографии ученого (50–70-е гг. XX в.). Среди них: комплексное изучение памятников каменного века на полуострове, включающее раскопки стоянки Сюрень I, II с уточнением ее датировки и культурной принадлежности комплекса, структурирование периодов развития крымского мезолита и раннего неолита, создание комплексных археолого-историографических обзоров изучения древнейшей истории Крыма. Отдельную позицию в авторских исследованиях занимал вопрос каталогизации известных и новых первобытных памятников, с перспективой разработки и утверждения их охранных зон, создания соответствующих информационных баз, формирования системы реставрационных работ по объектам культурного наследия на территории Крыма.

Ключевые слова: *древняя история Крыма, история первобытного общества, историография каменного века, первобытная стоянка, мезолит Крыма, персоналия ученого, периодизация, археологические исследования.*

The basic directions and results of scientific activity of Russian archaeologist E.A Vekilova in Crimea during 50 - 70th of XX of century are examined in the article. Among them: complex study of monuments of stone age on a peninsula, including excavations of Suren camp I, II with the specification of dating and cultural belonging of the complex, defining of the division into periods of Crimean Mesolithic and early Neolithic development, historiography researches. The separate position in the author's research was the question of cataloguing of known and unknown prehistoric sites, with a prospect of the development and approval of protected zones, the creation of appropriate information bases, formation of system of restoration works on cultural heritage objects on the territory of Crimea.

Keywords: *the ancient history of Crimea, history of primitive society, historiography of the stone age, primitive parking, the Mesolithic of the Crimea, the scientist scientist, the periodization, archaeological research.*

Елена Алексеевна Векилова – фигура во многом знаковая в отечественной археологии XX в. Ее жизнь и научная деятельность являют собой пример самоотверженного служения любимому делу. Среди многих регионов страны, где побывала Елена Алексеевна, участвуя в полипрофильных археологических экспедициях (к примеру, комплексные раскопки Ахштырской пещеры как опорного памятника среднего палеолита Северо-Западного Кавказа в 1961–1965 гг., исследования

Костёнковско-Борщёвской группы палеолитических стоянок Русской равнины (Воронежская область) в 60–70-е гг. XX в. и пр.), отдельную позицию занимает Крым. С ним связан не только почти 20-летний период полевых сезонов, но и важный этап профессионального становления ученого: защита диссертации, созданной полностью на крымском материале, формирование авторских теоретико-методологических установок, опыты написания полноценных историографо-археологических обзоров.

Предлагаемая статья посвящена характеристике крымского научного наследия Е.А. Векиловой – древнейшей истории региона в контексте рассмотрения ее отдельных публикаций. Прямым фактором актуальности указанного предмета исследования является отсутствие в печати фактов о жизни и деятельности археолога. Исключение составляют краткая биографическая справка её коллеги Л.Я. Крижевской в издании «Археологические вести» (2000 год) и сжатая информация, опубликованная в сборнике «Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)» (2013).

Елена Алексеевна Векилова (1915–1989 гг.) родилась в Петрограде и после окончания исторического факультета Ленинградского государственного университета в 1939 г. работала лаборантом в Институте истории материальной культуры АН СССР [1, с. 373]. Бессменным сотрудником этого учреждения она оставалась на протяжении всей жизни, за исключением периода блокады.

В середине 50-х гг. XX в. Е.А. Векилова приняла активное участие в цикле крымских археологических экспедиций, в процессе которых были детально исследованы эталонные мезолитические памятники полуострова, в том числе стоянка Сюрень I (ставшая предметом кандидатской диссертации, которую археолог защитила в 1953 г.). Изучая инвентарь стоянки, Е.А. Векилова обратила внимание, что вместо геометрических микролитов, характерных для мезолитической эпохи, в коллекции были хорошо представлены иволистные и черешковые наконечники из пластин, относящихся к свидерскому типу, с ретушью на брюшке (нефасетированной стороне). Появление таких комплексов впервые в отечественной археологии было интерпретировано как непосредственная связь со свидерской культурой финального палеолита (IX – VIII тыс. до н. э.). Позже в монографии Е.А. Векилова вновь высказала гипотезу про неавтохтонный характер для Крыма культуры сюреньских стоянок. Этот вывод свидетельствовал о миграциях первобытного населения и существовании культурных связей отдаленных территорий в эпоху мезолита. Дальнейшие исследования второй половины XX в. показали, что носители сюреньской культурной группы вскоре ассимилировались местной этнической средой. На это указывали находки отдельных свидерских наконечников, которые были представлены в инвентаре отдельных крымских стоянок, относящихся к другим крымским палеолитическим (шан-кобинской: Буран-Кая II; Шан-Коба, VI слой; Фатьма-Коба, VI и V слои) и более поздним мезолитическим (Шпан-Коба, средний слой; Шан-Коба, IV слой; Фатьма-Коба, слои IV- II; Мурзак-Коба, III слой) культурам.

Анализируя коллекции Сюрени, Е.А. Векилова обосновала идею о своеобразном характере крымского мезолита, разработав первые схемы его развития для полуострова, отличные от западных аналогий периодизации мезолита Восточной Европы [1, с. 235], позднее обобщенные А.А. Формозовым в систему из четырёх последовательных этапов: Буран-Коба; Сюрень II; Мурзак-Коба и этап яйлинских стоянок (Ат-Баш, Юсуповский бассейн) [2, с. 42; 3].

В процессе изучения соседнего навеса Сюрень I археолог установила, что мощность пещерных отложений этой стоянки достигала девяти метров. При этом все культурные слои находились в непотревоженном положении, благодаря чему стало возможным проследить развитие верхнепалеолитической культуры Крымского полуострова по трем условным слоям [1, с. 241–242]. Так нижний слой соотносился с наиболее холодным периодом, верхний – с наиболее теплым. В нижнем слое были выявлены следы нескольких очагов, вокруг которых и группировались артефакты. Кроме остеологического материала, было накоплено более 13 тыс. экземпляров расщепленного кремня, идентифицированного как мустьерские дискообразные нуклеусы, остроконечники, скребла и пр. [4, с. 150]. Основную массу нижнего слоя составляли верхнепалеолитические орудия – вариативные резцы, долотообразные артефакты, скребки. Встречались проколки и небольшие отретушированные по краям пластины. Несмотря на видимую маломощность среднего слоя, тут также было собрано более 5000 подобных кремневых орудий. При этом Е.А. Векилова отмечала, что в верхнем слое почти исчезали скребки высокой формы и мустьерские типы артефактов, но

увеличивалось количество микропластин с ретушью. В этот период у жителей Сюрени I появились геометрические микролиты – четырехугольники, сегменты. Были обнаружены костяные наконечники, плоские шила и острия [4, с. 153]. Некоторые предметы были орнаментированы (к примеру, фрагменты кости с гравированными линиями). Присутствовали и своеобразные украшения – подвески из кости и раковины.

Заметим, что археологический памятник Сюрень I был открыт еще в 1879 году К.С. Мережковским и за полстолетия стал предметом серии научных дискуссий. Исследования Е.А. Векиловой стали обобщающими, подводящими итоги, тем самым позволили аргументированно подойти к решению многих проблемных вопросов. К примеру, о датировке комплекса. Так, Г.А. Бонч-Осмоловский в 1934 г. в системе стадиальной теории датировал все слои Сюрени ориньяком. Е.А. Векилова установила, что в культурных слоях Сюрени I отобразилась практически вся эпоха верхнего палеолита. В соответствии с этим была определена и новая датировка памятника – около 23 тыс. лет назад [4, с. 153]. Полемическим был и вопрос о культурной принадлежности памятника. В то время как С.Н. Бибиков, А.А. Формозов относили его к средиземноморской провинции или к южной этнокультурной (кавказской) области, Е.А. Векилова (а позже и Н.О. Бадер) указывали на довольно значительное своеобразие орудий труда Сюрени I. Автор полагала, что на территории Крыма и Кавказа в границах одной провинции существовали две разные историко-культурные области [5, с. 9–10]. Отметим, что гипотеза Е.А. Векиловой о своеобразии культуры Сюрени I сейчас приобретает все большее количество последователей.

Палеонтологические материалы стоянки, проанализированные исследователем, указывали, что основу хозяйства ее жителей представляли охота на зубра, сайгу, гигантского, благородного и северного оленя, кабана, коня, лису, песца, зайца-беляка, бобра, тушканчика (всего около 30 видов). При этом главным объектом охотничьей специализации оставалась сайга (703 кости от 15 особей), на которую охотились всеми доступными способами – засадами в узких урочищах и широких долинах, используя неровности местности и густую растительность. В зимний период более продуктивными способами охоты становились облавы и гоны. Важными и особенными для оптимизации изучения первобытной истории Крыма стали находки Е.А. Векиловой на стоянке остатков северного оленя и песца – животных, несвойственных современной фауне полуострова, но широко распространенных в верхнем плейстоцене. Кроме этого на раскопах были выявлены птицы северных регионов: белая куропатка, альпийская галка, полярный жаворонок, тетерев и прочие. Ученый обратила внимание и на палеоботанические нюансы: присутствие характерной флоры (углей можжевельника, осины, рябины обычной, северной березы и ивы). Учитывая, что в современных условиях ареал распространения березы располагается на 900 м (а рябины на 500 м) выше стоянки Сюрень I, Е.А. Векилова указала, во-первых, на исторические изменениями климата в регионе, во-вторых, на временную неполноту геологической летописи планеты. Таким образом, остеологический и палеоботанический материал свидетельствовали, что в горном Крыму в верхнем палеолите были широко распространены альпийские луга, тундры и леса значительно более северного типа. Однако, следует заметить, что в отмеченный период рядом с полярными животными обитали также представители современной фауны (фазаны, жаворонки, стрепеты). Таким образом, допустимой является корректировка тезиса ученого о значительной степени похолодания в Крыму. Кроме охоты, жители Сюрени занимались собирательством (в том числе, моллюсков) и рыболовством при помощи остроги или дротика. На последний факт указывали многочисленные находки рыбных позвонков (вырезуба, лосося, головля, форели) [1, с. 350–351].

Указывая на качественно важные характеристики стоянки, Е.А. Векилова выделила в первую очередь ее многослойность, четкую стратиграфию, исключительную целостность и разнообразие культурных остатков, которые предоставили возможность выявить своеобразие путей развития верхнепалеолитических культур полуострова.

Таким же комплексным научным содержанием, четким последовательным анализом и аргументированными выводами характеризовались и другие крымские публикации. В ее статье «Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму» вместе с историографическим обзором изучения и детальным описанием инвентаря эпонимного памятника Е.А. Векилова систематизировала основополагающие данные о самой культурно-исторической общности позднего мезолита. Так, в вопросах культурогенеза она считала, что кукрекская культура является новым этапом развития позднепалеолитических культур среднего

Побужья (что было подтверждено в процессе исследований конца XX – начала XXI в.). Фактором активного расселения носителей культуры, по мнению Е.А. Векиловой, стало усовершенствование технологии производства, в частности, высокий уровень изготовления орудий труда на отщепах и техники скола микролитических пластин. В своем развитии кукрекская культура в эпоху позднего мезолита стала основной степной культурой Крыма, сохраняя аутентичную специфику по сравнению с другими культурами (к примеру, мурзак-кобинской). Среди таких отличительных маркеров Е.А. Векилова указывала на конические или карандашевидные нуклеусы, форму микролитов: пластинки с подтесанным брюшком (вкладыши строгальных ножей) и микропластинки без обработки или с концом, который скошен мелкой ретушью (вкладыши наконечников дротиков с костяной основой, снабженной пазом), округлые скребки и резцы на отщепах, а также преобладание коллективной охоты как формы присваивающего хозяйства [6, с. 91–92].

Как исследователь крымского неолита, Е.А. Векилова является автором статьи «Неолитическая стоянка Зуя I под Симферополем» [7], полностью отражающей характерный авторский стиль. Так, в начале подается короткий, но ёмкий, с указанием первоисточников, историографический обзор литературы о неолите полуострова, включая выводы по современным изданиям (на тот момент монография А.А. Формозова [3]). Далее, подводя итоги обзора, автор актуализирует проблему причиной отсутствия достаточного количества специальных работ, посвященных этапам неолита в регионе. Следующим компонентом публикации является конкретизация предмета статьи – стоянки Зуя I, а также полный историографический анализ сведений об этом местонахождении (данные Т.Ф. Гелаха (1929 г.), Н.Л. Эрнста, Г.А. Бонч-Осмоловского, В.В. Лоренца, Н.А. Береговой, А.А. Формозова и др.). В частности, приводится подробный анализ результатов раскопок Т.Ф. Гелаха, в работах которого принимал участие симферопольский краевед, первооткрыватель стоянки С.И. Забнин [7, с. 34].

Основная часть статьи включает систематизированное описание методики проведения раскопочных работ (шурфовка и сбор подъемного материала) и полноценную характеристику коллекции находок: нуклеусов, скребков, остриев, ретушированных пластинок, микролитов, фрагментов неорнаментированной керамики [7, с. 36]. С привлечением типологического и историко-сравнительного метода Е.А. Векилова высказывает предположение о тождественности керамических сосудов стоянок Зуя I и Кая-Арасы (по данным раскопок А.А. Щепинского) и предполагает, что орудия из кремня и керамика архаичного облика, совместно залегающие и в основной своей части происходящие из шурфов, дополненные сборами с поверхности, составляют единый неолитический археологический комплекс. По ее мнению, на это указывают формы геометрических микролитов, присутствие пластинок с выемками, характерные для тарденуазских комплексов, а также отсутствие двусторонне обработанных наконечников стрел [7, с. 37]. Таким образом, материалы стоянки Зуя I, резюмирует Е.А. Векилова, являются примером памятника с чертами, общими для всех неолитических местонахождений Крыма и вместе с тем демонстрируют особенности кремниевого инвентаря, присущие данной стоянке. К таким особенностям автор относит:

– полное отсутствие резцов, в небольшом числе встречающихся в неолите Крыма как на горных плато, так и в степном Крыму (по данным А.А. Формозова) [3, с. 98];

– отсутствие концевых скребков, представленных в неолите Крыма и новыми разновидностями, согласно информации Ю.А. Колосова в работе [8];

– отсутствие двусторонне обработанных наконечников стрел.

Описанную специфику Е.А. Векилова объясняет существованием в регионе памятников разного типа со своими особенностями, включающими различную технику расщепления кремня, представленную различными типами нуклеусов, преобладание определенного типа геометрических микролитов, присутствие или отсутствие конкретной категории орудий. А начиная с эпохи неолита важным маркером становится керамика (форма, орнамент, состав глиняного теста). Таким образом, получает подтверждение авторская идея, высказанная еще в период сюреньских экспедиций о развитии послепалеолитической культуры Крыма. Последнюю, как считала Е.А. Векилова, некорректно рассматривать как этапы единой эволюционной линии развития, для которой характерны появление и совершенствование вкладышевой техники. На фоне многих стоянок с инвентарем, характеризующимся геометрическими микролитами появлялись и такие памятники, как Сюрень II (нижний слой) и Кукрек, каждый из которых уникален. Эти факты указывали на связи мезолитического населения полуострова с населением соседних, иногда достаточно удаленных территорий. Таким образом, по мнению археолога, конкретная история неолитических племен

Крыма представлялась сложным и многообразным явлением, а связи с племенами смежных территорий были частыми и тесными [7, с. 38].

Активное участие приняла Е.А. Векилова в подготовке и выпуске академического сборника, посвященного столетию изучения палеолита в Крыму. По задумке составителей сборник должен был содержать статьи и материалы ученых, проводивших раскопки палеолитических памятников на Крымском полуострове в период с 30-х и до конца 70-х гг. XX в., а также тех специалистов, которые выступали в разные годы в печати как с обобщающими статьями указанной тематики, так и по более конкретным вопросам относительно датировки, характеристики каменных индустрий отдельных памятников и морфолого-метрическим анализом остеологических особенностей самих создателей этих культур – палеоантропов. Среди тринадцати публикаций аналитическая статья Е.А. Векиловой «К столетию открытия палеолита в Крыму (1879–1979 гг.)» занимала одну из ключевых позиций. В этом полноценном историографическом обзоре автором в хронологической последовательности были описаны открытия и конкретизированы результаты изучения важнейших палеолитических памятников Крыма. При этом Е.А. Векилова не только предоставила общий перечень археологических исследований в контексте системы «персоналия археолога – периодизация», но и включила в перечень имен археологов также представителей смежных наук (геологов – В.М. Муратова, В.И. Громова, Л.Н. Соловьева, В.Ф. Петруня; зоологов – А.А. Бирюлю, А.Я. Тугаринова, Б.С. Виноградова, В.И. Громову, М.И. Тихого, И.М. Громова, М.А. Воинственского; палеоботаников – И.В. Полибина, В.О. Клера, А.М. Гаммермана, Е.В. Вульфа; антропологов – В.В. Бунака, Г.Ф. Дебеца, Я.Я. Рогинского, М.М. Герасимова, В.П. Якимова, Е.И. Данилову и других) [6]. Тем самым создавалась модель интегративного комплексного подхода к изучения древнейшего прошлого региона.

Важной теоретико-методологической заслугой Елены Алексеевны в области историографии каменного века Крыма стала разработанная и не утратившая актуальности периодизация исследования палеолита с краткой характеристикой каждого этапа [9, с. 6–8].

Характеризуя этапы изучения первобытной истории Крыма, Е.А. Векилова конкретизировала также важную проблему каталогизации как известных, так и вновь выявляемых памятников, отметив необходимость разработки и утверждения их охранных зон, создания соответствующих информационных баз, формирования системы экспертизы строительных и реставрационных работ для предотвращения новых потерь объектов культурного наследия, находящихся на территории Крыма, регулярного издания научной и научно-популярной литературы по данным проблемам [10].

Таким образом, при всем разнообразии интересов и направлений работы Елены Алексеевны Векиловой, «крымский период» её деятельности оказался значительным и перспективным, став своеобразной первой путёвкой в первобытную археологию не только в качестве исследователя-практика, но и как многопрофильного ученого-аналитика, во многом предопределив ареал дальнейших тематических интересов. Собранные археологом крымские материалы послужили основой для создания фундаментальных работ, посвященных систематическому анализу отдельных археологических комплексов (в том числе и кандидатской диссертации «Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий»), ознаменовали новый этап развития историографического направления изучения первобытной истории региона и России в целом («Каменный век Крыма, некоторые итоги и проблемы», «Исследования палеолита в Крыму (1879–1979)»), включили в отечественную археологию информацию о неисследованных или малоизученных памятниках каменного века (Зуя I).

Гипотезы и выводы Е.А. Векиловой по вопросам крымского палеолита и мезолита стали основой для формирования современного представления об этих эпохах как эволюционного интеркультурного процесса, где каждое этнокультурное образование обладает собственной историей и периодизацией. К примеру, рассуждая о «свидерском компоненте» в первобытной истории полуострова, археологи Л.Л. Зализняк и А.А. Яневич обосновали вероятное направление миграций «свидерских охотников» и определили специфику хозяйственной деятельности этого населения в рамках хозяйственно-культурных типов, а характеристика технико-типологической структуры комплексов Сюрени II, поданная Е.А. Векиловой, легла в основу идеи Р. Шильда о наличии двух компонентов в этой индустрии: «мазовшанского» и «крымского».

«Сюреньские» материалы Е.А. Векиловой в конце XX – начале XXI в. стали предметом отдельной дискуссии и, в свете новых данных,

способствовали формулировке альтернативной интерпретации культурогенеза Сюрени II. Так, в работах Б.Н. Станко, В.Ю. Коена данный памятник теперь рассматривается как гетерогенный комплекс, состоящий из элементов различных технокомплексов, связанный с явлениями, выходящими за пределы Крыма. При условии неустойчивости границ вследствие культурной трансформации и экологических изменений в «регионах контакта» (каким является Крым) стало возможным возникновение культур гетерогенного типа. Кроме этого, данные Е.А. Векиловой послужили теоретической основой для создания локальных периодизаций развития шан-кобинской и горнокрымской культур в Крыму [11].

Отдельно акцентируем внимание и на актуальности выводов Е.А. Векиловой относительно проблемы генезиса палеолита горного Крыма (сочетание крымско-кавказского, кавказско-крымского направлений и автохтонной теории). Так, проведя компаративный анализ крымского материала и результатов раскопок в Ахтырской пещере на Кавказе, Е.А. Векилова, указывала на местный характер горнокрымского палеолита, при этом констатируя, что между верхним слоем Сюрени I и шан-кобинской культурой типологический и хронологический контакты отсутствуют (1971). Идеи ученого были подтверждены дальнейшими исследованиями В.Ю. Коена в диссертации «Финальный палеолит горного Крыма» (Киев, 1992). В частности, наличие на Сюрени I сегментов исследователем рассматривалось как локальное культурное проявление «геометрического мадлена» Причерноморья, объясняемое «общими» причинами, а не сменой населения.

Таким образом, современные специалисты по каменному веку Крыма (А.А. Формозов, Ю.Г. Колосов, В.Н. Степанчук, А.А. Яневич, В.Ю. Коен, В.П. Чабай и др.) высоко оценивали исследования Е.А. Векиловой как ученого-исследователя, яркого представителя «строгой археологии», ориентированной на целостность и логичность изложения, полноту публикации, описания и компаративистики артефактов, взвешенность и аналитичность суждений и выводов. А значит опыт исследовательской практики ученого в области первобытной археологии заслуживает не только специального изучения, но и практической реализации в современных археологических и историографических исследованиях.

Литература

1. *Векилова Е.А.* Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий // МИА СССР. 1954. Т. 3, № 59. С. 235–353.

2. *Формозов А.А.* Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // Советская археология. 1954. № 21. С. 38–51.

3. *Формозов А.А.* Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (Материалы к изучению неолита Юга СССР) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962. № 102. С. 89–123.

4. *Векилова Е.А.* Каменный век Крыма, некоторые итоги и проблемы // МИА СССР. 1971. № 173. С. 149–161.

5. *Бадер Н.О.* О соотношении верхнепалеолитических и мезолитических культур Крыма, Кавказа и Ближнего Востока. М. : Наука, 1964. 11 с.

6. *Векилова Е.А.* Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму // КСИИМК. 1951. № 36. С. 87–95.

7. *Векилова Е.А.* Неолитическая стоянка Зуя I под Симферополем // КСИА. 1964. № 97. С. 33–38.

8. Разведки памятников неолита и бронзы в степном Крыму // КСИА АН УССР. 1956. Вып. 6.

9. *Векилова Е.А.* Исследования палеолита в Крыму (1879–1979) : сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.Г. Колосов. Киев : Наукова думка, 1979. 182 с.

10. *Черкасов О.В.* Печерні стоянки Криму та їх дослідники (кінець XIX - перша половина XX століття): Наукове видання. Севастополь : КФ ФДБОУ ВПО «Державний морський університет імені адмірала Ф.Ф. Ушакова», 2013. 137 с.

11. *Коен В.Ю.* Финальный палеолит горного Крыма : автореф. дис. … канд. ист. наук. Киев, 1991. 21 с.

References

1. Vekilova E.A. Stoyanka Syuren' I i ee mesto sredi paleoliticheskikh mestonakhozhdenii Kryma i blizhaishikh territorii [Suren I and its Place among the Paleolithic Sites of Crimea and Surrounding Territories]. *MIA SSSR*. 1954, vol. 3, No. 59, pp. 235-353.

2. Formozov A.A. Periodizatsiya mezoliticheskikh stoyanok Evropeiskoi chasti SSSR [Periodization of Mesolithic Sites in the European Part of the USSR]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1954, No. 21, pp. 38-51.

3. Formozov A.A. Neolit Kryma i Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza (Materialy k izucheniyu neolita Yuga SSSR) [The Neolithic of the Crimea and the Black Sea Coast of the Caucasus (materials for the study of the

Neolithic of the South of the USSR)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Moscow, 1962, No. 102, pp. 89-123.

4. Vekilova E.A. Kamennyi vek Kryma, nekotorye itogi i problemy [The Stone Age of the Crimea, some Results and Problems]. MIA SSSR. 1971, No. 173, pp. 149-161.

5. Bader N.O. *O sootnoshenii verkhnepaleoliticheskikh i mezoliticheskikh kul'tur Kryma, Kavkaza i Blizhnego Vostoka* [About the Ratio of Upper Paleolithic and Mesolithic Cultures of the Crimea, the Caucasus and the Middle East]. Moscow: Nauka, 1964, 11 p.

6. Vekilova E.A. Epipaleoliticheskaya stoyanka Kukrek v Krymu [Epipaleolithic Settlement Kukrek in Crimea]. *KSIIMK*. 1951, No. 36, pp. 87-95.

7. Vekilova E.A. Neoliticheskaya stoyanka Zuya I pod Simferopolem [The Neolithic Settlement of Zuya I near Simferopol]. *KSIA*. 1964, No. 97, pp. 33-38.

8. Razvedki pamyatnikov neolita i bronzy v stepnom Krymu [Exploration of the Neolithic and Bronze Monuments in the Steppe Crimea]. *KSIA AN USSR*. 1956, No. 6.

9. Vekilova E.A. *Issledovaniya paleolita v Krymu (1879-1979)* [The Study of the Paleolithic in Crimea (1879-1979)]. Col. scien. works. Ed. by Yu.G. Kolosov. Kiev: Naukova dumka, 1979, 182 p.

10. Cherkasov O.V. *Pecherni stoyanki Krimu ta їkh doslidniki (kinets' XIX - persha polovina XX stolittya)* [Cave Dwellings of the Crimea and their Researchers (the end of XIX - first half XX century)]. Sevastopol: KF FDBOU VPO «Derzhavnii mors'kii universitet imeni admirala F.F. Ushakova», 2013, 137 p.

11. Koen V.Yu. Final'nyi paleolit gornogo Kryma : avtoref. dis. … kand. ist. nauk [Final Paleolithic of the Mountainous Crimea]. Kiev, 1991, 21 p.

Поступила в редакцию / Received ***15 октября 2017 г. / October 15, 2017***

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMIC SCIENCE

УДК 336.02 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-124-131

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «ОБУЧЕНИЕ СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И МЕТОДИКЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ С СЕЛЬСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ» (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО И СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЕВ)[1]

© 2018 г. И.Г. Брызгалова [a]
[a] *Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

THE EXPERIENCE OF REALIZATION OF THE PROGRAM “TRAINING RURAL TEACHERS FINANCIAL LITERACY AND HOW TO EDUCATE THE RURAL PEOPLE” (ON MATERIALS OF THE KRASNODAR AND STAVROPOL REGIONS)

I.G. Bryzgalova [a]
[a] *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Брызгалова Ирина Генриховна –
кандидат исторических наук, доцент,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: igbryzgalova@sfedu.ru

Irina G. Bryzgalova -
Candidate of History, Associate Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: igbryzgalova@sfedu.ru

Ускоренное развитие процесса повышения финансовой грамотности населения является вполне закономерным, поскольку способствует укреплению экономики, улучшению уровня жизни граждан и повышению общественного благосостояния. Финансовое образование необходимо всем категориям населения, актуальность и значимость вопросов повышения уровня его финансовой грамотности – объект пристального внимания и область принимаемых практических мер со стороны Российской Федерации. Указывается, что важным условием обеспечения эффективности и результативности проведения данной политики является обмен и распространение накопленного опыта в различных регионах России. Программа «Обучение сельских учителей финансовой грамотности и методике проведения просветительской работы с сельским населением» – часть Проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации».

Ключевые слова: *финансовая грамотность, опыт, сельское население, сельские учителя, финансовое образование, просветительская работа.*

The accelerated development of the process of improving financial literacy is quite logical, since it improves the quality of life of citizens, develop the economy and improves social welfare. Financial education is necessary for all categories of citizens, the relevance and importance of the issues of improving the level of financial literacy of the population is under scrutiny and the practical measures taken by the Russian Federation. A prerequisite for ensuring

[1] Статья выполнена в рамках контракта № FEFLP/QCBS-3.37, «Обучение сельских учителей финансовой грамотности и методике проведения просветительской работы с сельским населением». Совместный проект Минфина России и Всемирного банка «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» при участии Министерства образования и науки РФ.

efficiency and effectiveness in conducting this policy is the exchange and dissemination of best practices for improving the financial literacy of the population in various regions in Russia. For the solution of these tasks the rural teachers training program of financial literacy and how to educate the rural population is directed, it is the part of the project "Promotion of the level of financial literacy the population and the development of financial education in the Russian Federation".

Keywords: *financial literacy, expertise, rural population, rural teachers, financial education, education.*

В конце XX – начале XXI в. многие страны мира все большее внимание стали уделять повышению финансовой грамотности населения. Процесс этот начался в форме отдельных инициатив общественных и частных организаций, направленных на оказание помощи гражданам в управлении личными финансами и информировании о тех или иных финансовых продуктах и услугах, постепенно развился до уровня национальных программ и стратегий, а также наднациональных инициатив ЕС, Всемирного банка и других международных организаций.

Постоянно усложняющаяся на протяжении многих лет финансовая система, появление широкого спектра новых финансовых продуктов и услуг ставят перед людьми весьма трудные задачи, к решению которых они оказываются неподготовленными.

Актуальность проблемы недостаточности финансовой грамотности населения кардинально выросла в современных условиях особенно для Российской Федерации, так как большинство не только имеет слабое представление о принципах функционирования финансовых рынков и возможностях инвестирования на них, но и испытывает колоссальное недоверие к институтам финансовых рынков.

Поэтому объективной необходимостью для современного российского общества стало повышение финансовой грамотности населения. Ускоренное развитие этого процесса вполне закономерно, поскольку надлежащая финансовая грамотность способствует развитию экономики, повышению уровня жизни граждан и общественного благосостояния. Финансовое образование необходимо всем и каждому.

Повышение уровня финансовой грамотности способствует укреплению среднего класса, обеспечению финансового благосостояния населения и снижению экономических и финансовых рисков в условиях колебаний рыночной экономики. При этом финансовая грамотность населения – одно из основных направлений формирования инвестиционного ресурса в стране, важный фактор развития финансового рынка, повышения стабильности финансовой системы и конкурентоспособности российской экономики. Также необходимо отметить актуальность и значимость вопросов повышения финансовой грамотности в процессе защиты прав потребителей финансовых услуг.

Грамотный потребитель финансовых услуг лучше защищен от разного рода мошеннических действий в данной области. Финансовая грамотность населения способствует притоку средств граждан в экономику страны, развитию конкуренции на финансовых рынках и укреплению финансовой стабильности, помогает в управлении личными финансами, оптимизации соотношения сбережения – потребление, в оценке рисков и принятия разумных решений при инвестировании сбережений, при пользовании различными финансовыми продуктами и услугами, и, конечно, для планирования пенсионного обеспечения.

Особенно важно обучение финансовой грамотности детей, школьников, молодежи в целом. Оно дает представление о ценности денег, закладывает фундамент для дальнейшего развития навыков планирования бюджета и сбережений. Финансовое образование может помочь в решении проблемы финансирования образования или решения жилищной проблемы через финансовое планирование, привлечение и эффективное управление кредитными ресурсами.

Российских учителей начали знакомить с основами финансовой грамотности. Одним из направлений стало обучение педагогов методике преподавания прикладной экономики, которая в качестве спецпредмета должна появиться в российских школах и вузах.

С 1 сентября 2016 г. уроки финансовой грамотности проводятся в российских школах в рамках курса «Обществознание» у учащихся 5–9-х классов. Предполагается, что в ближайшем будущем курс «Финансовая грамотность» станет одним из полноценных предметов школьной и вузовской программы в России.

Таким образом, актуальность и значимость вопросов повышения уровня финансовой грамотности школьников, молодежи и населения в целом является объектом пристального внимания и областью принимаемых практических мер со стороны Российской Федерации.

Необходимым условием обеспечения эффективности и результативности проведения данной политики является обмен и распространение лучших практик повышения финансовой грамотности населения в различных регионах России.

В XXI в. финансовая грамотность населения становится существенным фактором повышения эффективности всех хозяйственных процессов, в том числе финансового поведения домохозяйств. Серьезные потрясения на финансовых рынках в 2000-е гг. активизировали разработку Национальных стратегий повышения финансовой грамотности населения. В кризисные периоды стало особенно заметно – финансово грамотные действия граждан способствуют социальной и экономической стабильности.

В числе важных государственных задач проблема повышения финансовой грамотности населения впервые была сформулирована на Инвестиционном форуме в 2006 г. Президентом РФ В.В. Путиным. Поставлена задача повышения финансовой грамотности в качестве фактора формирования более современного и жизнеспособного общества.

В 2008 г. приняты Концепция и план мероприятий по созданию международного финансового центра в Российской Федерации.

В 2010-х гг. важная роль финансового просвещения неоднократно отмечалась в заявлениях руководителей стран «Группы G20». Особо четко это прозвучало в 2013 г. в период председательства России в «Группе G20». В условиях ужесточения экономических реалий функционирования российских домохозяйств, на фоне многоплановых социально-экономических вызовов 2010-х гг., увеличения разнообразия и сложности финансовых продуктов, а также наличия существенных колебаний доходов и сбережений граждан вопросы повышения финансовой грамотности, а также ответственности за личные финансовые решения становятся особенно актуальными. В этой связи принимаются меры по формированию Национальной стратегии повышения финансовой грамотности. Процесс формирования и реализации Национальных стратегий в настоящее время идет более чем в шестидесяти странах мира.

Во многих странах Национальная стратегия повышения финансовой грамотности служит важным элементом социально-экономической политики государства. В Российской Федерации в соответствии с лучшим международным опытом она отвечает интересам широких слоев населения.

Меры, предпринимаемые в сфере финансовой грамотности, приобрели качественно иной масштаб и уровень в 2011 г., когда Министерство финансов РФ совместно с Всемирным Банком начали проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации».

Целью Проекта является повышение финансовой грамотности российских граждан, содействие формированию разумного финансового поведения, обоснованных решений, ответственного отношения к личным финансам. Это первая в мире программа такого масштаба и такой инновационной сложности, реализуемая в партнерстве с Всемирным Банком при поддержке Министерства образования и науки РФ, первоначально – срок исполнения 2016 г., но он продлен до 2018 г.

Одной из задач образовательного направления Проекта является внедрение эффективных программ по формированию грамотного финансового поведения различных социальных групп населения страны, особенно среди учащихся и студентов, включая интерактивные, дистанционные и онлайновые обучающие программы.

В этих целях в настоящее время в рамках Проекта разработаны учебно-методические комплекты (УМК), включающие в себя учебную программу, материалы для обучающихся, методические рекомендации для учителя, контрольно-измерительные материалы, рекомендации для родителей. Всего подготовлено 17 комплектов (2–4, 5–7, 8–9, 10–11-х классов (четыре комплекта), а также комплекты для студентов СПО и вариативные модули). Помимо этого созданы специальные УМК для воспитанников детских домов и школ-интернатов. Все материалы размещены на сайте Минфина России [1].

С сентября по декабрь 2015 г. проведена апробация разработанных УМК в пяти регионах Российской Федерации, в которой приняли участие 131 образовательная организация, 163 педагога, 4 398 обучающихся, 2 333 родителя. УМК получили высокую оценку со стороны педагогического сообщества и родителей. В 2017/18 учебному году предполагается их широкое распространение в регионах Российской Федерации с учетом доработки по итогам апробации [2].

Для системной работы по продвижению образовательных программ по финансовой грамотности на базе ведущих российских университетов (МГУ, РАНХиГС и НИУ ВШЭ) создана и начала работу сеть федеральных и региональных методических центров по повышению квалификации

преподавателей высшего и среднего профессионального образования, учителей школ и методистов. Федеральный методический центр на базе НИУ ВШЭ осуществляет повышение квалификации педагогов по программе «Содержание и методика преподавания финансовой грамотности». До конца 2018 г. планируется обучить 12 500 учителей и методистов. На экономическом факультете МГУ создана Федеральная методическая сеть, на базе которой планируется обучить 500 преподавателей вузов.

Такой подход обеспечивает формирование институционального и кадрового потенциала и создает фундамент для дальнейшей работы по использованию полученных в рамках реализации Проекта результатов на региональном уровне. Формат взаимодействия определяется на основе соответствующих соглашений между заинтересованными региональными органами исполнительной власти и Минфином России [3].

В последние годы многими заинтересованными сторонами, в том числе государственными и общественными организациями, объединениями делового сообщества были сформированы и реализованы инициативы, направленные на повышение финансовой грамотности населения. В России также был принят ряд нормативных документов, в той или иной степени затрагивающих различные аспекты названной проблемы.

Среди них: «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.» (утв. распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 г.); «Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 г.» (утв. распоряжением Правительства РФ от 29.12.2008 г.); «Концепция и план мероприятий по созданию международного финансового центра в Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 19.06.2009 г.); «Стратегия развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 г.» (утв. распоряжением Правительства РФ от 22.07.2013 г.); «Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 25.12.2012 г.) [4].

В рамках совместного проекта Минфина России и Всемирного Банка «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» Южный федеральный университет осуществляет масштабную деятельность по внедрению финансовой грамотности и методов ее преподавания в обучение студентов педагогических направлений подготовки, а также в систему повышения квалификации учителей сельских районов [5].

По словам ректора ЮФУ М.А. Боровской, «освоение содержания финансовой грамотности и методов ее преподавания открывает перед студентами – будущими педагогами дополнительные возможности:

– овладеть содержанием финансовой грамотности;

– преподавать финансовую грамотность школьникам в составе предметов «Обществознание», «Экономика», «Право» или на дополнительных занятиях;

– уметь интегрировать отдельные элементы финансовой грамотности в преподавание некоторых других школьных дисциплин («История», «Иностранный язык», «География», «Математика»);

– разнообразить внеурочные занятия со школьниками, досуговую жизнь студентов в системе среднего профессионального образования, внедряя факультативы, кружки, конкурсы и т.п., связанные с финансовой грамотностью;

– реализовывать программы дополнительного образования детей и взрослых по направлению “финансовая грамотность”» [6].

В 2018 г. по программе повышения квалификации «Основы финансовой грамотности, методы ее преподавания в системе основного, среднего образования и финансового просвещения сельского населения» пройдут обучение не менее 1 000 учителей сельских школ.

На решение данных задач направлена программа «Обучение сельских учителей финансовой грамотности и методике проведения просветительской работы с сельским населением», она является частью проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации».

Основная цель работы – проведение апробации и доработки программы «Обучение сельских учителей финансовой грамотности и организаций и проведение ими просветительской работы с сельским населением», а также созданных на предыдущих этапах учебно-методических материалов.

Материалы, разработанные в рамках Контракта № FEFLP/QCBS-3.37, обеспечивают формирование компетенций в области финансовой

грамотности у учителей сельских общеобразовательных учреждений.

Данный курс включает в себя образовательную программу, а также УМК, учитывающий специфику сельских школ и особенности организации и проведения просветительской работы в сфере финансовой грамотности различных целевых групп и включающий в себя учебное пособие по финансовой грамотности для учителей сельских школ, методическое пособие для преподавателей курса обучения и контрольно-измерительные материалы. УМК представляет собой целостную систему для подготовки различных групп слушателей.

Все элементы УМК находятся во взаимосвязи, объединены общими методологическими и теоретическими основаниями, ключевыми идеями которых являются деятельностный подход в обучении, практическая направленность содержания материала, матричный характер освоения курса, концентрический принцип преподавания, блочно-модульная технология обучения. В связи с этим предметное содержание отобрано так, чтобы их освоение позволяло успешно и эффективно решать обучающимся практические жизненные задачи в сфере финансов. Это обусловливает спектр знаний, умений, компетенций, отраженных в учебно-методических материалах.

Таким образом, в ходе учебной деятельности учащиеся в первую очередь должны научиться решать практические финансовые задачи, для чего осваивают необходимую теорию в том объеме, который нужен для решения финансовых задач данного типа.

С целью максимально эффективной реализации программы и методики обучения сельских учителей для их массового распространения был сформулирован механизм мотивации преподавателей.

Научные интересы выбранных ведущих преподавателей должны соответствовать тематике обучающей программы, что способствует дальнейшему развитию научной деятельности соискателя.

Ведущие преподаватели, участвуя в апробации сельских учителей, получат практический опыт ведения курса финансовой грамотности с целевой аудиторией.

Процесс апробации учебно-методических материалов и программы обучения сельских учителей финансовой грамотности и организации и проведения ими просветительской работы с сельским населением прошел в несколько этапов.

Апробационные площадки определялись исходя из возможных условий региона. Они должны находиться в регионах – участниках Проекта, там, где значительна доля сельского населения в общей структуре региона. Данным критериям соответствуют два выбранных региона из числа участников проекта: Краснодарский и Ставропольский края [7]. Одним из показателей, повлиявших на выбор двух площадок в Краснодарском крае, стало то, что в рейтинг Топ-200 сельских общеобразовательных организаций [8], составленный по итогам 2015/16 учебного года, включена 61 школа Кубани, т.е. чуть менее одной трети от всех лучших российских сельских школ – участников этого рейтинга. Были выбраны три площадки, исходя из условия Контракта о совокупном числе участников апробации – сельских учителей – не менее ста человек.

Учебно-методический комплект был запланирован к апробации в рамках курса повышения квалификации учителей сельских школ на базе апробационных площадок, отобранных в двух российских регионах.

Был совершен отбор образовательных площадок для проведения апробации в соответствии со следующими критериями:

– является образовательной организацией общего образования, имеющей государственную аккредитацию и лицензию установленного образца, осуществляющей образовательную деятельность не менее трех лет, либо социальной организацией, обладающей лицензией и действующей не менее трех лет;

– обладает собственной учебной базой, и/или материально-техническими ресурсами (аудитории, доступ к Интернет-ресурсам, необходимым программным и компьютерным обеспечением для проведения видеоконференций и дистанционного обучения, организации скайп-конференции и т.п.);

– обладает квалифицированными кадровыми ресурсами: преподавательский состав с педагогическим опытом либо узкоспециализированным образованием по отдельным дисциплинам и образовательным направлениям, участвующим в проекте;

– образовательные площадки располагаются на территории субъектов Российской Федерации – регионов – участников Проекта (не менее половины), а также в других субъектах, в которых преобладает сельское население;

– кадровый состав образовательных площадок (учителя) должен иметь базовые знания и умения в сфере финансовой грамотности;

– обладает кадровыми ресурсами, имеющими опыт инновационных технологий в образовании:

проектных семинаров, мастер-классов, практикумов и др.;

– обладает кадровым составом – сельскими учителями, которые имеют педагогические компетенции и, одновременно, когнитивные ценности и профессиональную установку на продолжение образования в течение всей жизни;

– обладает необходимым опытом не менее двух лет и возможностями для организации методической, информационной и консультационной поддержки сельского населения (школьники основной и средней школы, сельская молодежь (18 – 30 лет), взрослое трудоспособное население (30–55/60 лет), пенсионеры);

– играет значимую социокультурную роль в сельских поселениях – является центром культурного просвещения и культурной жизни села в целом, а также через обучение детей и решение их проблем, имеет организационные и технические возможности интегрировать взрослое население села;

– является образовательным и методическим центром среди других образовательных /социальных организаций, площадкой для взаимодействия школы и сельских муниципалитетов;

– обладает опытом не менее трех лет участия в проектах по реализации просветительских, социальных программ и проектов как в качестве самостоятельного организатора либо исполнителя, так и в составе исполнительского коллектива.

В ходе подготовки проанализированы социально-экономические показатели регионов – участников Проекта с учетом данных Федеральной службы государственной статистики [7], были подобраны образовательные организации: Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 2 станицы Павловской Краснодарского края, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 2 станицы Крыловской муниципального образования Крыловский район Краснодарского края и Муниципальное казённое общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 1 с. Грачевка Грачевского муниципального района Ставропольского края. Эти школы находятся в сельской местности наиболее развитых аграрных регионов Российской Федерации. В общей сложности в курсе апробации приняли участие 130 действующих сельских учителей [7].

Для оценки эффективности созданных программ и учебно-методических материалов консультантом осуществлялся входной и итоговый контроль базовых знаний и умений финансовой грамотности сельских учителей, а также методики организации и проведения просветительской работы в сфере финансовой грамотности. Для этого были подготовлены соответствующие тесты. В связи с тем, что знания и навыки учителей – участников апробации могут быть различными для создания комфорта в процессе апробации, использовали входную анкету без указания ФИО заполнявшего её обучающегося:

– тест на определение уровня финансовой грамотности педагогов – участников апробации программы обучения и учебно-методических материалов.

Кроме тестов входного и итогового тестирования были предложены анкеты для оценки качества проведённой апробации курса обучения сельских учителей финансовой грамотности и методике проведения просветительской работы с сельским населением. С целью получить наиболее объективные отзывы, как и в случае с входным тестом, анкета была предложена без указания ФИО заполнявшего.

Непосредственно в период с 7 по 29 августа 2017 г. была проведена апробация курса обучения сельских учителей финансовой грамотности и методике проведения просветительской работы с сельским населением.

По итогам взаимодействия с учителями сельских школ, участвовавшими в апробации программы дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) «Основы финансовой грамотности, методы ее преподавания в системе основного, среднего образования и финансового просвещения сельского населения», разработанной в рамках контракта № FEFLP/QCBS-3.37 «Обучение сельских учителей финансовой грамотности и методике проведения просветительской работы с сельским населением» в комплексе с учебно-методическими материалами (учебным пособием и методическими рекомендациями), а также на основе изучения замечаний и предложений экспертов проведены обобщение и анализ предложенных изменений и дополнений в программу повышения квалификации и созданы соответствующие ей учебное пособие и методические рекомендации.

Необходимо отметить позитивный настрой учителей сельских школ, принимавших участие в апробации, с точки зрения положительной оценки целесообразности внедрения и развития в сельских школах изучения финансовой

грамотности (как в составе обязательных предметов, в первую очередь «Обществознания», так и в качестве программ дополнительного образования, а также проведения различным форм внеурочной работы с использованием тематики «финансовая грамотность»).

Кроме того, ни один из участников апробации (из 116 учителей) не высказал мнения о чрезмерной сложности освоения программы, приобретении или развитии соответствующих предметных и педагогических компетенций.

В заинтересованности учителей сельских школ к освоению содержания и методов преподавания финансовой грамотности с последующим ведением учебной, а также внеурочной, в том числе просветительской работы, подтвердились основные гипотезы, заложенные в Контракте и разработанных в соответствии с его требованиями программой, учебно-методическими материалами:

– понимание учителями финансовой грамотности как важной общекультурной компетенции и умения ее преподавать – как необходимой компетенции педагога (с учетом его профиля);

– поддержкой учителями государственной политики по развитию финансовой грамотности и соответствующего образования, реализуемой в нашей стране;

– готовность сельских учителей к освоению новых компетенций, позволяющих преподавать и осуществлять внеурочную работу в рамках имеющегося профиля (в первую очередь, по профилю «обществознание»);

– наличие мотиваций к освоению и последующей реализации новых компетенций (использование актуальной проблематики, интересующей учеников и взрослое население, для проведения учебных и просветительских занятий; получение учителем дополнительных возможностей на путях успешного прохождения аттестации педагогических кадров и как следствие повышения квалификационной категории; усиление необходимого взаимодействия между учениками, учителями и их родителями на базе изучения финансовой грамотности, предполагающей вовлечение родителей в учебно-воспитательный процесс в первую очередь через используемое в УМК пособие «Материалы для родителей»).

К настоящему времени разработаны УМК для вузов, осуществляющих подготовку будущих педагогов, и организаций в системе повышения квалификации действующих учителей сельских школ.

Учебно-методические комплекты для учителей сельских школ содержат предметную и методическую часть для ведения учителями не только педагогической, но и внеурочной, в том числе просветительской деятельности в области финансовой грамотности. Материалы включают развернутые рекомендации по организации учебной и просветительской работы на территориях, население которых активно вовлечено в сельскохозяйственное производство.

Рекомендации разработчикам учебных программ и пособий для учащихся заключаются в следующем:

– включение в преподавание нового для отечественной практики содержания (кредитование, процентные ставки, банковские вклады и др.), усиление внимания к изучаемым элементам содержания (собственность, товары и услуги, банковская система, налоги и др.),

– разработка методических материалов для учителей, организация целенаправленной подготовки учителей и др.;

– типы заданий с выбором ответа, с конструируемым ответом, требующим пояснения и обоснования;

– описание жизненной ситуации в каждом из заданий, близкой и понятной учащемуся, требующей осознанного выбора модели поведения;

– простое, ясное и немногословное изложение материала;

– использование иллюстраций (рисунков, таблиц);

– неиспользование академического определения экономических терминов;

– минимизация математических вычислений;

– неиспользование понятий «верный ответ» или «неверный ответ» (отсутствие на некоторые вопросы верного ответа как такового).

Анализ предложений и замечаний позволяет сделать выводы, что направлениями развития финансовой грамотности с точки зрения учителей являются разработка учебных курсов, внеурочных проектов, компьютерных программ, встречи со специалистами в области финансов.

Литература

1. URL: http://minfin.ru/ru/om/fingram/directions/programs/ (дата обращения: 12.02.2018).

2. URL: http://minfin.ru/ru/om/fingram/directions/programs/ (дата обращения: 12.02.2018).

3. Письмо Минфина России от 16.05.2017 г. № 17-03-08/29621 О реализации проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71594764/#ixzz574iRIeVV (дата обращения: 13.02.2018).

4. URL: http:// www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71594764/#ixzz574hq2Ify (дата обращения: 13.02.2018).

5. URL: http://hist.sfedu.ru/novosti/449-yufu-sovmestno-s-institutom-mfts-prodolzhayut-realizatsiyu-globalnykh-programm-povysheniya-finansovoj-gramotnosti-naseleniya-i-razvitiya-finansovogo-obrazovaniya.html (дата обращения: 09.02.2018).

6. URL: http://hist.sfedu.ru/novosti/449-yufu-sovmestno-s-institutom-mfts-prodolzhayut-realizatsiyu-globalnykh-programm-povysheniya-finansovoj-gramotnosti-naseleniya-i-razvitiya-finansovogo-obrazovaniya.html (дата обращения: 09.02.2018).

7. Регионы России. Социально-экономические показатели 2016 : стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

8. Составлен Московским центром непрерывного математического образования при информационной поддержке «Учительской газеты» при содействии Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: http://www.ug.ru (дата обращения: 10.02.2018).

References

1. Available at: http://minfin.ru/ru/om/fingram/directions/programs/ (accessed 12.02.2018).

2. Available at: http://minfin.ru/ru/om/fingram/directions/programs/ (accessed 12.02.2018).

3. *Pis'mo Minfina Rossii ot 16.05.2017 g. № 17-03-08/29621 O realizatsii proekta «Sodeistvie povysheniyu urovnya finansovoi gramotnosti naseleniya i razvitiyu finansovogo obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii»* [Letter No. 17-03-08 / 29621 of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 16.05.2017 On the Implementation of the Project "Assistance in Raising the Level of Financial Literacy of the Population and the Development of Financial Education in the Russian Federation"]. Available at: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71594764/#ixzz574iRIeVV (accessed 13.02.2018).

4. Available at: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71594764/#ixzz574hq2Ify (accessed 13.02.2018).

5. Available at: http://hist.sfedu.ru/novosti/449-yufu-sovmestno-s-institutom-mfts-prodolzhayut-realizatsiyu-globalnykh-programm-povysheniya-finansovoj-gramotnosti-naseleniya-i-razvitiya-finansovogo-obrazovaniya.html (accessed 09.02.2018).

6. Available at: http://hist.sfedu.ru/novosti/449-yufu-sovmestno-s-institutom-mfts-prodolzhayut-realizatsiyu-globalnykh-programm-povysheniya-finansovoj-gramotnosti-naseleniya-i-razvitiya-finansovogo-obrazovaniya.html (accessed 09.02.2018).

7. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli 2016* [Regions of Russia. Socio-economic Indicators 2016]. Stat. col. / Rosstat. Moscow, 2016, 1326 p.

8. Compiled by the Moscow Center for Continuous Mathematical Education with the Information Support of "Teacher's Newspaper" with the Assistance of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Available at: http://www.ug.ru (accessed 10.02.2018).

Поступила в редакцию / Received ***16 февраля 2018 г. / February 18, 2018***

УДК 656.2.003 + 06 DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-132-140

ИНСТРУМЕНТЫ КОРПОРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ИНВЕСТИЦИОННОГО ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОАО «РЖД»)

© 2018 г. Е.Г. Донченко [a]
[a] Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия

INSTRUMENTS OF CORPORATE SOCIAL AND INVESTMENT REDISTRIBUTION SYSTEM (BY THE EXAMPLE OF THE JSC “RZD”)

E.G. Donchenko [a]
[a] Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

Донченко Елизавета Георгиевна – старший преподаватель, кафедра административного права и уголовно-правовых дисциплин, Ростовский государственный университет путей сообщения, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2, г. Ростов-на-Дону, 344038, Россия. E-mail: liza161@bk.ru

Elizaveta G. Donchenko - Senior Lecturer, Department of Administrative and Criminal Law, Rostov State Transport University, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya Sq., 2, Rostov-on-Don, 344038, Russia. E-mail: liza161@bk.ru

Анализируется инвестиционная деятельность ОАО «РЖД», что позволило определить негативные факторы и последствия их влияния на эффективность. Констатируется, что дефицит инвестиционного бюджета сказывается на инновационном развитии. Малочисленность субъектов инвестиционной деятельности связана с законодательными барьерами и статусом госкорпорации. Как следствие – инвестиционные ресурсы в основном складываются из собственных средств компании, средств федерального бюджета и бюджетов разных уровней. Собственный потенциал компании низок. Этому способствуют ограниченность продажи акций и облигаций; кредитная валютная задолженность; невыгодные предложения по кредитам в текущем периоде; отказ в продаже акций Правительством из-за низкой прогнозной цены и др. Поиск решений указывает на отсутствие системного подхода и оптимизированного механизма. Основной недостаток – игнорирование сбережений населения, их оторванность от перераспределительных процессов «сбережения – инвестиции». Формирование системы корпоративного социально-инвестиционного перераспределения может служить вектором перспективного развития крупных корпораций с государственным участием. В целом модель разработанного механизма универсальна и может быть применена в условиях крупных отраслевых корпораций с государственным участием, развитой инфраструктурой. Специфические особенности и накопленный опыт каждой отдельно взятой корпорации допускает вариативность в выборе инструментов.

Ключевые слова: *корпоративная система, социально-инвестиционное перераспределение, аккумулирование, трансформация, сбережения, механизм.*

The analysis of investment activity of the JSC “RZD” let us define the negative factors and their consequences impact on the efficacy. The investment budget deficit affects the investment development. The small number of investment activity subjects is connected with regulatory barriers and state corporation status. As a result the investment recourses are mainly composed of the proprietary funds of the company, of federal funds and funds of various level budgets. The self-potential of the company is low. This is facilitated by insufficient sale of shares and bonds; credit currency debts; unprofitable loan offers in the current period; rejection of shares sale by the Governments because of the low target prices and others. Searching for solutions indicates the lack of the system approach and the optimal mechanism. The main disadvantage is the avoidance of personal savings and their disconnection from redistribution processes of “savings - investments”. The formation of the corporate social and investment redistribution system can be considered as vector of prospective development of large corporation partially owned by the federal government. The model of the developed mechanism is basically universal and can be implemented in the context of large industry corporations partially owned by the federal government and with extended infrastructure. The specific features and obtained experience of any given corporation enable the flexibility in choosing the appropriate instrument.

Keywords: *corporate system, social and investment redistribution, accumulating, transformation, savings, mechanism.*

В условиях затяжного кризиса нестабильность российской экономики существенным образом отражается на крупных корпорациях с государственным участием. Неэффективность инвестиционных процессов, связанная с нехваткой инвестиционных ресурсов, слабой инвестиционной активностью, отсутствием интереса со стороны потенциальных инвесторов продиктована в первую очередь позицией государства. Являясь основным владельцем акций, правительство осуществляет тотальный контроль, оказывает непосредственное влияние на формирование инвестиционного бюджета и выбор инвестиционной стратегии: расстановка приоритетов в выборе инвестиционных проектов, различные виды государственных компенсаций и субсидий, развитие в основном за счет средств федерального бюджета. Создание иждивенческого образа крупных компаний влечет дальнейший спад и еще большую нагрузку на государство в отсутствии прибыли и перспектив. Ситуация усугубляется оторванностью финансового сектора от производственного и промышленного, отстраненностью населения от участия в инвестиционно-перераспределительных процессах.

Анализ инвестиционной деятельности ОАО «РЖД» подтвердил факт нехватки ресурсов, узость источников, формирования инвестиционного бюджета преимущественно за счет государственных и собственных средств, неиспользования сбережений населения.

Роль российских финансовых и нефинансовых институтов на современном этапе ограничена. Банки и страховые компании преследуют коммерческие цели; пенсионные фонды ограничены законодательством; паевые инвестиционные фонды предпочитают краткосрочные договоры, экономическая связь государства с населением отсутствует. Результат – расширение государственного сектора экономики, отсутствие инвестиционной активности, незаинтересованность в инфраструктурных проектах, недоверие граждан ввиду отсутствия реальных выгод. Попытка регулирования рыночных отношений путем ужесточения требований к минимальному размеру капитала, ограничений в формировании инвестиционного портфеля и его диверсификации для институциональных инвесторов; а также игнорирование распространения налоговых, денежно-кредитных и иных льгот для инвесторов и корпораций; не принятие мер по повышению уровня финансово-экономической грамотности населения и формированию целевых аудиторий минимизируют возможности и желания участия в инвестиционной деятельности. Аналогичные институты сберегательно-инвестиционных систем из международного опыта успешно функционируют и зарекомендовали себя эффективными посредниками процесса воспроизводства и основными двигателями инновационных процессов [1–3].

В этой связи актуально формирование системы социально-инвестиционного перераспределения в рамках крупной госкорпорации на примере ОАО «РЖД».

Суть вопроса заключается в переносе таких составляющих рыночных отношений, как инвестиции и сбережения макроуровня на микроуровень корпорации [4].

Основным блоком системы является блок аккумулирования сбережений и трансформации их в инвестиции. Речь идет о привлечении в первую очередь сбережений работников корпорации и создание для них понятного, доступного и эффективного механизма, способствующего повышению их дохода и капитализации корпорации. Привлечение и использование сбережений населения вне корпорации не исключено и подразумевается.

Механизм корпоративного социально-инвестиционного перераспределения призван повысить эффективность инвестиционной деятельности ОАО «РЖД» через корпоративные финансовые и нефинансовые институты, систему контроля, обеспеченные полным набором инструментов аккумулирования сбережений и трансформации их в инвестиции, преследуя цель повышения конкурентоспособности крупной отраслевой компании, экономический рост в долгосрочной перспективе.

Системообразующая компания ОАО «РЖД» является одновременно потребителем и поставщиком инвестиций: главный инвестор – работник корпорации, основной стимулирующий фактор – получение прибыли в дополнение к оплате труда.

Мотивирующие факторы: участие в распределении прибыли, информированность и прозрачность, доступность различных инструментов, возможность равноправного и справедливого получения материального и нематериального положительного результата от личного участия в развитии компании.

Рациональное использование механизма способствует повышению инвестиционной активности работников, так как заинтересованные в постоянном месте работы, они нацелены на долгосрочные проекты с их непосредственным участием и пониманием последующих выгод. Отличительной чертой механизма, помимо его отраслевой принадлежности, является мобильность и оперативное реагирование на внешние и внутренние негативные факторы. Широкий спектр институтов и инструментов позволяет совершенствовать маркетинг услуг, управление рисками, меры защиты.

Корпоративный блок аккумулирования и трансформации сбережений играет ключевую роль, снабжен разнообразными привлекательными инструментами, формирующими дополнительный доход и положительный материальный результат в случае долгосрочного размещения денежных средств, функции по формированию и направлению инвестиций – главное в перспективе реализации новой формы общественного контроля. От широты линейки предлагаемых услуг зависит заинтересованность работников.

Основные составляющие блока: корпоративный пенсионный фонд, корпоративное страховое общество, корпоративный универсальный банк, корпоративный инвестиционный фонд. Формирование данного блока может и должно осуществляться на базе существующих институтов и практики, накопленного опыта и инструментария: без дополнительных затрат и создания новых структур. Корпоративная принадлежность предполагает и обусловливает обеспечение защиты интересов компании, инвесторов/работников, корпоративных институтов.

Каждый из элементов заслуживает отдельного внимания и определения необходимого и достаточного перечня характеристик формирования корпоративной системы.

Актуальным и однозначным в блоке аккумулирования сбережений является негосударственный пенсионный фонд. Для негосударственных пенсионных фондов (НПФ) одной из сложных задач является выбор баланса между доходностью и сохранностью при минимизации технологических, управленческих, актуарных рисков, которые в последнее время приобретают систематический характер. Высокая доходность сопровождается высокими рисками, а хеджирование рисков значительно снижает доходность. НПФ как часть пенсионной системы предназначены для увеличения базовой пенсии, формирующейся по желанию и возможностям вкладчиков. При условии добровольного выбора законодательство тем не менее существенно ограничивает инвестиционную эффективность НПФ.

Деятельность НПФ контролируется Управляющей компанией, заинтересованной в более доходных, а значит, более рисковых операциях, но при этом не несет никакой ответственности ни перед НПФ, ни перед его клиентами. Квалифицированных консультантов службы риск-менеджмента нет ни в УК, ни в НПФ. Обязательное условие для НПФ – необходимость выплачивать пенсию в размере не менее половины минимальной полной государственной пенсии по старости независимо от доходности его деятельности при наступлении пенсионных оснований. Что касается самих вкладчиков, то они вправе принять решение о прекращении отношений с пенсионным фондом в любое время, обосновывая свое решение низкой доходностью [5].

Для корпоративного пенсионного фонда (КПФ) существенной поправкой могут стать следующие моменты: при формировании инвестиционно-финансовой группы, обозначенной нами как блок трансформации, финансовые риски, связанные с изменением процентной ставки, перераспределяются на корпоративный универсальный банк, который в первую очередь заинтересован в выполнении своих основных финансовых функций; банковские службы риск-менеджмента объективно и квалифицированно могут осуществлять услуги по выявлению рисков и составлению карт рисков для всех корпоративных участников, в том числе и пенсионного фонда. Поскольку данный вид страхования уже является принудительным по сути, в рамках КПФ возможно расширить систему пенсионных планов долгосрочными контрактами: на срок минимум 3–5 лет, что позволит формировать стабильные инвестиционные резервы и доходность, так как долгосрочность позволяет использовать ресурсы на реализацию конкретных проектов, поддающихся объективной оценке и прогнозу даже с учетом изменчивости экономической обстановки в целом.

Понятным инструментом для привлекательности долгосрочных контрактов являются налоговые льготы в виде компенсации определенных возрастающих процентов после срока 3, 5 и более лет, и уплата всех налогов и штрафных комиссионных при досрочном изъятии вкладов. Та-

кой подход позволит не только удерживать существующие и иметь новые поступления, но и демонстрировать выгодность таких планов, предоставлением отчетности о начислении процентов на вложенные суммы до наступления пенсионных оснований. Сегодня договоры пенсионных планов не содержат обязательных пунктов по сохранности и доходности. Долгосрочные договоры позволят предоставлять займы за счет пенсионных накоплений. Инвестиционные возможности НПФ не реализуются, так как 70 % активов размещены на срок менее одного года [6]. В случае корпоративной принадлежности пенсионного фонда распространение должны получить как раз долгосрочные вложения. В этом случае возможно также повышение региональной составляющей сбережений, инвестируя в инфраструктурные проекты регионов как одну из приоритетных задач развития ОАО «РЖД». Максимальную сохранность пенсионных накоплений и резервов обеспечивает их вариативность размещения, что реально осуществить в корпорации с разноплановыми направлениями развития.

Корпоративное страховое общество, являясь элементом блока, приобретает возможности для снижения уровня системных рисков, сокращения издержек и повышения финансовой устойчивости. Именно в рамках корпорации, где преимущественными (и в первую очередь) страховщиками являются сотрудники корпорации, значительно проще сформировать эффективное Бюро страховых историй и систему внутреннего контроля. Корпоративные отношения позволяют активизировать работу с потребителями услуг, повысить качество самих услуг, а значит – создать благоприятный имидж на долгосрочную перспективу. Отличительной чертой корпоративных страховых обществ могут стать: антикризисные отсрочки; более низкая цена премий за счет формирование клиентской базы без посредников, что в свою очередь позволит снизить уровень мошенничества, осуществлять перекрестные продажи и сократить аквизиционные расходы [7].

Одним из основных направлений деятельности ОАО «РЖД» является обеспечение безопасности на железнодорожном транспорте и уменьшение негативного влияния на окружающую среду, корпоративное страховое общество имеет реальную возможность расширить предоставляемые услуги по страхованиям от несчастных случаев и болезней, активизировать добровольные виды страхования: жизни, семьи, детей, образования и др., сформировав дополнительные предложения для работающих семей в виде объединения нескольких услуг по более выгодной цене и/или возможности перевода одного вида страхования в другое при наступлении определенных условий, оговоренных в договоре и по истечении определенного срока. Выгодное, но слабо развивающееся добровольное медицинское страхование может быть оптимизировано в корпоративном секторе, так как корпорация имеет обширную сеть медицинской инфраструктуры, развитие которой необходимо для работников и, безусловно, будет представлять интерес для остального населения в сравнении с менее качественным медицинским обслуживанием. Так и не реализованные, в том числе и умышленно, онлайн продажи страховых полисов, в рамках корпоративного механизма должны стать эксклюзивным привлечение клиентов из регионов.

Корпоративный банк должен быть универсальным. Расширение деятельности к формированию Корпоративного банка развития достижимо при определенных условиях, среди которых: уход от узкой финансовой специализации, доступ к системе рефинансирования, обязательное совмещение коммерческой и инвестиционной деятельности [8]. Как следствие – выгодное стратегическое партнерство, взаимная прозрачность отчетности и планирования, оптимизация организационных структур, снижение конфликтов интересов, поддержание инвестиционной привлекательности корпорации, снижение экономических издержек на масштабе финансовых операций, повышение устойчивости банка к циклическим колебаниям, долгосрочная политика. Формирование корпоративных (отраслевых) Банков развития даст возможность повышения позиции российских корпоративных банков в системе глобальных инвестиционных банков; расширение финансовых инструментов; толчок к развитию рынка ценных бумаг, ограничение притока иностранного капитала. Обязательные условия: лицензирование деятельности с целью уменьшения конкуренции со стороны нелицензированных неквалифицированных обществ и фондов; совершенствование инвестиционной деятельности через расширение консалтинговых, организационных, информационных, инновационных и иных инструментов; отмена установления минимального размера капитала для корпоративного универсального банка. Взаимодей-

ствие с крупной корпорацией, другими финансовыми и нефинансовыми институтами – пенсионным фондом и страховым обществом в объединении рисков осуществляется не в обход законодательных требований, а на принципах перераспределения рисков и перекрестного контроля.

В рассматриваемый блок включен инвестиционный фонд, осуществляющий инвестиционную деятельность через операции с ценными бумагами корпорации с привлечением коллектива работников. В Российской Федерации паевые инвестиционные фонды имеют 20-летний опыт, использование которого необходимо для реализации такого компонента в корпоративной системе. Введение инвестиционного фонда как элемента корпоративного механизма расширяет инструментарные возможности операций с ценными бумагами, но, что особенно важно, может обеспечить эксклюзивные предложения только для работников корпорации и исключительно для инвестиций конкретных проектов. Наиболее сложная задача – выкуп ценных бумаг лицами, имеющими низкий доход, каковыми являются преимущественные сотрудники, занятые в рабочих профессиях. Решением может стать получение фондом кредита под выкуп облигаций/акций, распределение среди желающих с четко оговоренными привилегиями и возможностями владельцев акций: сроки погашения, получение дивидендов по истечении определенного срока – 3–5 лет (после погашения кредита), дивиденды не должны быть фиксированными и зависят от эффективности работы фонда и успешности инвестиционных проектов, владение акциями только в период работы лица в корпорации, условия продажи и/или передачи акций в случае увольнения, выхода на пенсию и т.д.

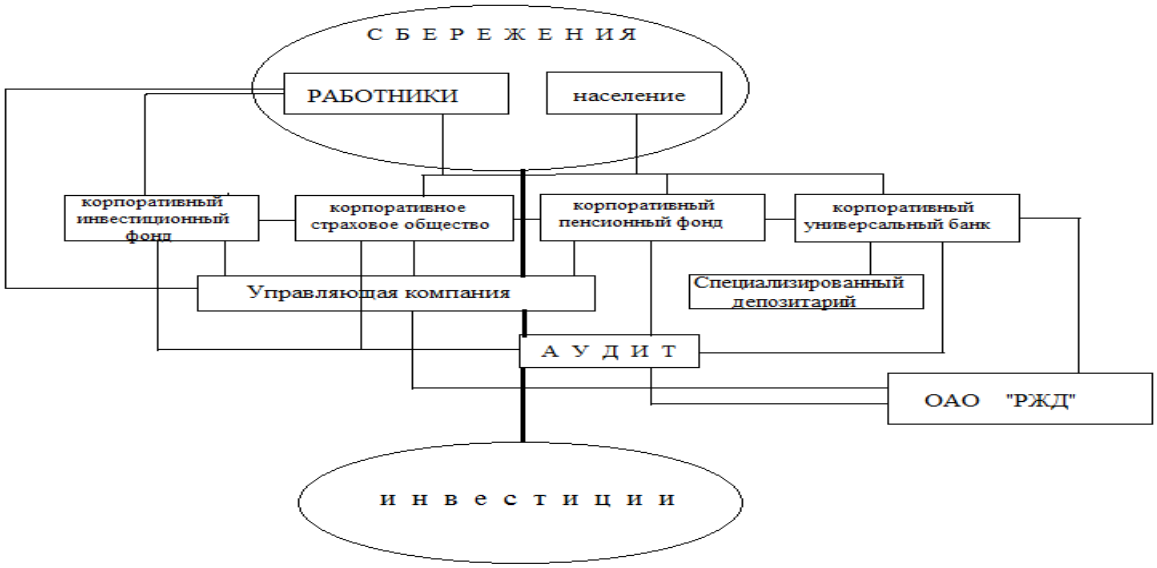
Вопрос частичной приватизации ОАО «РЖД» рассматривался неоднократно, но остается нерешенным. Целесообразно определить 10–15%-ю долю акций для обращения на организованном рынке через корпоративные инструменты. Учитывая специфическую особенность паевых инвестиционных фондов, привлекать инвесторов именно с незначительными доходами, в данном случае эта политика полностью выдержана и должна быть подкреплена принципом справедливости в распространении акций: среди работников не в пользу руководящего и менеджерского звена. Это один из вариантов продажи акций. Возможна продажа их без заимствования с выплатой дивидендов в текущем периоде. На наш взгляд, такой способ аккумулирования сбережений позволит решить еще одну проблему: оперирование акциями дочерних зависимых обществ, выручка от продажи которых являлась значительной составляющей инвестиционного бюджета, но на сегодняшний день исчерпана. Ценные бумаги – облигации – должны быть с твердо фиксируемым доходом. Опыт выпуска таких акций корпорация ОАО «РЖД» имеет и может использовать в дальнейшем при наличии качественных финансовых инструментов, квалифицированного подхода и корпоративной ответственности.

Законодательно для пенсионных фондов, страховых обществ, паевых инвестиционных фондов предусмотрено наличие управляющей компании, специализированного депозитария, аудитора. В условиях консолидации Управляющая компания формируется из квалифицированных представителей всех корпоративных институтов, самой корпорации и попечительского совета работников/инвесторов без дополнительных затрат и с соблюдением интересов всех сторон. Специализированный депозитарий формируется корпоративным банком. Аудит и ревизия осуществляются перекрестно и независимо (рисунок).

Создание блока аккумулирования и трансформации требует определенных условий (таблица).

Структурные качества системы социально-инвестиционного перераспределения – укомплектованность, целостность, иерархичность. Функциональные качества – устойчивость, равновесность, информационность [9]. Объединение институтов на базе системообразующей компании с расширенной инфраструктурой и разнообразием услуг для населения в целом влечет расширение комплекса инструментов, создающих здоровую конкуренцию и право широкого выбора. Корректирующие механизмы, бонусные предложения, индивидуальный подход – преимущественные факторы.

Понятные, доступные, лояльные условия получения дополнительного дохода сверхинфляционного уровня и отсроченных выгод сохранности и приумножения сбережений. Формирование и результативность системы социально-инвестиционного перераспределения невозможна без общественного контроля. Грамотный подход к его организации, определению функций и полномочий позволит избежать промежуточных управленческих, надзорных и контролирующих структур.



Блок аккумулирования сбережений и трансформации их в инвестиции системы социально-инвестиционного перераспределения / The block of accumulation of savings and their transformation into investment of the system of social and investment redistribution

Условия формирования блока аккумулирования и трансформации сбережений / Conditions for the formation of the accumulation unit and the transformation of savings

Корпоративный институт	Обязательные условия	
	Для работников корпорации	Для корпорации
Корпоративный пенсионный фонд	Введение пенсионных планов с долгосрочными обязательствами обеих сторон: налоговые льготы в виде возврата налога с растущими процентами, зависящими от срока накопления; штрафные компенсационные выплаты при досрочном изъятии. Введение в договоры с особыми обязательствами пунктов о доходности. Возможности заимствования из средств пенсионных накоплений. Активизация региональной политики	Прозрачность отчетов по инвестиционной деятельности корпорации и корпоративных институтов. Обеспечение доступности и справедливости участия сотрудников в инвестиционной деятельности. Равноправие всех корпоративных институтов в инвестиционной деятельности компании. Активная работа с дочерними зависимыми обществами, региональными подразделениями. Частичная приватизация, предоставление в распоряжение акций компании для инвестиционных целей. Функции управляющей компании, специализированного депозитария, аудита едины для всех корпоративных институтов, дополнены общественным контролем со стороны основных инвесторов/работников
Корпоративное страховое общество	Снижение цены премий по сравнению с рыночной. Антикризисные отсрочки. Перекрестные продажи. Расширение линейки услуг с упором на развитие добровольных видов страхования. Активизация региональной политики	
Корпоративный универсальный банк	Повышение ставки корпоративного депозита. Снижение ставки корпоративного кредита. Кредитование на инвестиционные цели. Погашение кредитов по желанию клиента за счет сбережений, аккумулированных в других корпоративных институтах. Повышение количества и качества предоставляемых услуг, консалтинга	
Корпоративный инвестиционный фонд	Привлечение работников с низким уровнем доходов. Позиционирование долгосрочных договоров. Налоговые льготы, освобождение от налогов. Специализированные договоры по распоряжению акциями сотрудниками	

Равноправное участие общественников в формировании инвестиций, рассмотрении и выборе инвестиционных проектов, определении инвестиционной стратегии; составлении отчетов; оценке деятельности по распоряжению денежными средствами в рамках корпоративной социальной ответственности повысит ответственность всех участников инвестиционной деятельности в распоряжении финансами, внесет рациональность в социальную деятельность корпорации, станет фактором привлечения сбережений населения.

Объединение интересов – контент предлагаемого механизма, выражающийся в капитализации компании и повышении благосостояния ее работников.

Инвестиционный бюджет, формируемый всеми участниками, дает дополнительные равные возможности для их инновационного развития. Корпоративные инструменты при соблюдении условий являются наиболее приоритетными по отношению к аналогичным вне корпоративных систем.

Государство является гарантом правового обеспечения и регулирования системы социально-инвестиционного перераспределения, деятельности корпоративных институтов без прямого вмешательства в перераспределение финансовых потоков, оказывает поддержку и стимулирование инвестиционной активности преференциями и льготами на конкурентной основе.

Запуск и функционирование такого механизма реализуем при корректировке законодательной базы и правового регулирования инвестиционного перераспределения, изменении роли государства в сторону исключительно контроля и гарантирования соблюдения прав всех участников социально-инвестиционного перераспределения и ответственности компании, выступающей системообразующим субъектом.

Теоретическое обоснование своевременности формирования системы социально-инвестиционного перераспределения базируется на выводах и обобщении проведенного исследования: анализе инвестиционной деятельности ОАО «РЖД», роли сбережений населения в инвестиционном перераспределении, мировом опыте использования механизмов и инструментов сберегательно-инвестиционных процессов, институционального обеспечения этих процессов в Российской Федерации. В основе выбранного курса проведенных исследований и разработки механизма – теория Дж. М. Кейнса, связывающая сущность инвестиций с макроэкономическими процессами и определяющая роль субъектов инвестиционного процесса [10].

Формирование системы корпоративного социально-инвестиционного перераспределения – трансформация философии макроуровня на микроуровень корпорации. Посредством предлагаемого механизма может быть дополнена и реализована кейнсианская модель «доходы – сбережения – инвестиции» в корпоративную модель «доходы – сбережения – инвестиции – доходы/капитализация».

Позиционируемое в настоящее время объединение финансовых институтов по принципу – банки банков, фонды фондов и т.д., их укрупнение, поглощение и слияние для повышения их инвестиционной значимости не актуально, так как финансовые институты по-прежнему преследуют спекулятивные цели, они фактически оторваны от производственного, отраслевого и регионального секторов, нет действенных рычагов стимулирования инвестиционной деятельности.

Множественность субъектов, участвующих в инвестиционной деятельности на макроуровне в зависимости от их финансового состояния и преследуемых целей, вносит разнообразие негативного характера. В формировании системы корпоративного социально-инвестиционного перераспределения может быть достигнуто сближение и объединение финансовой и производственной сфер обеспечением эффективности расширенного воспроизводства через сокращение издержек, целесообразность вложений, реальность выполнения социальных функций. Возможность управления формированием ресурсов, образование новой системы капитала, зависящие не столько от объема, сколько от наполненности позволят значительно сократить этапы инвестирования и их сроки.

Реализуемый в корпоративной системе дифференцированный подход к управлению инвестиционными ресурсами, определение статуса участника инвестиционной деятельности на паритетных условиях для каждого субъекта, сближение интересов, направленных на успешное развитие системообразующей корпорации, гарантирующее положительный результат для всех через ее прибыльность и перспективность, может служить толчком к изменению взглядов на инновационные стратегии и политику. Непосредственное участие инвестиционно-сберегательной системы в управлении воспроизводством проявится и в социально-экономических переменах.

Элементы рассматриваемого механизма присутствовали на различных этапах реформы ОАО «РЖД»: банк, страховое общество, пенсионный фонд. Все эти институты-преобразователи имели безусловное преимущество, так как при прочих равных условиях могли формировать перечень предлагаемых ими услуг с учетом железнодорожной специфики и контингента. Однако банк был поглощен группой ВТБ, страховое общество потеряло свои позиции и индивидуальность, а пенсионный фонд, показывающий лидирующие позиции, приобрел их на этапах становления и в последние годы практически не развивается. Это лишний раз доказывает возможность применения механизма социально-инвестиционного перераспределения на корпоративном уровне, но с иным подходом к его организации, именно в привязке к изучаемой модели Дж. М. Кейнса.

На наш взгляд, неэффективность каждого из элементов предлагаемого блока заключалась в разрозненности интересов и исключении из числа основных инвесторов населения – работников, которые являются также элементом механизма. При этом их активность напрямую зависит от получаемого дохода/выгоды, являющейся следствием грамотно выстроенной сберегательно-инвестиционной системы, лежащей в основе успешно развивающейся корпорации ОАО «РЖД».

Литература

1. *Celik S., Isaksson M*. Institutional Investors as Owners: Who are they and what do they do? // OECD Corporate Governance Working Papers. 2013. №. 11. URL: www.oecd.org/daf/ corporateaffairs/wp (дата обращения 20.01.2017).

2. *Inderst G.* Pension Fund Investment in Infrastructure: Lessons from Australia and Canada // Rotman International Journal of Pension Management. 2014. Vol. 7. URL: http:// www.icpmnetwork.com/wp-content/uploads/2016/ 03/Inderst_to_post.pdf (дата обращения: 02.01.2017).

3. *Della Croce R., Yermo J.* Institutional investors and infrastructure financing // OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions. 2013. № 36. URL: https:// www.oecd.org/daf/fin/wp (дата обращения: 30.01.2017).

4. *Донченко Е.Г.* Формирование системы социально-инвестиционного перераспределения транспортной компании. Ростов н/Д. : РГУПС, 2016. 92 с.

5. Инвестирование и сохранность пенсионных денег // Пенсионное обозрение. 2010. № 3 (3). URL: www.pensionobserver/ru (дата обращения: 23.12.2016).

6. *Юргенс И.Ю.* Страховой рынок: итоги 2015, прогнозы, основные тенденции // Профессиональный страховой портал «Страхование сегодня». URL: http://www.insur-info.ru/analysis/ 1083/ (дата обращения: 05.11.2016).

7. Консолидированная финансовая отчетность НПФ «Благосостояние» // Официальный сайт НПФ «Благосостояние. URL: http:// www.npfb.ru (дата обращения: 10.10.2016).

8. *Демчук О.А.* Развитие инвестиционной деятельности российских банков на современном этапе : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 25 с.

9. *Арабаджиев С.И.* Воспроизводственная составляющая инвестиционной системы в контексте реструктуризации экономики // Изв. Рос. гос. ун-та им. А.И. Герцена. Обществ. и гуман. науки. 2007. № 39, т. 15. С. 24–34.

10. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М. : Гелиос АРВ, 2002. 352 с.

References

1. Celik S., Isaksson M. Institutional Investors as Owners : Who are they and what do they do? *OECD Corporate Governance Working Paper*s. 2013, No. 11. Available at: www.oecd.org/daf/corporateaffairs/wp (accessed 20.01.2017).

2. Inderst G. Pension Fund Investment in Infrastructure: Lessons from Australia and Canada. *Rotman International Journal of Pension Management*. 2014, vol. 7. Available at: http://www.icpmnetwork.com/wp-content/uploads/2016/ 03/Inderst_to_post.pdf (accessed 02.01.2017).

3. Della Croce R., Yermo J. Institutional investors and infrastructure financing. *OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions.* 2013, No. 36. Available at: https://www.oecd.org/daf/fin/wp (accessed 30.01.2017).

4. Donchenko E.G. *Formirovanie sistemy sotsial'no-investitsionnogo pereraspredeleniya transportnoi kompanii* [Formation of the System of Social and Investment Redistribution of the Transport Company]. Rostov-on-Don: RGUPS, 2016, 92 p.

5. Investirovanie i sokhrannost' pensionnykh deneg [Investing and Preserving Retirement Money]. *Pensionnoe obozrenie*. 2010, No. 3 (3). Avalable at: www.pensionobserver/ru (accessed 23.12.2016).

6. Yurgens I.Yu. *Strakhovoi rynok: itogi 2015, prognozy, osnovnye tendentsii* [Insurance Market: Results of 2015, Forecasts, Main Trends]. *Professional'nyi strakhovoi portal «Strakhovanie segodnya»*. Available at: http://www.insur-info.ru/analysis/1083/ (accessed 05.11.2016).

7. Konsolidirovannaya finansovaya otchetnost' NPF «Blagosostoyanie» [Consolidated Financial Statements of APF «Blagosostoyanie»]. *Ofitsial'nyi sait NPF «Blagosostoyanie*. Available at: http:// www.npfb.ru (accessed 10.10.2016).

8. Demchuk O.A. *Razvitie investitsionnoi deyatel'nosti rossiiskikh bankov na sovremennom etape: avtoref. dis. … kand. ekon. nauk* [Development of Investment Activities of Russian Banks at the Present Stage]. Moscow, 2010, 25 p.

9. Arabadzhiev S.I. Vosproizvodstvennaya sostavlyayushchaya investitsionnoi sistemy v kontekste restrukturizatsii ekonomiki [Reproductive Component of the Investment System in the Context of Economic Restructuring]. *Izvestiya Ros. gos. un-ta im. A.I. Gertsena. Obshchestv. i guman. nauki*. 2007, No. 39, vol. 15, pp. 24-34.

10. Keins Dzh. M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow: Gelios ARV, 2002, 352 p.

Поступила в редакцию / Received ***15 января 2018 г. / January 15, 2018***

УДК 330.001.92+33.06.0941 (075.8) DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-141-147

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ «ФОРМАТИЗАЦИИ»

© 2018 г. В.К. Королев [a], О.В. Евграфова [b]
[a] Ростовский институт защиты предпринимателя, Ростов-на-Дону, Россия,
[b] Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Россия

ECONOMIC CULTURE OF AN ENTREPRENEUR IN RUSSIA: THE PROBLEM OF «FORMATTING»

V.K. Korolev [a], O.V. Evgraphova [b]
[a] Rostov Institute of Businessman Protection, Rostov-on-Don, Russia,
[b] Rostov Branch, Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russia

Королев Владимир Константинович –
доктор философских наук, профессор,
Ростовский институт защиты предпринимателя,
ул. Сержантова, 2/104, г. Ростов-на-Дону,
344029, Россия.
E-mail: vkorolev@sfedu.ru

Евграфова Ольга Владимировна –
кандидат философских наук, доцент,
Ростовский филиал
Российской таможенной академии,
пр. Буденновский, 20, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: dia7@bk.ru

Vladimir K. Korolev -
Doctor of Philosophy, Professor,
Rostov Institute of Businessman Protection,
Serzhantova St., 2/104, Rostov-on-Don,
344029, Russia.
E-mail: vkorolev@sfedu.ru

Olga V. Evgraphova -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Rostov Branch,
Russian Customs Academy,
Budennovkii St., 20, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: dia7@bk.ru

Предпринимательство рассматривается не просто как экономическая деятельность по получению прибыли, но как имеющая интенцию развития личности своего субъекта, реализации в ней креативных и даже «гедонистических» его потребностей, что в авторской интерпретации и отличает предпринимательство от просто бизнеса как работы в целях обогащения.

Авторы полагают, что этот личностный аспект экономической деятельности наиболее адекватно выражает концепт «экономическая культура» как поведение человека в экономике. Выделены такие ее концепты, как отношение к труду, частной собственности, деньгам, потребительству, выражаемые их различными проявлениям – феноменами. На этой основе конкретизирована экономическая культура отечественного предпринимательства. Она рассматривается как характер экономической «психологии» предпринимателя, обусловленный и воплощаемый конкретными особенностями системы ценностей его экономической деятельности. Выделены «нецивилизованный», «цивилизованный», «мутационный» и «молодежный» виды экономической культуры предпринимателей, обоснованы теоретические и практические проблемы ее «форматирования»: выявление основания дифференциации элементов экономической культуры; корректность обобщения специфических характеристик экономической культуры предпринимательских групп в некую целостность; дифференциация ценностей экономической культуры; влияние одной профессионально-групповой предпринимательской культуры на другую, их «сопряженность»; бюрократическое и правовое влияние на экономическую культуру предпринимателей; роль «социального капитала» в их деятельности; воспитание творческого отношения к экономической жизни как ментальной установки; осуществление систематического, теоретически обоснованного мониторинга экономической культуры предпринимателей.

Ключевые слова: *экономика, бизнес, предпринимательство, предприниматель, экономическая культура, ценности, творчество, человеческий капитал, личность.*

Entrepreneurship is viewed not simply as an economic activity for profit, but as having the intention of personality's subject development, realization of creative and even "hedonistic" needs, that in the author's interpretation distinguishes entrepreneurship from business as the work in order to enrich.

The authors believe that this personal aspect of economic activities most adequately expresses the concept of "economic culture" as a human behavior in the economy. The authors highlight such concepts as work ethic, private property ethic, money, consumerism, expressing their various manifestations - phenomena. On this basis, the economic culture of local entrepreneurship is emphasized. It is regarded as the nature of the economic "psychology" of the entrepreneur, conditional and implement the specific system of values and its economic activities. "Uncivilized", "civilized", "mutation" and "youth" types of economic culture of entrepreneurs are distinguished, theoretical and practical problems of its "format" are justified : identifying the basis for differentiation of the elements of economic culture, the correct generalization of the specific characteristics of economic culture of enterprise groups in some integrity, differentiation of economic culture values, the effect of one vocational group of entrepreneurial culture to another, their "contingence"; bureaucratic and legal impact on the economic culture of entrepreneurs; the role of "social capital" in their activities; education of creative relationship to economic life as mental attitudes; the implementation of a systematic, theory-based monitoring of economic culture of entrepreneurs.

Keywords: *economics, business, entrepreneurship, entrepreneur, economic culture, values, creativity, human capital, personality.*

Задачи построения современной рыночной экономики в России актуализировали проблемы осмысления концептов этого процесса, что прежде всего относится к понятию «предпринимательство». Ему уделяется много внимания и теоретического, и практического, ибо, по общепринятому и справедливому мнению, предпринимательство – главный «локомотив» рыночной экономики. Почему же у нас он «не тянет» по-западному, как ожидалось, а буксует? Почему в его развитии так много проблем? Что нужно сделать для их решения?

Для исправления ситуации говорят о мерах юридического и финансово-экономического характера (совершенствование правовой базы, льготное налогообложение, кредитование и т.п). Все это, разумеется, нужно делать. Но главное – нельзя оставлять «за кадром» человеческий фактор предпринимательства – личность «машиниста» этого рыночного «локомотива». Четверть века назад, в период рыночного романтизма экономист и публицист Г.С. Лисичкин писал «…все наши упования на магическую силу рынка обречены на полный провал, пока мы не поймем, что этот самый рынок состоит в первую очередь из людей. И если эти люди дикари и жулики, то и рынок будет таким же. Но виноват в этом будет не рынок, а мы с вами» [1, с. 111].

В предпринимательстве особая роль личностного фактора обусловлена самой его природой; это видно из классического анализа В. Зомбарта. Он описал сущность предпринимательского духа у его главных исторических носителей – «завоевателей», «организаторов», «торговцев», выделил основные типы капиталистических предпринимателей, описал атрибутивные качества предпринимательских натур («толковость», «подвижность духа», ум, уверенность в себе, желание продуцировать новое, склонность к «выдумкам», жизненную энергичность, активность, волюнтаризм, «охоту» к деятельности) [2].

На основе этих представлений можно ставить вопросы – каково оно, современное отечественное предпринимательство? Как его российские особенности, нынешний «формат» смотрятся в сравнении с западным? В какой перестройке оно нуждается для обретения «цивилизованного» качества? Современный российский предприниматель – кто он?

На наш взгляд, нужно различать две основные интенции деятельности, называемой предпринимательством. (Разумеется, такое разделение целесообразно в «чистом виде» для понимания сути рассматриваемого вопроса, в реальности они, как правило, взаимосвязаны и принципиально нами не противопоставляются). Первая характеризует предпринимательство как экономическое дело для получения прибыли – его можно назвать предпринимательством *«доходным», «денежным».* Вторая (являющаяся объектом рассмотрения в статье) воплощает предпринимательство *«личностно-инновационное».* Сохраняя «прибыльную» интенцию, оно не абсолютизирует ее, отличается психологической мотивацией, качеством, характером своего носителя – предпринимателя как особого типа «экономического» человека: мировоззренческой основой его деятельности является не просто стремление к прибыли, но и реализация в этом своих творческих способностей, жажды новаторства, удовольствия от успехов своего дела, не только денежных, но и престижно социальных. Психологической предпосылкой этого является неудовлетворенность экономического субъекта не столько прибыльностью, сколько «профанным» характером своей экономической деятельности.

Можно сказать, что такое предпринимательство выполняет следующие функции: *матери-*

альную – получение прибыли в результате производства (новых) товаров и услуг; *идеальную* – генерирование и внедрение экономических новаций; *социальную* – модернизацию экономических отношений; *гуманитарную* – развитие субъекта экономической деятельности; *«гедонистическую»* – получение предпринимателем морального удовлетворения от своей работы.

После этих принципиальных соображений обратимся к российским реалиям. Полагаем, сейчас наше предпринимательство, его субъекты находятся в состоянии многоплановых, разнородных изменений.

Во-первых, можно поставить парадоксальный диагноз – в стране, постоянно декларирующей свою приверженность рыночной экономике, находятся в весьма сложном состоянии сами ее предпринимательские основы, происходит «угасание» предпринимательского *духа*: снижается предпринимательская активность населения; доходы от предпринимательства уже на протяжении нескольких лет держатся на недопустимо (в сравнении с западным) низком уровне; продолжает сокращаться число малых и средних предприятий; все больше молодых людей стремятся не организовывать собственный бизнес, а стать чиновниками или служащими госкомпаний. В частности, как показывают исследования Института социальной политики НИУ ВШЭ и Института социологии РАН (П. Козырева, А. Смирнов), более половины россиян (52 %) не доверяют частному предпринимательству, бизнесу как «спекулятивному» и даже «мошенническому», отдают предпочтение, при всех ее недостатках, экономике с государственным руководством как более надежной. Свое дело сейчас в России решаются открыть не более 10 % опрошенных, и лишь 3 % граждан считают, что частные компании должны иметь приоритет перед государственными (Газета «Ведомости», 29.06.2017).

Во-вторых, как показывает жизнь, постсоветский предпринимательский «бизнес» – прямой наследник не лучшей части российско-советского делового мира. У него в целом сознательно или вынуждено преобладает установка на денежно-спекулятивное обогащение, в нашем предпринимательстве доминируют, пользуясь типологией Зомбарта, «завоеватели» (крупные предприниматели) и «торговцы» (мелкие) при дефиците «организаторов» (средних); господствуют типы разбойников, бюрократов и спекулянтов.

Здесь примечательны исходные данные сравнения качеств западного и отечественного предпринимателя – «бизнесмена». По оценкам ВЦИОМ, западные отличаются прежде всего деловой хваткой, высоким профессионализмом (52 %), трудолюбием (37 %), тогда как наши «первопроходцы» – «первопроходимцы» демонстрировали иные приоритеты – жажду наживы (58 %), склонностью к жульничеству – 40 %. (Газета «Известия» от 7.08.1993).

Это обусловлено общим моральным состоянием человека и общества, в котором вырвалась из оков коммунистической власти подавляемая ранее стихия наживы и потребительства. По данным экспертного анализа нравственных качеств населения, проведенного Институтом психологии РАН, за 20 постсоветских лет самые высокие *темпы прироста* обнаружили алчность (5,22 %) и меркантильность (4,79 %). По *абсолютному значению* показателей наиболее значимыми оказались, поменявшись лидерством, те же меркантильность (8,32 %) и алчность (8,29 %) [3].

Естественно, такая общая ситуация сказывается и на качествах предпринимателей, тормозит реализацию установки на модернизацию нашей экономики, ибо одной из задач этой работы является формирование предпринимателя как «инновационного» субъекта, нацеленного на реализацию личностных социально-экономических потенций в интересах становления как собственной личности, так и «цивилизованной» рыночной экономики как важнейшего элемента жизни общества. Полагаем, именно такой «формат» его экономической субъектности представляется необходимым для нашей страны.

Очевидно, решение этой задачи выходит за чисто экономические рамки, требует социокультурного подхода. В его реализации представляется необходимым в качестве предмета рассмотрения заявить *экономическую культуру* предпринимателя как субъекта экономического действа, ибо она, на наш взгляд, содержательно выражает сущностные характеристики личности предпринимателя как «человеческого капитала» этой деятельности [4]. (Мы опираемся на «деятельностную» концепцию культуры, разрабатываемую ростовской культурологической школой, а также на понимание экономики как деятельности по материальному обеспечению определенного образа жизни человека в обществе на основе системы его ценностей).

В понимании термина «экономическая культура» вообще существует большое разнообразие

[5, 6]. В частности, это понятие в «широком» смысле показывает, почему и как человек действует в экономике: характеризует конкретные особенности его участия в производстве, распространении (передаче) и обновлении доминирующей в обществе в данное время системы ценностей экономической деятельности. Полагаем, что это та сфера культуры, которая специализируется на (вос)производстве субъекта экономической деятельности как носителя совокупности социальных и гуманитарных ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения. В «узком» же смысле экономическая культура воплощает специфическое для конкретной профессиональной деятельности качество способностей человека как субъекта этой деятельности, в единстве ее целей, средств и результатов.

Содержательно экономическая культура выражается такими концептами, как *отношение к труду, частной собственности, к богатству и потреблению*. Каждый может быть представлен различными феноменами, по-разному раскрываться в них.

Экономическая культура рассматривается нами как воплощение в экономике способностей личности человека не как «капитала», а как «фактора» экономической деятельности. Поэтому в современных условиях «форматизация» наличной экономической культуры – не только *ресурсно-экономическая* (повышение качества рабочей силы: обучение, переподготовка, сохранение здоровья, рекреация, и т.п) подготовка и обеспечение бытия человека для экономики, но и *социально-культурная* задача реализации его потенциала как личности в экономической деятельности.

На основе этих положений представляется возможным дать предложенной трактовке экономической культуры искомую предпринимательскую конкретизацию. Это целесообразно делать по каждому из названных концептов по их главным «феноменальным» векторам, но в рамках данной статьи можно ограничиться лишь обоснованием такого подхода.

История, традиции отечественного предпринимательства хорошо прописаны, немало и работ, ему посвященных [7–9]. Сейчас мы переживаем, так сказать, «второе пришествие» капитализма в Россию, со своими носителями – предпринимателями – «капиталистами». Среди них можно выделить несколько групп, имеющих свою специфику, экономическую культуру. Прежде всего – «новые русские», их экономическую культуру можно назвать «нецивилизованной». Она, хотя и имеет вроде бы один «вектор» с рыночной, но существенно отличается от современной западноевропейской («цивилизованной») тем, что воплощает скорее архетип «набега», а не рационального систематического, честного, новаторского, инициативного труда. Такая экономическая культура исторически имеет «дурную наследственность», в частности, в традиционном стремлении богатеть не за счет собственной инициативы, а государственных преференций [10]. Эта традиция живет и в наши дни, обогащаясь (и не только в переносном смысле) криминально-мошенническими интенциями.

Несмотря на все трудности, продолжает борьбу за существование группа предпринимателей, *стремящихся* быть «цивилизованными», адекватными постиндустриальной рыночной экономике. Но эта экономическая культура часто выступает как некий идеал, никак не может окрепнуть.

Третья, самая массовая группа – предприниматели с экономической культурой, которую можно назвать *«мутационной»*; на нее так или иначе влияют черты первого и второго видов с разными вариантами доминирования. Ее субъекты живут одним днем, точнее выживают и не думают о своем личностном развитии, социальной ответственности бизнеса.

Особого внимания (в силу своих не типологических, а возрастных качеств) заслуживает «молодежная» группа предпринимателей XXI в., начавших свое дело без груза советских традиций и часто имеющих западное экономическое образование и даже опыт работы. По мнению специалистов (их обобщил зав. отделом экономики «Независимой газеты» М. Сергеев; см. «НГ», 20.09.2017), среди присущих им качеств доминируют гибкость и адаптивность. Молодые готовы работать в более агрессивной среде, так как начинают свой бизнес в условиях жесткой конкуренции и растущего административного давления, более способны рисковать и начинать дело с небольшой доходностью, тогда как «старые» не идут в бизнес, где все сложно и где нет быстрой прибыли. Молодые сразу стремятся выстроить своему делу долгосрочный проект, более тяготеют к созданию инновационного бизнеса. Все это хорошо, но настораживает то, что среди названных качеств молодых предпринимателей

не выделяются их духовно-нравственные характеристики (разве что они более демократичны к подчиненным, но и более требовательны к конкретным результатам их работы).

Не претендуя в силу сложности тематики на концептуализацию феноменов предпринимательской экономической культуры, полагаем возможным обозначить возникающие в этом деле проблемы, важные для ее «форматирования» как приведения к цивилизованной, «западной» форме предпринимательской экономической деятельности.

Первая группа – проблемы *теоретические*. Выделим, на наш взгляд, самые интересные и перспективные:

1. Выявление основания дифференциации элементов экономической культуры предпринимателя, обусловленное не общим вектором их участия в экономике, а спецификой конкретной (профессиональной) предпринимательской деятельности. Как сильно она влияет на «формат» этого вектора в современной России? Каково обратное воздействие? Как можно корректировать эти процессы?

2. Обоснованность обобщения специфических характеристик экономической культуры конкретных предпринимателей в некую целостность, выражающую экономическую культуру данного (предпринимательского) сообщества в его отличии от других. Является ли она, так сказать, «однородно-производной» от экономической культуры общества, региона или имеет относительную самостоятельность?

3. Влияние одной профессионально-групповой предпринимательской экономической культуры («пласта») на другую, «сопряженность» аналогичных элементов разных экономических культур (субкультур) данного (предпринимательского) сообщества, разных организаций, корпораций, предпринимательских «трудовых коллективов». Это (взаимо)влияние осуществляется «объективно», или нуждается в «управлении»? Кем? Как?

4. Дифференциация экономической культуры предпринимателей на феномены: а) наличные, вполне адекватные задачам формирования цивилизованного предпринимательства; б) феномены имеющиеся, адекватные, но слабые, требующие поддержки; в) отсутствующие, требующие формирования; г) вредные, которым надо противодействовать, купировать. Возможно ли такое «разложение»? Как быть с феноменами амбивалентными? Каков механизм их корректировки?

Вторая группа – проблемы скорее *практические,* но требующие теоретического осмысления:

1. Политическое влияние на экономическую культуру предпринимателей. Разумеется, власть всегда выражает и поддерживает материальные интересы определенных социальных групп. Наши предприниматели, которые в постсоветский период смогли создать «капитал», наивно надеялись на такой «контракт» с властью: мы не мешаем вам «править», а вы нам – «зарабатывать». Но этот «консенсус» получился непрочным, в результате предпринимательство оказалось под «крышей» бюрократии, которая стала использовать имеющуюся власть для своего относительно легального обогащения. Но предпринимательство такая политика, как показывают все кризисы, не поднимает, а «окормляет», «контролирует», в лучшем случае – стабилизирует. Эта «парадигма», очевидно, не является экономически перспективной – данная система обогащения бюрократии рано или поздно начинает тормозить предпринимательство, деформировать систему его экономической культуры, вводя в нее дополнительный (к четырем названным ранее) концепт *отношения с начальством*.

2. Влияние на экономическую культуру системы права. Исходя из своей ментальности, предприниматель имеет интенцию к поиску новых форм экономической деятельности. А поскольку наличная деятельность так или иначе «схвачена» Законом, то даже субъективно законопослушный предприниматель объективно и потенциально рискует в своих экономических поисках выйти за его пределы. Лукавая формула «разрешено все, что не запрещено» может быть морально-этическим оправданием таких «выходов», но юридической силы не имеет, тем более в условиях (широко отмечаемой в СМИ) склонности работников правоохранительной системы к разным формам «контроля» предпринимательской деятельности.

3. Осмысление роли «социального капитала» для современной экономической культуры предпринимателей. Трудности в осуществлении своей деятельности вынуждают их все более полагаться в делах не на систему, экономические и правовые институции, не на образование и способности, а на «связи»: наращивать объем связей «сильных» (родственники, влиятельные, богатые друзья) и сокращать объем связей «слабых» (с просто знакомыми), не дающих преференций. Чем выше такой социальный капитал у человека,

тем скорее он готов заниматься предпринимательской деятельностью (в том числе и участвовать в «теневых» схемах, решать острые финансовые проблемы), искать новые возможности своей работы, опираясь на этот капитал, а не на «рынок». (По данным специалистов Центра социологических исследований РАНХиГС, которые в рамках проекта «Евробарометр в России» регулярно проводят опросы среди 6 тыс. человек, люди, которые обладают большим числом «сильных» контактов (более 100), в 1,5 раза чаще рассматривают возможность заняться предпринимательской деятельностью и чаще имеют свой бизнес на данный момент, чем население в целом [11]).

4. Воспитание отношения к экономической деятельности как рационально-ценностной ментальной установке [12]. Проблема тут в том, что современная отечественная практика предпринимательства по указанным выше причинам не благоприятствует развитию искомого «цивилизованного» предпринимательства; отсюда, в частности, потребности специализированных тренингов, обучения, переподготовки в западных фирмах с их экономической культурой; внедрение новых организационных форм предпринимательской деятельности (одна из проблематичных в частности – «Сколково»).

5. Разумеется, решение всех этих и других возможных проблем рассматриваемой тематики требует осуществления систематического, теоретически и методологически обоснованного *мониторинга* экономической культуры предпринимателей. Для этого важно правильно выделять группы предпринимателей, просматривать тенденции развития, изменения характеристик их экономической культуры. Но самое главное – выработка и обоснование адекватных критериев оценки, характеристики экономических культур разных групп (пластов) предпринимателей.

Обобщая, можно сказать, что экономическая культура предпринимателя есть содержательная форма «человеческого» капитала предпринимательства, воплощающая в своих концептах и феноменах систему ценностей профессионально-конкретной экономической деятельности предпринимателя как «личностно-инновационного» бизнеса, имеющего общественное значение. Предлагаемый подход позволяет осуществлять искомое «форматирование» экономической культуры предпринимателей путем конкретной работы с названными (пятью) концептами, конкретизированными феноменами экономической культуры. Такая работа прежде всего необходима для молодых предпринимателей в целях обретения ими искомой идентичности – «западной», «цивилизованной».

Рассмотрение проблематики экономической культуры предпринимателей в данной статье имеет постановочный характер обоснования дальнейших специальных исследований по выделенным направлениям работы.

Литература

1. *Лисичкин Г.С.* Карл Маркс – злейший враг российских большевиков. Минск: Полифакт, 1993. 112 с.

2. *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. 443 с.

3. Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: ИП РАН, 2013. 212 с.

4. *Королев В.К., Евграфова О.В.* Экономическая культура как «форма содержательная» трансформации понятия «человеческий капитал» // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2015. № 1.

5. *Парфенов К.Н.* Экономика и культура. М.: Русаки, 2009. 726 с.

6. *Евграфова О.В.* Экономическая культура. Ростов н/Д.: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2016. 230 с.

7. *Сущенко В.А.* Предпринимательство на трех этапах российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX века): общее и особенное в исторической судьбе. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2011. 188 с.

8. *Толмачев Н.И.* Культурный менталитет предпринимателя: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д.: РГУ, 1997.

9. *Усов В.Н.* Экономическая культура российского предпринимательства в условиях институциональных трансформаций: дис. … канд. социол. наук. Майкоп, 2013. 192 с.

10. *Пыжиков А.В.* О национальной ущербности предпринимателей. URL: www.russiapost. su (дата обращения: 12.09.2017).

11. *Вахштайн В.С.* Наиболее экономически активные граждане предпочитают уходить в «тень». Результаты социологического опроса. Евробарометр. 2017. URL: www.ranera/ru/ sobytiya/socopros (дата обращения: 09.10.2017).

12. *Архипов А.Ю.* Становление современного экономического мышления в России. Ростов н/Д.: РГУ, 1999. 226 с.

References

1. Lisichkin G.S. *Karl Marks - zleishii vrag rossiiskikh bol'shevikov* [Karl Marx - the Worst Enemy of Russian Bolsheviks]. Minsk: Polifakt, 1993, 112 p.

2. Zombart V. *Burzhua. Etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka* [Bourgeois. Etudes on the History of the Spiritual Development of Modern Economic Man]. Moscow: Nauka, 1994, 443 p.

3. *Nravstvennost' sovremennogo rossiiskogo obshchestva: psikhologicheskii analiz* [Morality of Modern Russian Society: Psychological Analysis]. Moscow: IP RAN, 2013, 212 p.

4. Korolev V.K., Evgrafova O.V. Ekonomicheskaya kul'tura kak «forma soderzhatel'naya» transformatsii ponyatiya «chelovecheskii kapital» [Economic Culture as a "Meaningful Form" of the Transformation of the "Human Capital" Concept]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestv. nauki*. 2015, No. 1.

5. Parfenov K.N. *Ekonomika i kul'tura* [Economy and Culture]. Moscow: Rusaki, 2009, 726 p.

6. Evgrafova O.V. *Ekonomicheskaya kul'tura* [Economic Culture]. Rostov-on-Don: Rossiiskaya tamozhennaya akademiya, Rostovskii filial, 2016, 230 p.

7. Sushchenko V.A. *Predprinimatel'stvo na trekh etapakh rossiiskoi modernizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka): obshchee i osobennoe v istoricheskoi sud'be* [Entrepreneurship in Three Stages of Russian Modernization (the second half of the 19th - early 20th centuries): Common and Special in Historical Destiny]. Rostov-on-Don: YuFU, 2011, 188 p.

8. Tolmachev N.I. *Kul'turnyi mentalitet predprinimatelya*: dis. ... kand. filos. nauk [Cultural Mentality of the Entrepreneur]. Rostov-on-Don: RGU, 1997.

9. Usov V.N. *Ekonomicheskaya kul'tura rossiiskogo predprinimatel'stva v usloviyakh institutsional'nykh transformatsii*: dis. … kand. sotsiol. nauk [Economic Culture of Russian Entrepreneurship in the Conditions of Institutional Transformations]. Maikop, 2013, 192 p.

10. Pyzhikov A.V. *O natsional'noi ushcherbnosti predprinimatelei* [On the National Inferiority of Entrepreneurs]. Available at: www.russiapost.su. (accessed 12.09.2017).

11. Vakhshtain V.S. *Naibolee ekonomicheski aktivnye grazhdane predpochitayut ukhodit' v «ten'». Rezul'taty sotsiologicheskogo oprosa. Evrobarometr. 2017* [The Most Economically Active Citizens Prefer to Go to the "Shadow". Results of the Sociological Survey. Eurobarometer. 2017]. Available at: www.ranera/ru/sobytiya/socopros (accessed 09.10.2017).

12. Arkhipov A.Yu. *Stanovlenie sovremennogo ekonomicheskogo myshleniya v Rossii* [Formation of Modern Economic Thinking in Russia]. Rostov-on-Don: RGU, 1999, 226 p.

Поступила в редакцию / Received ***11 ноября 2017 г. / November 11, 2017***

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

BOOKS REVIEW

DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-148-150

Осипов Ю. М. Я – революциЯ! 1917–2017: сто лет Российской революции – столетие российских революций. М.: ТЕИС, 2017. 81 с.

Osipov Yu.M. I am a Revolution! 1917-2017: One Hundred Years of the Russian Revolution - the Century of Russian Revolutions. Moscow: TEIS, 2017, 81 p.

В вековой юбилей российской революции (вариант: российских революций) закономерно ожидать конференций, монографий, научно-популярной, публицистической литературы о том событии отечественной истории, которое в последние годы власти Советов признавалось фактом особого рода – главным событием XX в.

В издательском потоке выделилась своей оригинальностью относительно небольшая, но высокой плотности содержания, подходов, смыслов, трактовок книга д-ра эконом. наук, проф. МГУ им. М. В. Ломоносова, президента Академии философии хозяйства, главного редактора журнала «Философия хозяйства» Юрия Михайловича Осипова, отличающаяся особенностями стиля, словообразованиями, которых не найдешь в словарях (Крипторевoлюция (с. 52), *бес* – человеческий (с. 58) и т.п.), активным применением дефиса в формировании новых понятий (наиболее частое – «бытие-история», совмещающее философское и конкретно-историческое видение социально-культурных объектов).

Один из компонентов названия «сто лет Российской революции – столетие российских революций» отражает авторское понимание революции и постреволюционного периода, который суть революция тоже (сумма, пирамида, комплекс революций другого ранга и содержания).

Обратимся к аннотации:

«Нестандартные размышления о феномене Российской революции по случаю революционного столетия 1917–2017 гг. – в Российской истории. Для думающих читателей, свободных от устоявшихся идейных стереотипов» (с. 2).

Полагаем, что некоторые идейные стереотипы есть результат многодесятилетних, а то и вековых научных изысканий, знания документов (например о том, что большевики были не только формирователем, но и зеркалом народного мнения; основная масса населения не желала гибнуть на войне за чуждые интересы и вожделела помещичьей земли).

Мы не только продолжаем разделять этот «стереотип», но и все больше убеждается в его истинности.

Структура книги состоит из двух компонентов:

«Тезисы о российских за последнюю сотню лет революциях, их происхождении, потаенности, безумии и непредсказуемых результатах» (34 тезиса, с. 3–20)

и раздела «Мистика Российской революции» (с. 21–80).

«Тезисы» – это определения – суждения – размышления; они разноплановы и полиподходны. Акцент в оглавлении на потаенности и безумии революции отражает мнение автора о конспиративности каких-то социально-политических шагов преобразователей. С «безумием» сложнее. Безумен может быть, с точки зрения психиатра, какой-то индивидуум. Но может ли быть безумно общество или его, скажем, революционная часть? Конечно, социальная группа может иметь признаки психического заболевания в профессиональном понимании психиатров. Но в политической сфере, в обстановке бескомпромиссных политических споров одна партия может объявить своих противников партией умалишенных. Безумие в политике имеет классовые истоки и классовый характер.

Что касается раздела о мистике, то рациональная необъяснимость (а в политике группа А объявляет себя экспертным коллективом, а группу Б – объектом изучения; группа же Б поступает так же). Мистика существует с *чьей-то* точки суждения относительно *кого-то*, а не вообще. Хотя чаще в политике враждующие субъекты *понимают* мотивы действий противоположной стороны, но *не принимают* их.

Итак, перед нами книга по теории исторического процесса (точнее, по революциологии), вышедшая в мир в одежде публицистики. Остановимся лишь на некоторых утверждениях автора по схеме: *Ю. О.* – тезис, *В. Д.* – контртезис.

Ю. О. 1. Революция – волевой […] радикальный переворот […] в текущем бытии – истории […] обычно сопровождающие сие событие – происшествие акции и процессы в роде бунтов, восстаний […]» (с.3). В данном контексте поворот – сущность, а восстания и демонстрации – это явление.

В. Д. Автором волевой переворот в текущем бытии противопоставляется массовым протестам. Да, сущность не равна явлению, но «сущность является, а явление имеет сущностную характеристику». Здесь разница в подходе к объекту со стороны философии и науки (в данном случае – исторической). Политического историка интересуют детали восстаний, философ деталями пренебрегает как несущественной стороной.

Ю. О. «6. Бытие – история как и сам человек, его сознание – органически *апокалиптичны* […]. Ничего действительно реального, кроме насилия, социального неравенства человек для себя не придумал: война, каннибализм, инцест, пытки и казни, «ну и революции тоже».

В. Д. Социальные протесты и их высшая форма – революции обычно по изначальному замыслу направлены против несправедливостей (в 1917 г. против войны). Социально-классовую борьбу не устранить, как не устранить природный закон всемирного тяготения.

В 7-м тезисе игнорируются социальные проекты революционных партий и абсолютизируются хаос и зверство (хотя партийные программы оппонентов против хаоса и зверств).

В. Д. Категорически не согласен с 9-м тезисом, который начинается с утверждения: *Ю. О.* «9. О Российской революции 1917 г. много чего говорено, но так ничего толком и не выговорено […]».

В. Д. В течение века тысячи «обществознавцев» – историков (политических, экономических, военных, социальных и др.), носителей социально-гуманитарного логического знания – социологов, политологов, теоретических экономистов, юристов и др.), а также социальных философов изучали исследования предшественников, источники и строили теоретические конструкции революции (историки, объект науки которых уникальные и единичные явления, – в меньшей степени; социальные логики и философы – в большей; но без знания критической массы конкретного содержания, что разрабатывают историки, теоретико-смысловые построения, оценки революции, думается, будут легковесны и малоадекватны).

Ю. О. «Сия революция не подпадает ни под один всамоделишный для той же России смысл […] ни бытие-история, ни ее главный вроде бы творец – человек никаким смыслом кроме на тот роковой момент тотального *бессмыслия* не обладали [...]» (с. 6).

В. Д. Носителем смыслов в России в то время были мыслители разных типов и направлений (монархисты, либералы, радикалы, философы разных онтологических и познавательных ориентаций). Поэтому не была бессмыслица, а была «полисмыслица», борьба «всех мыслей против всех концепций».

Ю. О. «11 […] Это только кажется, что бытие-история в момент революции продолжается, что действия революционеров вполне разумны, нет тут все совсем не так, ибо в революционном недобром замесе инициатива принадлежит хаосу и безумию […] » (с. 7).

В. Д. Есть разум у многих, но в результате столкновения обоснованных разумом действий индивидуумов, органов (государственных, общественных) может получиться какой-то объем хаоса и безумия; но при этом возникает цель для их преодоления. Молодой Маркс писал: «Довольно пошлая манера – поносить какое-либо благо за то, что оно – определенное благо, а не совокупность всех благ сразу, что оно – *именно это* благо, а *не какое-либо* другое (*Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 41–42) и «[…] всякая сфера человеческого существования не совершенна […] выходит, что нет среди них ни одной, которая имела бы право существовать, выходит, что человек вообще не имеет права на существование» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 53). Это – общеметодологический посыл для *любой* мысли и *любого* действия; а более близкие к сюжету слова молодого немецкого мыслителя: «[…] ни одно из французских и английских рабочих восстаний не имело столь *теоретического* и *сознательного* характера, как восстание силезских ткачей» (Там же. С. 443).

Ю. О. «12. Уход от власти царя Николая II и невхождение в нее великого князя Михаила – еще не революция, но зато ее явное предварение […]».

В. Д. Невольно автор ставит вопрос о хронографических рамках Февральской революции. Опираясь на теоретико-методологический опыт историографии Октябрьской революции, рамки Февральской революции допустимо определить: 23 февраля – примерно конец марта 1917 г. Содержание: переход власти к Временному правительству и Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов (к 2–3 марта); в течение марта – утверждение правительственных комиссаров в губерниях и самоутверждение в регионах власти Советов рабочих и солдат, Советов крестьянских депутатов, а

также общественных исполнительных разноклассовых комитетов (в течение примерно марта). Март 1917 уникален тем, что в нем сочетались две революции: Февральская (становление постимператорской власти в регионах) и Октябрьская – периодические митинги против союзнических обязательств Временного правительства.

Ю. О. В революции возникает потребность в беспощадной расправе с прошлым и настоящим, ради чего-то *иного*, причем *неизвестно какого* (! – *В.Д.)* – с нуля, с чистого листа – кровавым походом (тезис 13).

В. Д. Это объективная психо-эмоциональная особенность ниспровергателей старого режима – в первый период революции (обычно это эмоции озлобленных «нетеоретиков». Далее руководство нового Советского государства привлекает военспецов и буржуазных хозяйственников, а позже – закладывает основы новых взглядов на прошлое, где появляются положительные оценки старого режима (или элементов, отдельных лиц и т.п.); в годы Великой Отечественной вводятся погоны и ордена имени царских полководцев).

Ю. О. Сталинские мероприятия рубежа 20–30-х гг. суть антиреволюция (тезис 17).

В. Д. Контрреволюцией, буржуазной революцией № 3 (только не антифеодальной, а антисоциалистической) можно назвать события августа 1991 – декабря 1993 г.

Обращаем особое внимание на раздел «Тезисы…», из раздела «Мистика…» остановимся на двух сюжетах. Если взять убежденных сталинцев и антисталинистов, то первые не восторгаются репрессиями, а вторые, как правило, не критикуют мобилизационный план индустриализации. Ю. М. Осипов, признавая не только эффективность, но и историческую неизбежность сталинских экономических и управленческих действий конца 20 – начала 50-х гг., репрессии не оправдывает: «сталинизм оказался вполне себе эффективным строем, а вот в том, что касается уплаченной за его эффективные деяния гуманитарной цены, то тут нет и не может не быть однозначного ответа: гигантская жертва, она и есть гигантская жертва!» (с. 27).

Второе. Автор так характеризует 1990-е гг.: « […] возник […] даже не строй и не порядок, а некий, скажем так, *способ бытия,* который можно определить как *произволовый финансово-административно-информационный деспотизм* […] включенный, конечно же в глобальный финансово-менеджериально стратегический […] произволовый деспотизм […]. Именно таковым […] предстало к середине 2010-х гг. и до сих пор остается пореформенное устроение уцелевшей от разгромной, бесцеремонной и крайне присвоительной революции России – *новая,* так сказать, *Россия* […].

Тут-то является и самое поразительно интересное (!), ибо «взбрыкнула» вдруг пореформенная и постреформенная Россия, да и проделала сие по инициативе и под руководством совершенно обенефицированного и вполне довольного итогами революции и реформы верха. То не была собственно контрреволюция […], а случился вдруг странный, невероятный, невозможный разворот к … *державной России,* вполне и *суверенной.* Ни с того ни с сего! Чего не могло и не должно было быть вообще никогда и ни под каким видом … вдруг случилось. *Произошло!* […]

Полагаем, здесь сказалось недовольство народа реалиями 90-х. На недовольство народа, на союз трех «Б» (бюрократия, буржуазия, бандиты) должна была реагировать постельцинская власть, и эта власть во главе с В. В. Путиным сумела осуществить не только управленческо-технологический, но и потрясающий нравственный поворот страны. Проблемы, конечно, остаются. Беспроблемного общества не бывает.

Несогласия с рядом высказываний, подходов автора – закономерность научных дискуссий. Знакомство с книгой высекает полемику. А это – условие эффективного продолжения познавательных процессов об уникальном феномене Вселенной – человечестве планеты Земля.

В.В. Денисов,
кандидат исторических наук, доцент, и. о. начальника
кафедры гуманитарных дисциплин,
Государственный морской университет им. адм. Ф. Ф. Ушакова

DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-151-153

М.Р. Гасанов – историк и личность. Махачкала: Издательский дом, 2017. 391 с.

M.R. Gasanov - Historian and Person. Makhachkala: Izdatel'skii dom, 2017, 391 p.

Сборник очерков посвящён научной, научно-организационной и учебно-педагогической деятельности академика Международной академии наук высшей школы, проф. Магомеда Раджабовича Гасанова.

Цель издания – выяснить состояние изученности проблем истории Дагестана, раскрыть вклад М.Р. Гасанова в это, а также показать роль его в подготовке высококвалифицированных специалистов – педагогов, научных работников.

Заслуги М.Р. Гасанова в области исторической науки, научно-организационной и педагогической деятельности отмечены различными высокими званиями и наградами.

Как считают составители, «историческая наука в лице проф. М.Р. Гасанова обрела исследователя объективного, личность с развитым чувством ответственности. Его трудам свойственны масштабность подходов, комплексный взгляд на исторические факты и явления в судьбах дагестанских и остальных кавказских народов».

Сборник открывается очерком главных научных сотрудников Института ИАЭ ДНЦ РАН, профессоров О.М. Давудова, А.Р. Шихсаидова, М.М. Маммаева «Историк и личность», посвященным этапам становления ученого-историка. Авторы отмечают, что научная деятельность М.Р. Гасанова в годы работы в Институте ИЯЛ Дагфилиала АН СССР была многогранна и плодотворна. Он разработал темы по связям Дагестана и Грузии, социально-экономическому развитию Дагестана в XV – XVII вв., промыслам и ремеслам Дагестана, и др. Участвовал в экспедициях по сбору историко-этнографического материала и т.д.

Следующий очерк, авторами которого являются известные ученые, профессора Х.Х. Рамазанов, З.В. Атаев и В.В. Черноус, посвящен жизни, научной, научно-организационной, учебно-педагогической и общественной деятельности М.Р. Гасанова. Приводятся сведения о его детстве, учебе в школе, сначала в Хурикской НСШ, затем в Хучнинской СШ. В 1957 г. он поступает на историко-филологический факультет Даггоспединститута (ныне ДГУ), затем – в аспирантуру Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. После ее окончания в 1966–1972 гг. М.Р. Гасанова зачисляют научным сотрудником сектора истории Дагестана досоветского периода. Он разрабатывает актуальные проблемы истории народов Дагестана и Кавказа, участвует в экспедициях по сбору историко-этнографического материала, использует материалы архивов, публикует статьи, выступает на научных конференциях.

Особый период в жизни М.Р. Гасанова – его работа ученым секретарем Дагестанского филиала АН СССР, научная, научно-организационная педагогическая и воспитательная деятельность в Даггоспедуниверситете, где он разработал оригинальные курсы лекций: «История Дагестана», «Взаимоотношения народов Дагестана с народами Кавказа и Россией», а также авторские курсы, которые получили высокие оценки Министерства образования и науки Российской Федерации. Курс лекций по истории Дагестана, составителем и автором основных лекций которого является М.Р. Гасанов, был неоднократно переиздан.

В течение ряда лет, отмечают авторы очерка, М.Р. Гасанов занимал должность декана исторического факультета, им была проведена значительная работа по дальнейшему совершенствованию учебно-воспитательного процесса, а в 1993 г. по его инициативе создается кафедра истории Дагестана. В эти годы он издает труды по проблемам взаимоотношений народов Дагестана с народами Кавказа, Россией, со странами Передней Азии, разрабатывает учебные пособия, программы по дагестанской истории, актуальные научные темы. Большое внимание уделяет подготовке высококвалифицированных специалистов, научных работников. В очерке упоминается о грантах различных уровней, выигранных научной школой М.Р. Гасанова.

В материале В.Ф. Патраковой и В.В. Черноуса «Научная школа по истории Дагестана профессора М.Р. Гасанова» подробно излагается о научной, научно-исследовательской и научно-организационной деятельности М.Р. Гасанова, о создании научной школы «Актуальные проблемы истории Дагестана, Кавказа и России», о присуждении ему гранта Президента РФ, подготовке научных кадров, проведении международных, российских и региональных научных конференций. В годы работы в Институте ИЯЛ и Президиуме Дагфилиала АН СССР, подчеркивают авторы, по различным вопросам научно- исследовательской и научно-организационной деятельности проф. М.Р. Гасанов общался с видными учеными и организаторами науки страны – академиками М.В. Келдышем, В.А. Котельниковым, А.П. Александровым, Ю.А. Овчинниковым, П.Н. Федосеевым, Г.К. Скрябиным, Б.А. Рыбаковым, А.Л. Нарочницким, И.И. Минцом, Б.Б. Пиотровским, Ю.А. Ждановым, Ю.А. Поляковым, А.П. Новосельцевым и многими другими, а также с учеными из союзных республик – академиками Г.А. Меликишвили, О.М. Джапаридзе, О.Д. Лордкипанидзе, А.С. Чикобава, Г.С. Читая, А. Шанидзе, Г.В. Церетели, А.С. Сумбатзаде, А.А. Ализаде, З.М. Буниятовым, Ц.П. Агаяном, А.А. Аракеляном, С.Т. Еремяном, Г.А. Галояном и др. Впоследствии о многих из них М.Р.Гасанов опубликовал содержательные статьи и эссе.

В книге приводится указатель литературы о жизни и трудах М.Р. Гасанова.

В очерке «Результаты научной деятельности» изложено содержание основных монографических исследований и учебников, приводится хронологический указатель трудов, дан перечень докладов, выступлений. Труды М.Р. Гасанова, сказано в разделе, вывели дагестанскую историческую науку на качественно новый уровень. Без преувеличения они изменили господствовавшее в литературе мнение о взаимоотношениях дагестанских народов с народами Кавказа, как о вечно враждебных. В его научных трудах раскрыты многовековые и разносторонние связи горцев Дагестана с остальными кавказцами.

Весомое место в сборнике занимают материалы юбилейных научных сессий, посвященных 60-летию и 70-летию М.Р. Гасанова. Во вступительном слове ректора Ш.И. Исмаилова, в докладах проф. Х.Х. Рамазанова, проф. О.М. Давудова, в выступлениях А.-Г.К. Алиева, М.М. Митарова, Г.Г. Гамзатова и других дана высокая оценка научной, научно-организационной, учебно-педагогической деятельности М.Р. Гасанова. Ее можно выразить словами академика В.И. Вернадского: «Вся история науки на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации учёных или сотни и тысячи исследователей, придерживавшихся господствующих взглядов».

В сборник вошли приветственные адреса, телеграммы, поздравления в связи с избранием М.Р. Гасанова академиком Международной академии наук высшей школы, с различными наградами, званиями, а также с юбилеями.

Опубликованы выдержки из интервью с М.Р. Гасановым, приводятся фотоматериалы о его жизни и деятельности.

Благодаря многолетней, продолжающейся более полстолетия совместной работе и сотрудничеству, мы достаточно хорошо и близко знаем Магомеда Раджабовича – ученого-кавказоведа, педагога, общественного деятеля.

Изложенные в сборнике материалы дают основание выразить то главное, что столь отличало его разностороннюю личность как человека и ученого – это щедрость души. С друзьями, учениками, коллегами он делится не просто своими знаниями, но и сокровенными идеями, неопубликованными научными разработками, неизданным материалом. Поражает, с каким бережным уважением относится Магомед Раджабович к тому научному наследию, на котором взрастает его собственное творчество. Обладая завидной эрудицией и не позволяя себе взяться за перо прежде чем не проштудирует всей литературы по проблеме, он приводит мнения предшественников и некоторые моменты критикует корректно. Другое качество его – это непомерное чувство долга перед памятью прошлого, требованиями настоящего и ответственности за будущее.

Магомед Раджабович формировался как ученый, не только воспринимая от своих учителей лучшее, но и критически оценивая их наследие. Он всегда отдаёт отчёт самому себе и стремится привить ученикам, что выход любой статьи или монографии это ещё не событие. Явлением они становятся лишь тогда, когда обретают настоящую и долгую жизнь, пережив своих создателей. Однако он не устает повторять, что каждый, кто берется за перо, чтобы изложить, а затем печатно обнародовать

свои мысли, неизбежно соприкасается с вечностью, а потому несёт перед ней особую ответственность.

Выдающиеся успехи М.Р. Гасанова и всеобщее признание, которым он пользуется, – это итог удачного сочетания в одном лице неординарного таланта исследователя, вдумчивого и масштабно мыслящего ученого, организатора науки и высшего образования, основательного собирателя исторического наследия народов и, конечно же, личности, наделенного от природы культурой человеческого общения, высокой отзывчивостью и личной скромностью.

Н.И. Исмаилов,
профессор,
Дагестанский государственный
педагогический университет

DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-154-155

Журтова А.А., Максимчик А.Н. Историография российско-кавказских отношений в XVI–XIX вв.: два подхода к осмыслению проблемы. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. 440 с.

Zhurtova A.A., Maksimchik A.N. Historiography of Russian-Caucasian Relations in the 16th-19th Centuries: Two Approaches to Understanding the Problem. Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2017, 440 p.

Характерной чертой современного развития исторической науки является возрастающий интерес к анализу оснований собственной познавательной деятельности. Важнейшим инструментом научной рефлексии выступают историографические исследования. Проблема взаимоотношений России и народов Северного Кавказа – одна из наиболее разработанных в кавказоведении и находит свое отражение в многочисленных научных публикациях. Однако их изучение не раз становилось причиной возникновения настоящих «историографических войн», участники которых нередко апеллировали к тем или иным событиям прошлого для обоснования собственных идейно-политических пристрастий.

С этой точки зрения исследование А.А. Журтовой и А.Н. Максимчика, представляющих российскую и белорусскую школы кавказоведения, вполне своевременно и перспективно. Их совместная монография состоит из двух частей, каждая из которых является завершенным исследованием и характеризуется индивидуальным авторским подходом.

Авторы заостряют внимание на теоретических и методологических основах изучения историографии российско-кавказских взаимоотношений в прошлом. А.А. Журтова осуществляет терминологический анализ используемых в источниках понятий и категорий и обосновывает целесообразность применения в историографическом исследовании дисциплинарной матрицы Й. Рюзена. А.Н. Максимчик дает исторический и историографический обзор тематической литературы по проблеме присоединения Северного Кавказа к России, описывает методологическую базу своего исследования.

В рамках имперской историографии вхождения Кавказа в состав России А.А. Журтова выделяет три направления: консервативное, либеральное и демократическое. Можно согласиться с автором в том, что исследования дореволюционного периода носили менее идеологизированный характер, чем новейшая историография, которая испытывает определенное давление со стороны общественных и государственных структур. С точки зрения А.Н. Максимчика, в дореволюционный период историография присоединения Северного Кавказа значительно обогатилась новым фактическим материалом, оформила ряд концептуальных положений, которые стали характерными для всей истории изучения региона.

Методологической основой советских исследований выступал марксизм. В первой половине XX в., как утверждает А.А. Журтова, процесс изучения интеграции северокавказских народов в состав России развивался по направлению от теории об «абсолютном зле» к идее о «наименьшем зле». Возникшая в середине 1950-х гг. теория о «добровольном присоединении» северокавказских окраин к России, по определению автора, послужила одним из главных инструментов воспитания советского общества в духе «дружбы народов». По мнению А.Н. Максимчика, несмотря на широкое использование фактического материала из работ дореволюционных историков, советские историки значительно расширили круг исследовательских проблем. Достижением советской исторической науки, как подчеркивают оба автора, стало появление первых обобщающих работ по истории Северного Кавказа.

По мнению авторов, в современной исторической науке сложился методологический плюрализм и среди исследователей проблемы российско-кавказских взаимоотношений в XVI–XIX вв. наблюдается определенная поляризация подходов к данному вопросу. Историки, условно обозначенные как «российские», обосновывают мирный и добровольный характер вхождения кавказских обществ в состав Российского государства. В региональных исследованиях подчеркивается союзнический и взаимовыгодный характер российско-кавказских взаимоотношений в XVI–XVIII вв., завершившихся их

насильственной интеграцией в состав России в ходе Кавказской войны. По замечанию А.А. Журтовой, главной задачей современной историографии является преодоление этноцентризма в исследованиях, ликвидация кавказофобских и русофобских тенденций в подходах к изучению процесса вхождения народов Северного Кавказа в состав России.

Положительно оценивая новую публикацию современных кавказоведов, считаем нужным выделить ряд аспектов, требующих детализации и внимания в дальнейших научных работах.

1. Недостаточно обосновано общее название монографии, предполагающее наличие двух разных подходов к историографическому осмыслению российско-кавказских взаимоотношений. Взгляды А.А. Журтовой и А.Н. Максимчика не являются антагонистичными, а создают комплексное представление о предмете изучения благодаря акцентированию авторского внимания на разных аспектах одной проблемы.

2. Выбор методологии исследования нуждается в более широком и конкретном обосновании, что следует из особенностей самого предмета исследования, который соединяет в себе черты историографии как проблемно-тематического исследования и историографии как истории исторической науки.

3. Логично выглядело бы общее заключение, в котором авторы подвели общий итог исследования и предложили план дальнейшей работы по данной научной проблеме.

В целом можно подчеркнуть, что монография А.А. Журтовой и А.Н. Максимчика представляет самостоятельное исследование, которое далеко выходит за рамки квалификационного исследования. Обоим авторам удалось передать не только динамику процессу смены историографических этапов, но и продемонстрировать влияние на этот процесс изменений в общественно-политической и культурно-исторической ситуации. Рецензируемая работа подводит историографические итоги и одновременно прогнозирует дальнейшее направление научных исследований по историография российско-кавказских отношений в XVI–XIX вв.

П.А. Кузьминов,
профессор кафедры общей истории,
Кабардино-Балкарский государстввенный университет

В.В. Черноус,
кандидат политических наук, профессор,
Южный федеральный университет

DOI 10.23683/0321-3056-2018-1-156-158

Очерки истории Северного Кавказа. XX век / Т.А. Невская и др.; науч. ред. Т.А. Булыгина. Пятигорск; Ставрополь : ПГЛУ, 2014. 354 с.

Essays on the History of the North Caucasus. XX century / T.A. Nevskaya and others; sci. ed. T.A. Bulygina. Pyatigorsk; Stavropol: PGLU, 2014, 354 p.

Данная книга, судя по тиражу издания (500 экз.), является начальным этапом большого проекта по созданию истории Северного Кавказа XX в. в многообразии проявлений этой эпохи Российской истории.

Жанр работы в виде очерков предполагает свободу изложения указанных в содержании проблем, а также подтверждает то, что авторский коллектив (Т.Н. Булыгина, В.П. Ермаков, И.В. Зозуля, С.Б. Калинченко, И.В. Крючков, С.И. Линец, Т.А. Невская, А.П. Скорик, Н.И. Суханова) намерен продвигаться по пути создания фундаментального труда.

Обращает на себя внимание структура издания, которая объединила классический хронологический принцип исторического исследования и проблемный подход в контексте «новой исторической науки». Построение работы отходит от типичного деления на «дореволюционный» и «советский» периоды. Перед нами – «длинный» XX в., демонстрирующий цивилизационный разлом, переживаемый Россией, в конкретных проявлениях исторической практики одного из своеобразнейших регионов страны.

Судя по представленным материалам, концептуально в основе книги лежат принцип государственности и теория модернизации. Однако наряду с этим есть обращения к истории повседневности и исторической антропологии, как, например, в первой части второго очерка и в седьмом очерке.

Достойно внимания толкование политической и экономической модернизации в начале XX в. на материалах региона, освещение специфики этих процессов на Северном Кавказе. Раскрывается, каким образом окраинный, «национальный» район Российской империи постепенно втягивался в политические процессы, как реализовывался здесь принцип парламентаризма. Много внимания уделено социально-экономическим особенностям Северного Кавказа осуществления общенациональных тенденций в реформировании России. Надо заметить, что в первом очерке подробно и квалифицированно описано состояние экономики в разных районах Северного Кавказа с позиций экономической модернизации. Также подробно и скрупулезно освещены политические и социальные движения в регионе в ходе нарастания революции 1905–1907 гг. Здесь показан широкий спектр настроений местного населения в отношении революции, в том числе и на фоне общественной активности людей, далеких от политики. Немалую роль сыграло участие жителей Северного Кавказа в выборах в Государственную Думу. По нашему мнению, в очерке не уделялось внимания духовным переменам в локальных сообществах Северного Кавказа и антропологическому контексту.

Наиболее оригинальными являются материалы второго очерка. Фундаментально прописана история Гражданской войны на Северном Кавказе, а также показаны совершенно новые ракурсы Первой мировой войны в контексте истории Северного Кавказа. В частности, интересен международный контекст Кавказского фронта войны. Мало изучен сюжет о роли военнопленных в хозяйственной и повседневной жизни региона. В рамках исторической имагологии показан механизм формирования имперской властью образа врага на примере Северного Кавказа, раскрыт процесс трансформации массового сознания различных слоев жителей под влиянием реалий войны, изменение их поведенческих стереотипов. Авторы показали новые формы самоорганизации местного населения, возникших в процессе преодоления военных трудностей. Интересен сюжет об участии представителей Северного Кавказа в боевых действиях Первой мировой войны, что имеет немалое значение в процессе формирования современной гражданской идентичности.

Параграфы второго очерка основательно фундированы. Интерес вызывает материал о революции 1917 г. и Гражданской войне на Северном Кавказе. Выдвинута оригинальная концепция социокультурных, организационных и политических факторов победы большевиков на Северном Кавказе. Показана сложность, противоречивость и непредсказуемость формирования новой системы управления

в регионе на разных этапах революции и Гражданской войны, специфика настроений жителей в отношении происходивших событий. Раскрыта природа инициатив локальных сообществ региона по самоорганизации.

Отметим обширность материалов первого и второго очерков. Материал двух последних параграфов второго очерка вполне соответствует представлению о том, что Северный Кавказ оказался одним из эпицентров Гражданской войны. В третьем очерке, на наш взгляд, пунктирно освещены социокультурные, политические и экономические преобразования в контексте сталинской модернизации. В то же время читатель ждет более фундированного и подробного описания истории региона в эпоху нэпа. Именно Северный Кавказ как аграрный регион, с одной стороны, был базой для экспериментов власти, а с другой – здесь прослеживалась более непосредственная зависимость состояния сельского хозяйства от погодных условий и методов управления. Кроме того, можно было расширить сюжет о третьей силе или «зеленом движении» на Северном Кавказе, так как здесь имелась для подобного движения обширная социальная база. История восстановления местной промышленности и особенности проведения сплошной коллективизации опирается на обширные источники, что придает очерку особенную ценность.

На конкретном материале показан процесс «раздувания» властью социального противостояния на селе. Наконец, интересным представляется рассмотрение особенностей процесса национально-государственного строительства на Северном Кавказе. В перспективе, возможно, следует обратить внимание на антропологический и психологический контекст истории Северного Кавказа в 1920 – 1930-е гг.

Особый интерес вызывает четвертый очерк об истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Он многообразен по сюжетам, основывается на большом количестве источников. Раскрыт вклад народов Северного Кавказа в достижение Победы на разных этапах войны, социальные изменения в жизни локальных сообществ региона. Автор привел интересный материал по мало изученной проблеме эвакуации с Северного Кавказа, подчеркнув не только общую, но и региональную специфику отдельных территорий. Интересен сюжет о различных сторонах жизни жителей Северного Кавказа в условиях оккупации. Наряду с подробным описанием проявлений коллаборационизма не менее ярко показан патриотизм большинства жителей Северного Кавказа на материалах партизанского движения. Освещен трудовой героизм местных жителей, буквально из пепла возродивших некогда цветущий край. В очерке не обойдены противоречия и трудности восстановления региона. Затронуты вопросы о голоде, злоупотреблениях местной власти, об отсутствии необходимых резервов. Выделена проблема депортации народов Северного Кавказа, рассмотрены ее причины и последствия.

В пятом очерке достаточно подробно описан процесс восстановления не только экономики и управленческих структур в различных районах Северного Кавказа, но и впервые представлена картина восстановления системы образования, культуры и науки, а также национальных культур народов Северного Кавказа. Развитие науки в северокавказских республиках послужило фактором восстановления экономики. В то же время о сложностях, просчетах и трудностях восстановительного периода, к сожалению, сказано пунктирно. Требует и более подробного освещения вопрос о его специфике в различных районах Северного Кавказа.

В шестом очерке освещается жизнь населения Северного Кавказа в контексте политических изменений в стране. Один из центральных сюжетов – возвращение на родину депортированных народов, что повлияло на территориально-административный статус региона, на социальные процессы. Показана связь этих процессов и с рядом трудностей в экономической и социальной действительности Северного Кавказа. Инициативы, проявленные в сельском хозяйстве, позволили региону выйти в передовые ряды аграрных областей СССР. Одновременно на конкретном материале отражены слабости реформы управления. Наиболее подробно раскрыты изменения промышленной отрасли в условиях реформ. Практически именно в эти годы развернулся заключительный этап промышленной революции в регионе, кардинально изменивший социальную структуру населения Северного Кавказа.

В очерке на богатом материале прослеживается динамика научной и вузовской жизни в конце 1950-х – середине 1960-х гг., а также культурной жизни региона. Также показано влияние на быт народов Северного Кавказа городской культуры, которая нивелировала национальные этнические особенности и вполне соответствовала задачам власти по созданию надэтнической общности. Однако

трудно было поколебать ментальные установки этносов, их религиозную природу, особенно в семейно-брачных отношениях в локальных сообществах Северного Кавказа.

Заключительный седьмой очерк объединяет общие направления истории Северного Кавказа в почти не изученный профессиональными историками период российского прошлого – середина 1960-х – середина 1980-х гг. Показывается неоднородность представлений научного сообщества историков о последнем советском периоде российской истории. Отметим самую сильную сторону этого очерка – стремление к выявлению общих тенденций и особенностей развития региона в эти годы и к научно-теоретическим обобщениям и выводам. В нем раскрываются противоречия социальных процессов на Северном Кавказе, столкновение ускоренной европеизации в форме «советскости» с архаичными формами повседневной жизни и традиционными связями.

Крайне актуален вопрос об истории складывания местных элит как этнических, так и региональных, их общесоюзный контекст и северокавказская специфика. Новым является признание того, что классическая урбанизация ускорилась и завершилась в этот период, рассматриваются ее признаки и последствия. Затронуты причины роста внутренних противоречий в социальной толще региона, отмечено, что принятые меры оказались недостаточными для их преодоления. Не только констатируются те или иные явления в экономической жизни Северного Кавказа 1970-х гг., но выявляются характер ее противоречий, факторы, усугублявшие общие для страны негативные тенденции. Кроме того, впервые затронуты проблемы интеграции региона не только в экономическое пространство страны, но в страны СЭВ. Описаны тенденции социокультурного развития региона. Наконец, впервые в местной историографии в обобщенном виде раскрыты тенденции в политической и общественной жизни Северного Кавказа конца 1980 – 1990-х гг.

В целом можно сказать, что эта книга позволила наметить основные направления углубленной разработки истории Северного Кавказа, обнажила наиболее изученные темы и «белые пятна». Издание помогает взглянуть на историю Северного Кавказа XX в. как на единое социокультурное, геополитическое и хозяйственное пространство в рамках Российской империи и СССР, которое под влиянием мощных политических перемен не изжило своего социокультурного пограничья и черт фронтира.

Вместе с тем заявленная хронология «Очерков» не вполне соответствует тексту. Несмотря на то что содержание седьмого очерка оказалось гораздо шире заявленных временных рамок, но и оно доводит нас до начала 1990-х гг., а наиболее тяжелая для Северного Кавказа эпоха последнего десятилетия XX в. не получила освещения. Думается, что этому времени, начиная с 1991 г. стоило бы посвятить отдельный очерк.

У авторского коллектива впереди большой путь – сбор и обработка нового комплекса источников, разработка единой концепции, создание обширного историописания на основе новейших методов исторической науки.

Н.А. Мининков,
доктор исторических наук, профессор,
Южный федеральный университет

Н.А. Трапш,
кандидат исторических наук,
директор Государственного архива Ростовской области

Цена свободная

Индекс 70414

Научно-образовательный и прикладной журнал

«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки и археология.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке − через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс − 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.
Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».
Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.
E-mail: **izvestiya@sfedu.ru**.
Адрес в Интернете: **www.izvestiya.sfedu.ru**.

ISSN 0321-3056. DOI 10.23683/0321-3056-2018-1.
Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2018. № 1